

ДАР СЛОВА

КАК ХОРОШО УМЕТЬ ЧИТАТЬ!

2

ДАР СЛОВА
Часть 2

Книга для чтения
Для детей 7–10 лет

Санкт-Петербург
«Златоуст»

2008

УДК 821.161.1–93

Как хорошо уметь читать! : книга для чтения : для детей 7–10 лет / сост. Вадим Левин. — СПб. : Златоуст, 2008. — 232 с. (Дар слова. В 3 ч. Ч. 2)

What pleasure it is to know how to read! : reading-book : for children 7–10 years old / comp. by Vadim Levin. — St. Petersburg : Zlatoust, 2008. — 232 p. (The gift of eloquence. In 3 parts. Part 2)

ISBN 978-5-86547-455-5

Составитель: *Вадим Левин*
Художники: *Наталья и Сергей Гордиенко*

Зав. редакцией: *А.В. Голубева*
Редактор: *Д.В. Шаманский*
Корректор: *И.В. Евстратова*
Оригинал-макет: *Л.О. Пащук*

«Дар слова» — книга для чтения, рассчитанная на совместное чтение ребёнка со взрослым и самостоятельное чтение ребёнка 5–12 лет. Она состоит из трёх частей: «Это очень интресно!» (5–7 лет), «Как хорошо уметь читать!» (7–10 лет) и «Про всех на свете» (10–12 лет). В комплект каждой части входят книга для чтения, методические подсказки и аудиоприложение.

© Левин Вадим (составление), 2008

© ЗАО «Златоуст» (редакционно-издательское оформление, издание, лицензионные права), 2008

© Гордиенко Наталья и Сергей (иллюстрации, оформление), 2008

Подготовка оригинал-макета: издательство «Златоуст».

Подписано в печать 09.01.2008. Формат 84x108/16. Печ.л. 14,5. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.

Заказ № 8951.

Код продукции: ОК 005-93-953005.

Санитарно-эпидемиологическое заключение на продукцию издательства Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека
№ 78.01.07.953.П.004147.04.07 от 25.04.2007

Издательство «Златоуст»: 197101, Санкт-Петербург, Каменноостровский пр., д. 24, кв. 24.

Тел.: (+7-812) 346-06-68, факс: (+7-812) 703-11-79, e-mail: sales@zlat.spb.ru, <http://www.zlat.spb.ru>

Отпечатано по технологии СтР в ОАО «Печатный двор» им. А.М. Горького.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

О ТЕБЕ, ОБО МНЕ И ОБ УЧЁНОМ АРХИМЕДЕ

*(История с открытиями,
рассказанная составителем
при открытии этой
хрестоматии-библиотеки)*

Как хорошо уметь читать!
Не надо к маме приставать!
Не надо бабушку трясти:
«Прочти, пожалуйста! Прочти!»
Не надо умолять сестрицу:
«Ну почитай ещё страницу!»
Не надо звать,
Не надо ждать,
А можно взять и прочитать!

*Валентин Берестов
«Читалочка»*

СНАЧАЛА ОБ АРХИМЕДЕ

Он родился примерно две тысячи триста лет назад в греческом городе Сиракузы на острове Сицилия и стал величайшим математиком и механиком древности. Наверное, потому, что с детства много читал и учился. Об этом известно из старинных книг. Вообще, о знаменитом Архимеде в старинных книгах сохранилось много историй, о которых трудно теперь сказать, так ли всё было на самом деле. Такие истории называют легендами. Если верить одной из легенд, свой закон «О плавающих телах» Архимед открыл в бане.

Скорее всего, произошло это в жаркий летний день, когда солнце палило так, что голова не хотела думать. А в бане был полумрак и ждала ванна, до краёв наполненная прохладной водой. Учёный погрузился в неё и сразу почувствовал облегчение. Голова у него прояснилась и захотела думать. Потому что он был математиком и любил замечать в жизни и решать разные задачи. В этот раз задачу подсказали ему уши: они уловили плеск — часть воды перелилась через край ванны на пол.

— Интересно, сколько воды вылилось? — спросил себя Архимед. И сам себе и ответил:

— Вылилось ровно столько, сколько места заняло в воде моё тело. Это и ребёнку понятно.

Тут он почувствовал, что его тело, погружённое в воду, стало легче, чем обычно, и всплывает в ванне.

— Ага, — подумал Архимед. — На моё тело действует выталкивающая сила. Интересно, чему эта сила равна? Вот это уже не детская задача. Надо будет поискать ответ после купания.

Но голова его уже заработала и не могла отключиться. И вдруг он сообразил:

— Эта сила равна весу воды, которую я вытеснил из ванны своим телом. Вода, которую я вытеснил, весит больше моего тела. Поэтому оно плавает. Значит... Значит... Значит, тяжёлый корабль не тонет тогда, когда вода, которую он вытесняет, весит больше, чем корабль. Вот это да! Я открыл закон плавания тел! Я сделал **О-Т-К-Р-Ы-Т-И-Е!**

Он так обрадовался, что выскочил из ванны и с греческим криком «Эврика! Эврика!» побежал по раскалённым Сиракузам — мокрый и совершенно голый.

Архимед кричал по-гречески, потому что был греком. Но с тех пор люди в разных странах тоже кричат по-гречески «Эврика!», когда совершают открытия.

Наверное, тебе уже понятно, как перевести «Эврика!» на русский язык. А если непонятно, у тебя есть возможность сделать **ОТКРЫТИЕ** сейчас: ты **ОТКРОЕШЬ**, что такое «Эврика», когда прочитаешь моё шуточное стихотворение —

ОБ ОТКРЫТИИ АРХИМЕДА

Известен случай с давних лет
в истории открытий
о том, как древний Архимед
открыл закон в корыте.

Стояла жгучая жара.
Философ в воду влез с утра.

Он погрузился до ушей,
вода покрыла плечи —
и стало легче на душе,
и тело стало легче.

И вдруг —
прилив душевных сил,
и Архимед сообразил:

На тело, погружённое в воду,
действует выталкивающая сила,
равная весу воды
в объёме погружённой части тела!

Он закричал:
— Нашёл! Нашёл!
И, как сидел в воде,
по Сиракузам нагишом
помчался обалдев.

И мне не удивительно —
он совершил ОТКРЫТИЕ!
Открытие, открытие —
великое событие!

А ТЕПЕРЬ О ТЕБЕ И ОБО МНЕ

Перед тобой — открытая книга. Книга, ОТКРЫТАЯ тобой. Это твоё читательское ОТКРЫТИЕ, и ты вправе кричать «Эврика!» (конечно, если ты открыл книгу в библиотеке, кричать «Эврика!» нужно шёпотом). Я рад, что ты стал Читателем и можешь читать любые сказки и легенды, рассказы и стихи, всё, что пожелаешь. Я очень рад, что ты открыл и читаешь эту хрестоматию.

Рад и за тебя, и за себя. Потому что пока ты и твои друзья росли и учились читать, я со своими друзьями собирал для вас стихи, сказки и рассказы любимых авторов. Из этих любимых произведений и составлена твоя книга. Конечно, не из всех, а только из тех, которые уместились в хрестоматию и которые ты, надеюсь, тоже полюбишь.

Чтобы тебе всякий раз было легче находить то, что ты хочешь сейчас почитать, я разложил всё по полочкам: стихи поместил на полку стихов, сказки — на полку сказок, рассказы — на полку рассказов. Как в библиотеке. На четвёртой полке — собрания сочинений тех авторов, которые пишут и стихи, и сказки, и загадки и переводят на русский произведения, написанные на других языках. А ещё в этой книге есть пятая полка. На ней ты встретишь загадки, игры, задания, шутки, скороговорки, дразнилки и всякое разное интересное, что можно найти в детских газетах, журналах, альманахах и на детских страничках Интернета. Будем называть такую полку журнальной.

Так у меня получилась КНИЖКА-БИБЛИОТЕКА «Как хорошо уметь читать!», которую ты уже читаешь. А это значит, что «История с открытиями» о тебе, обо мне и об учёном Архимеде продолжается. Теперь от тебя, уважаемый Читатель, зависит, какой она получится: скучной или увлекательной, длинной или короткой. Помни о наблюдательности и любознательности Архимеда, и ты, читая эту книгу, непременно начнёшь совершать открытия (потому что в библиотеке открытия делать гораздо удобнее, чем в бане). И тогда эта история с открытиями станет такой интересной, что ты будешь продолжать и продолжать её много лет.

Милости прошу в книжку-библиотеку, дорогой Читатель!

*С уважением,
Вадим Левин, составитель этой книги*

**ПОЛКА
СКАЗОК**

ПО ЩУЧЬЕМУ ВЕЛЕНИЮ

Народные сказки

ПЕТУШОК — ЗОЛОТОЙ ГРЕБЕШОК И ЖЕРНОВЦЫ (Обработка А.Н. Афанасьева)

Жил да был себе старик со старухой, бедные-бедные! Хлеба-то у них не было. Вот они поехали в лес, набрали желудей, привезли домой и начали есть. Долго ли, коротко ли они ели, только старуха уронила один жёлудь в подполье. Пустил жёлудь росток и в небольшое время дорос до полу. Старуха заприметила и говорит:

— Старик! Надобно пол-то прорубить. Пускай дуб растёт выше. Как вырастет, не станем в лес за желудями ездить, станем в избе рвать.

Старик прорубил пол. Деревцо росло-росло и выросло до потолка. Старик разобрал и потолок, а после и крышу снял: деревцо всё растёт да растёт и доросло до самого неба.

Не стало у старика со старухой желудей, взял он мешок и полез на дуб. Лез-лез... и взобрался на небо. Ходил-ходил по небу, увидал: сидит кочеток — золотой гребешок, а возле него стоят жерновцы. Старик не долго думал, захватил с собой и кочетка и жерновцы и спустился в избу.

Спустился и говорит старухе:

— Как нам быть, что нам есть?

— Пстой, — молвила старуха, — я попробую жерновцы.

Взяла жерновцы и стала молоть: ан блин да пирог, блин да пирог, что ни повернёт — всё блин да пирог! И накормила старика.

Ехал мимо какой-то боярин и заехал к старику со старушкой в хату.

— Нет ли, — спрашивает, — чего-нибудь поесть?

Старуха говорит:

— Чего тебе, родимый, дать — разве блинков?

Взяла жерновцы и намолола: на-падали блинки да пирожки.

Боярин поел и говорит:

— Продай мне, бабушка, твои жерновцы.

— Нет, — отвечает старуха, — продавать нельзя.

Он позавидовал чужому добру и украл у ней жерновцы. Как увидали старик со старухою, что украдены жерновцы, стали горевать.

— Пстой, — говорит кочеток — золотой гребешок, — я полечу, догоню!

Прилетел он к боярским хоромам, сел на ворота и кричит:

— Кукареку! Боярин, боярин! Отдай наши жерновцы, золотые, голубые!

Как услышал боярин, сейчас приказывает:

— Эй, малый! Возьми брось его в воду.

Поймали кочетка, бросили в колодец. Он и стал приговаривать:

— Носик, носик, пей воду! Ротик, ротик, пей воду... — и вытянул весь колодец.

Выпил воду и полетел к боярским хоромам. Уселся на балкон и опять кричит:

— Кукареку, боярин, боярин! Отдай наши жерновцы, золотые, голубые! Боярин, боярин! Отдай наши жерновцы, золотые, голубые!

Боярин велел повару бросить его в горячую печь. Поймали кочетка, бросили в горячую печь — прямо в огонь. Он и стал приговаривать:

— Носик, носик, лей воду! Ротик, ротик, лей воду...

И залил весь жар в печи. Вспорхнул, влетел в боярские палаты и опять кричит:

— Кукареку! Боярин, боярин! Отдай наши жерновцы, золотые, голубые! Боярин, боярин! Отдай наши жерновцы, золотые, голубые!

В то же самое время боярин гостей принимал. Гости услышали, что кричит кочеток, и тотчас же побежали вон из дому. Хозяин бросился догонять их, а кочеток — золотой гребешок подхватил жерновцы и улетел с ними к старику и старухе.

ЦАРЕВНА-ЛЯГУШКА (Обработка А.Н. Толстого)

В старые годы у одного царя было три сына. Вот, когда сыновья стали на возрасте, царь собрал их и говорит:

— Сынки мои любезные, покуда я ещё не стар, мне охота бы вас женить, посмотреть на ваших деточек, на моих внучат.

Сыновья отцу отвечают:

— Так что ж, батюшка, благослови. На ком тебе желательно нас женить?

— Вот что, сынки, возьмите по стреле, выходите в чистое поле и стреляйте: куда стрелы упадут, там и судьба ваша.

Сыновья поклонились отцу, взяли по стреле, вышли в чистое поле, натянули луки и выстрелили. У старшего сына стрела упала на боярский двор, подняла стрелу боярская дочь. У среднего сына упала стрела на широкий купеческий двор, подняла её купеческая дочь.

А у младшего сына, Ивана-царевича, стрела поднялась и улетела сам не знает куда. Вот он шёл, шёл, дошёл до болота, видит — сидит лягушка, подхватила его стрелу. Иван-царевич говорит ей:

— Лягушка, лягушка, отдай мою стрелу.

А лягушка ему отвечает:

— Возьми меня замуж!

— Что ты, как я возьму себе в жёны лягушку?

— Бери, знать, судьба твоя такая.

Закручинился Иван-царевич. Делать нечего, взял лягушку, принёс домой. Царь сыграл три свадьбы: старшего сына женил на боярской дочери, среднего — на купеческой, а несчастного Ивана-царевича — на лягушке.

Вот царь позвал сыновей:

— Хочу посмотреть, которая из ваших жён лучшая рукодельница. Пускай сошьют мне к завтраму по рубашке. Сыновья поклонились отцу и пошли.

Иван-царевич приходит домой, сел и голову повесил. Лягушка по полу скачет, спрашивает его:

— Что, Иван-царевич, голову повесил? Или горе какое?

— Батюшка велел тебе к завтраму рубашку ему сшить.

Лягушка отвечает:

— Не тужи, Иван-царевич, ложись лучше спать, утро вечера мудренее.

Иван-царевич лёг спать, а лягушка прыгнула на крыльцо, сбросила с себя лягушечью кожу и обернулась Василисой Премудрой, такой красавицей, что и в сказке не расскажешь.

Василиса Премудрая ударила в ладоши и крикнула:

— Мамки, няньки, собирайтесь, снаряжайтесь! Сшейте мне к утру такую рубашку, какую видела я у моего родного батюшки.

Иван-царевич утром проснулся, лягушка опять по полу скачет, а уж рубашка лежит на столе, завёрнута в полотенце. Обрадовался Иван-царевич, взял рубашку, понёс к отцу. Царь в это время принимал дары от больших сыновей. Старший сын развернул рубашку, царь принял её и сказал:

— Эту рубашку в чёрной избе носить.

Средний сын развернул рубашку, царь сказал:

— В ней только в баню ходить.

Иван-царевич развернул рубашку, изукрашенную золотом-серебром, хитрыми узорами. Царь только взглянул:

— Ну, вот это рубашка — в праздник её надевать.

Пошли братья по домам — те двое — и судят между собой:

— Нет, видно, мы напрасно смеялись над женой Ивана-царевича: она не лягушка, а какая-нибудь хитра...

Царь опять позвал сыновей:

— Пускай ваши жёны испекут мне к завтраму хлеб. Хочу узнать, которая лучше стряпает.

Иван-царевич голову повесил, пришёл домой. Лягушка его спрашивает:

— Что закручинился?

Он отвечает:

— Надо к завтраму испечь царю хлеб.

— Не тужи, Иван-царевич, лучше ложись спать, утро вечера мудренее.

А те невестки сперва-то смеялись над лягушкой, а теперь послали одну бабушку-задворенку посмотреть, как лягушка будет печь хлеб.

Лягушка хитра, она это смекнула. Замесила квашню, печь сверху разломала да прямо туда, в дыру, всю квашню и опрокинула. Бабушка-задворенка прибежала к царским невесткам, всё рассказала, и те так же стали делать.

А лягушка прыгнула на крыльцо, обернулась Василисой Премудрой, ударила в ладоши:

— Мамки, няньки, собирайтесь, снаряжайтесь! Испеките мне к утру мягкий белый хлеб, какой я у моего родного батюшки ела.

Иван-царевич утром проснулся, а уж на столе лежит хлеб, изукрашен разными хитростями: по бокам узоры печатные, сверху города с заставами.

Иван-царевич обрадовался, завернул хлеб в ширинку, понёс к отцу. А царь в то время принимал хлебы от больших сыновей. Их жёны-то попускали тесто в печь, как им бабушка-задворенка сказала, и вышла у них одна горелая грязь. Царь принял хлеб от старшего сына, посмотрел и отослал в людскую. Принял от среднего сына и туда же отослал. А как подал Иван-царевич, царь сказал:

— Вот это хлеб, только в праздник его есть.

И приказал царь трём своим сыновьям, чтобы завтра явились к нему на пир вместе с жёнами.

Опять воротился Иван-царевич домой невесел, ниже плеч голову повесил. Лягушка по полу скачет:

— Ква, ква, Иван-царевич, что закручинился? Или услышал от бабушки слово не приветливое?

— Лягушка, лягушка, как мне не горевать? Бабушка наказал, чтобы я пришёл с тобой на пир, а как я тебя людям покажу?

Лягушка отвечает:

— Не тужи, Иван-царевич, иди на пир один, а я вслед за тобой буду. Как услышишь стук да гром, не пугайся. Спросят тебя, скажи: «Это моя лягушонка в коробчонке едет».

Иван-царевич и пошёл один. Вот старшие братья приехали с жёнами, разодетыми, разубранными, нарумяненными, насурьмлёнными. Стоят да над Иваном-царевичем смеются:

— Что же ты без жены пришёл? Хоть бы в платочке её принёс. Где ты такую красавицу выискал? Чай, все болота исходил.

Царь с сыновьями, с невестками, с гостями сели за столы дубовые, за скатерти браные — пировать. Вдруг поднялся стук да гром, весь дворец затрясся. Гости напугались, повскакали с мест, а Иван-царевич говорит:

— Не бойтесь, честные гости: это моя лягушонка в коробчонке приехала.

Подлетела к царскому крыльцу золочёная карета о шести белых лошадях, и выходит оттуда Василиса Премудрая: на лазоревом платье — частые звёзды, на голове — месяц ясный, такая красавица — ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать. Берёт она Ивана-царевича за руку и ведёт за столы дубовые, за скатерти браные.

Стали гости есть, пить, веселиться. Василиса Премудрая испила из стакана да последки себе за левый рукав вылила. Закусила лебедем да косточки за правый рукав бросила.

Жёны бóльших царевичей увидали её хитрости и давай то же делать.

Попили, поели, настал черёд плясать. Василиса Премудрая подхватила Ивана-царевича и пошла. Уж она плясала, плясала, вертелась, вертелась — всем на диво. Махнула левым рукавом — вдруг сделалось озеро, махнула правым рукавом — поплыли по озеру белые лебеди. Царь и гости диву дались.

А старшие невестки пошли плясать: махнули рукавом — только гостей забрызгали, махнули другим — только кости разлетелись, одна кость царю в глаз попала. Царь рассердился и прогнал обеих невесток.

В ту пору Иван-царевич отлучился потихоньку, побежал домой, нашёл там лягушечью кожу и бросил её в печь, сжёл на огне.

Василиса Премудрая возвращается домой, хватилась — нет лягушечьей кожи. Села она на лавку, запечатилась, приуныла и говорит Ивану-царевичу:

— Ах, Иван-царевич, что же ты наделал! Если бы ты ещё только три дня подождал, я бы вечно твоей была. А теперь прощай. Ищи меня за тридевять земель, в тридесятом царстве, у Кощея Бессмертного...

Обернулась Василиса Премудрая серой кукушкой и улетела в окно. Иван-царевич поплакал, поплакал, поклонился на четыре стороны и пошёл куда глаза глядят — искать жену, Василису Премудрую. Шёл он близко ли, далёко ли, долго ли, коротко ли, сапоги проносил, кафтан истёр, шапчонку дождик иссёк. Попадается ему на встречу старый старичок.

— Здравствуй, добрый молодец! Что ищешь, куда путь держишь?

Иван-царевич рассказал ему про своё несчастье. Старый старичок говорит ему:

— Эх, Иван-царевич, зачем ты лягушечью кожу спалил? Не ты её надел, не тебе её было снимать. Василиса Премудрая хитрей, мудрёней своего отца уродилась. Он за то осерчал на неё и велел ей три года быть лягушкой. Ну, делать нечего, вот тебе клубок: куда он покатится, туда и ты ступай за ним смело.

Иван-царевич поблагодарил старого старичка и пошёл за клубочком. Клубок катится, он за ним идёт. В чистом поле попадается ему медведь. Иван-царевич нацелился, хочет убить зверя. А медведь говорит ему человеческим голосом:

— Не бей меня, Иван-царевич, когда-нибудь тебе пригожусь.

Иван-царевич пожалел медведя, не стал его стрелять, пошёл дальше. Глядь, летит над ним селезень. Он нацелился, а селезень говорит ему человеческим голосом:

— Не бей меня, Иван-царевич, я тебе пригожусь.

Он пожалел селезня и пошёл дальше. Бежит косой заяц. Иван-царевич опять спохватился, хочет в него стрелять, а заяц говорит человеческим голосом:

— Не убивай меня, Иван-царевич, я тебе пригожусь.

Пожалел он зайца, пошёл дальше. Подходит к синему морю и видит — на берегу, на песке, лежит щука, едва дышит и говорит ему:

— Ах, Иван-царевич, пожалей меня, брось в синее море!

Он бросил щуку в море, пошёл дальше берегом. Долго ли, коротко ли, прикатился клубочек к лесу. Там стоит избушка на курьих ножках, кругом себя поворачивается.

— Избушка, избушка, стань по-старому, как мать поставила: к лесу задом, ко мне передом.

Избушка повернулась к нему передом, к лесу задом. Иван-царевич взошёл в неё и видит: на печи, на девятом кирпиче, лежит Баба-яга, костяная нога, зубы — на полке, а нос в потолок врос.

— Зачем, добрый молодец, ко мне пожаловал? — говорит ему Баба-яга. — Дело пытаешь или от дела лытаешь?

Иван-царевич ей отвечает:

— Ах ты, старая хрычовка, ты бы меня прежде напоила, накормила, в бане выпарила, тогда бы и спрашивала.

Баба-яга его в бане выпарила, напоила, накормила, в постель уложила, и Иван-царевич рассказал ей, что ищет свою жену, Василису Премудрую.

— Знаю, знаю, — говорит ему Баба-яга, — твоя жена теперь у Кощея Бессмертного. Трудно её будет достать, нелегко с Кощеем сладить: его смерть на конце иглы, та игла в яйце, яйцо в утке, утка в зайце, тот заяц сидит в каменном сундуке, а сундук стоит на высоком дубу, и тот дуб Кощей Бессмертный, как свой глаз, бережёт.

Иван-царевич у Бабы-яги переночевал, и наутро она ему указала, где растёт высокий дуб. Долго ли, коротко ли, дошёл туда Иван-царевич, видит — стоит, шумит высокий дуб, на нём каменный сундук, а достать его трудно.

Вдруг, откуда ни взялся, прибежал медведь и выворотил дуб с корнем. Сундук упал и разбился. Из сундука выскочил заяц — и наутёк во всю прыть. А за ним другой заяц гонится, нагнал и в клочки разорвал. А из зайца вылетела утка, поднялась высоко, под самое небо. Глядь, на неё селезень кинулся, как ударит её — утка яйцо выронила, упало яйцо в синее море...

Тут Иван-царевич залился горькими слезами — где же в море яйцо найти! Вдруг подплывает к берегу щука и держит яйцо в зубах. Иван-царевич разбил яйцо, достал иголку и давай у неё конец ломать. Он ломает, а Кощей Бессмертный бьётся, мечется. Сколько ни бился, ни метался Кощей, сломал Иван-царевич у иглы конец, пришлось Кощею помереть.

Иван-царевич пошёл в кощеевы палаты белокаменные. Выбежала к нему Василиса Премудрая, поцеловала его в сахарные уста. Иван-царевич с Василисой Премудрой воротились домой и жили долго и счастливо до глубокой старости.

ХАВРОШЕЧКА (Обработка А.Н. Толстого)

Есть на свете люди хорошие, есть и похуже, есть и такие, которые своего брата не стыдятся.

К таким-то и попала Крошечка-Хаврошечка. Осталась она сиротой, взяли её эти люди, выкормили и работой заморили: она и ткёт, она и прядёт, она и прибирает, она и за всё отвечает.

А были у её хозяйки три дочери. Старшая звалась — Одноглазка, средняя — Двуглазка, а меньшая — Триглазка.

Дочери только и знали, что у ворот сидеть, на улицу глядеть, а Крошечка-Хаврошечка на них работала: их и обшивала, для них пряла и ткала — и слова доброго никогда не слыхала.

Выйдет, бывало, Крошечка-Хаврошечка в поле, обнимет свою рябую коровку, ляжет к ней на шейку и рассказывает, как ей тяжело жить-поживать.

— Коровушка-матушка! Меня бьют, журят, хлеба не дают, плакать не велят. К завтрашнему дню мне велено пять пудов напрядь, наткать, побелить и в трубы покачать.

А коровушка ей в ответ:

— Красная девица, влезь ко мне в одно ушко, а в другое вылезь — всё будет сработано.

Так и сбывалось. Влезет Хаврошечка коровушке в одно ушко, вылезет из другого — всё готово: и наткано, и побелено, и в трубы покатано.

Отнесёт она холсты к хозяйке. Та поглядит, покряхтит, спрячет в сундук, а Крошечке-Хаврошечке ещё больше работы задаст.

Хаврошечка опять придёт к коровушке, обнимет её, погладит, в одно ушко влезет, в другое вылезет и готовенькое возьмёт, принесёт хозяйке.

Вот хозяйка позвала свою дочь Одноглазку и говорит ей:

— Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая, поди догляди, кто сироте помогает: и ткёт, и прядёт, и в трубы катает?

Пошла Одноглазка с Хаврошечкой в лес, пошла с нею в поле, да забыла матушкино приказанье, распеклась на солнышке, разлеглась на травушке. А Хаврошечка приговаривает:

— Спи, глазок, спи, глазок!

Глазок у Одноглазки и заснул. Пока Одноглазка спала, коровушка всё наткала, и побелила, и в трубы скатала.

Так ничего хозяйка не дозналась и послала вторую дочь — Двуглазку:

— Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая, поди догляди, кто сироте помогает.

Двуглазка пошла с Хаврошечкой, забыла матушкино приказание, на солнышке распеклась, на травушке разлеглась. А Хаврошечка баюкает:

— Спи, глазок, спи, другой!

Двуглазка глаза и смежила. Коровушка наткала, побелила, в трубы накатала, а Двуглазка всё спала.

Старуха рассердилась и на третий день послала третью дочь — Триглазку, а сироте ещё больше работы задала.

Триглазка попрыгала, попрыгала, на солнышке размо-
рилась и на травушку упала.

Хаврошечка поёт:

— Спи, глазок, спи, другой!

А о третьем глазке и забыла.

Два глаза у Триглазки заснули, а третий глядит и всё
видит: как Хаврошечка корове в одно ушко влезла, в дру-
гое вылезла и готовые холсты подобрала.

Триглазка вернулась домой и матери всё рассказала.

Старуха обрадовалась, на другой же день пришла к
мужу:

— Режь рябую корову!

Старик и так и сяк:

— Что ты, старуха, в уме ли! Корова молодая, хорошая!

— Режь, да и только!

Делать нечего. Стал точить старик ножик. Хаврошеч-
ка про это спознала, в поле побежала, обня-
ла рябую коровушку и говорит:

— Коровушка-матушка! Тебя резать
хотят.

А коровушка ей отвечает:

— А ты, красная девица, моего
мяса не ешь, а косточки мои собе-
ри, в платочек завяжи, в саду их
схорони и никогда меня не забы-
вай: каждое утро косточки водою
поливай.

Старик зарезал коровушку. Хав-
рошечка всё сделала, что коровушка
ей завещала: голодом голодала, мяса
её в рот не брала, косточки её за-
рыла и каждый день в саду по-
ливала.

И выросла из них яблонька, да какая! — яблочки на ней висят наливные, листья шумят золотые, веточки гнутся серебряные. Кто не едет мимо — останавливается, кто проходит близко — заглядывается.

Много ли времени прошло, мало ли, Одноглазка, Двуглазка и Триглазка гуляли раз по саду.

На ту пору ехал мимо сильный человек — богатый, кудреватый, молодой. Увидел в саду наливные яблочки, стал затрагивать девушек:

— Девицы-красавицы, которая из вас мне яблочко поднесёт, та за меня замуж пойдёт.

Три сестры и бросились одна перед другой к яблоне.

А яблочки-то висели низко, под руками были, а тут поднялись высоко, далеко над головами.

Сёстры хотели их сбить — листья глаза засыпают, хотели сорвать — сучки косы расплетают. Как ни бились, ни метались — руки изодрали, а достать не могли.

Подошла Хаврошечка — веточки к ней приклонились, и яблочки к ней опустились. Угостила она того сильного человека, и он на ней женился. И стала она в добре поживать, лиха не зная.

СЕСТРИЦА АЛЁНУШКА И БРАТЕЦ ИВАНУШКА (Обработка А.Н. Толстого)

Жили-были старик да старуха, у них была дочка Алёнушка да сынок Иванушка.

Старик со старухой умерли. Остались Алёнушка да Иванушка одни-одинёшеньки.

Пошла Алёнушка на работу и братца с собой взяла. Идут они по дальнему пути, по широкому полю, и захотелось Иванушке пить.

— Сестрица Алёнушка, я пить хочу!

— Подожди, братец, дойдём до колодца.

Шли-шли — солнце высоко, колодец далеко, жар донимает, пот выступает. Стоит коровье копытце полно водицы.

— Сестрица Алёнушка, хлебну я из копытца!

— Не пей, братец, телёночком станешь!

Братец послушался, пошли дальше.

Солнце высоко, колодец далеко, жар донимает, пот выступает. Стоит лошадиное копытце полно водицы.

— Сестрица Алёнушка, напьюсь я из копытца!

— Не пей, братец, жеребёночком станешь!

Вздыхнул Иванушка, опять пошли дальше.

Идут, идут — солнце высоко, колодец далеко, жар донимает, пот выступает. Стоит козье копытце полно водицы.

Иванушка говорит:

— Сестрица Алёнушка, мочи нет: напьюсь я из копытца!

— Не пей, братец, козлёночком станешь!

Не послушался Иванушка и напился из козьего копытца.

Напился и стал козлёночком...

Зовёт Алёнушка братца, а вместо Иванушки бежит за ней беленький козлёночек.

Залилась Алёнушка слезами,
села под стожок — плачет, а коз-
лёночек возле неё скачет.

В ту пору ехал мимо купец:
— О чём, красная девица, пла-
чешь?

Рассказала ему Алёнушка про
свою беду.

Купец ей говорит:

— Поди за меня замуж.
Я тебя наряжу в злато-серебро, и
козлёночек будет жить с нами.

Алёнушка подумала, подума-
ла и пошла за купца замуж.

Стали они жить-поживать, и
козлёночек с ними живёт, ест-
пьет с Алёнушкой из одной чаш-
ки.

Один раз купца не было дома. Откуда ни возьмись,
приходит ведьма: стала под Алёнушкино окошко и так-
то ласково начала звать её купаться на реку.

Привела ведьма Алёнушку на реку. Кинулась на неё,
привязала Алёнушке на шею камень и бросила её в воду.

А сама оборотилась Алёнушкой, нарядилась в её пла-
тье и пришла в хоромы. Никто ведьму не распознал. Ку-
пец вернулся — и тот не распознал.

Одному козлёночку всё было ведомо. Повесил он го-
лову, не пьёт, не ест. Утром и вечером ходит по бережку
около воды и зовёт:

— Алёнушка, сестрица моя!..

Выплынь, выплынь на бережок...

Узнала об этом ведьма и стала просить мужа — зарежь
да зарежь козлёнка...

Купцу жалко было козлёночка, привык он к нему. А ведьма так пристаёт, так упрашивает, — делать нечего, купец согласился:

— Ну, нарежь его...

Велела ведьма разложить костры высокие, греть котлы чугунные, точить ножи булатные.

Козлёночек проведал, что ему недолго жить, и говорит названному отцу:

— Перед смертью пусти меня на речку сходить, водицы испить, кишочки прополоскать.

— Ну, сходи.

Побежал козлёночек на речку, стал на берегу и жалобнѐхонько закричал:

— Алѐнушка, сестрица моя!

Выплынь, выплынь на бережок.

Костры горят высокие,
Котлы кипят чугунные,
Ножи точат булатные,
Хотят меня зарезати!

Алѐнушка из реки ему отвечает:

— Ах, братец мой Иванушка!
Тяжѐл камень на дно тянет,
Шѐлкова трава ноги спутала,
Жѐлты пески на груди легли.

А ведьма ищет козлёночка, не может найти и посылает слугу:

— Пойди найди козлѐнка, приведи его ко мне.

Пошѐл слуга на реку и видит: по берегу бегают козлѐночек и жалобнѐхонько зовѐт:

— Алёнушка, сестрица моя!
Выплывь, выплывь на бережок.
Костры горят высокие,
Котлы кипят чугунные,
Ножи точат булатные,
Хотят меня зарезати!

А из реки ему отвечают:

— Ах, братец мой Иванушка!
Тяжёл камень на дно тянет,
Шёлкова трава ноги спутала,
Жёлты пески на груди легли.

Слуга побежал домой и рассказал купцу про то, что слышал на речке. Собрали народ, пошли на реку, закинули сети шелковые и вытащили Алёнушку на берег. Сняли камень с шеи, окунули её в ключевую воду, одели её в нарядное платье. Алёнушка ожила и стала краше, чем была.

А козлёночек от радости три раза перекинулся через голову и обернулся мальчиком Иванушкой.

Ведьму привязали к лошадиному хвосту и пустили в чистое поле.

ПО ЩУЧЬЕМУ ВЕЛЕНИЮ (Обработка А.Н. Толстого)

Жил-был старик. У него было три сына: двое умных, третий — дурачок Емеля.

Те братья работают, а Емеля целый день лежит на печке, знать ничего не хочет.

Один раз братья уехали на базар, а бабы, невестки, давай посылать его:

— Сходи, Емеля, за водой.

А он им с печи:

— Неохота...

— Сходи, Емеля, а то братья с базара воротятся, гостинцев тебе не привезут.

— Ну ладно.

Слез Емеля с печки, обулся, оделся, взял вёдра да топор и пошёл на речку.

Прорубил лёд, зачерпнул вёдра и поставил их, а сам глядит в прорубь. И увидел Емеля в проруби щуку. Изловчился и ухватил щуку в руку:

— Вот уха будет сладка!

Вдруг щука говорит ему человеческим голосом:

— Емеля, отпусти меня в воду, я тебе пригожусь.

А Емеля смеётся:

— На что ты мнегодишься?.. Нет, понесу тебя домой, велю невесткам уху сварить. Будет уха сладка.

Щука взмолилась опять:

— Емеля, Емеля, отпусти меня в воду, я тебе сделаю всё, что ни пожелаешь.

— Ладно, только покажи сначала, что не обманываешь меня, тогда отпущу.

Щука его спрашивает:

— Емеля, Емеля, скажи, — чего ты сейчас хочешь?

— Хочу, чтобы вёдра сами пошли домой и вода бы не расплескалась.

Щука ему говорит:

— Запомни мои слова: когда что тебе захочется — скажи только:

По щучьему веленью,
по моему хотенью...

Емеля и говорит:

— По щучьему веленью,
по моему хотенью —
ступайте, вёдра, сами домой...

Только сказал — вёдра сами и пошли в гору. Емеля пустил щуку в прорубь, а сам пошёл за вёдрами.

Идут вёдра по деревне, народ дивится, а Емеля идёт сзади, посмеивается... Зашли вёдра в избу и сами стали на лавку, а Емеля полез на печь.

Прошло много ли, мало ли времени — невестки говорят ему:

— Емеля, что ты лежишь? Пошёл бы дров нарубил.

— Неохота...

— Не нарубишь дров, братья с базара воротятся, гостинцев тебе не привезут.

Емеле неохота слезать с печи. Вспомнил он про щуку и потихоньку говорит:

— По щучьему веленью,

По моему хотенью —

поди, топор, наколи дров, а дрова — сами в избу ступайте и в печь кладитесь.

Топор выскочил из-под лавки — и на двор, и давай дрова колоть, а дрова сами в избу идут и в печь лезут.

Много ли, мало ли времени прошло — невестки опять говорят:

— Емеля, дров у нас больше нет. Съезди в лес, наруби.

А он им с печки:

— Да вы-то на что?

— Как — мы на что?.. Разве наше дело в лес за дровами ездить?

— Мне неохота...

— Ну, не будет тебе подарков.

Делать нечего, слез Емеля с печи, обулся, оделся. Взял верёвку и топор, вышел на двор и сел в сани:

— Бабы, отворяйте ворота!

Невестки ему говорят:

— Что ж ты, дурень, сел в сани, а лошадь не запряг?

— Не надо мне лошади.

Невестки отворили ворота, а Емеля говорит потихоньку:

— По щучьему веленью,

по моему хотенью —

ступайте, сани, в лес...

Сани сами и поехали в ворота, да так быстро — на лошади не догнать.

А в лес-то пришлось ехать через город, и тут Емеля много народу помял, подавил. Народ кричит: «Держи его! Лови его!» А он знай сани погоняет. Приехал в лес:

— По щучьему веленью,
По моему хотенью —
топор, наруби дровишек посуше, а вы, дровишки, сами валитесь в сани, сами овяжитесь...

Топор начал рубить, колоть сухие деревья, а дровишки сами в сани валятся и верёвкой вяжутся. Потом Емеля велел топору вырубить себе дубинку — такую, чтобы насилу поднять. Сел на воз:

— По щучьему веленью,
По моему хотенью —
поезжайте, сани, домой...

Сани помчались домой. Опять проезжает Емеля по тому городу, где давеча помял, подавил много народу, а там его уж дожидаются. Ухватили Емелю и тащат с возу, ругают и бьют.

— По щучьему веленью,
По моему хотенью —
ну-ка, дубинка, обломай им бока...

Дубинка выскочила — и давай колотить. Народ кинулся прочь, а Емеля приехал домой и залез на печь.

Долго ли, коротко ли — услышал царь об Емелиных проделках и посылает за ним офицера: его найти и привезти во дворец.

Приезжает офицер в ту деревню, входит в ту избу, где Емеля живёт, и спрашивает:

— Ты — дурак Емеля?

А он с печки:

— А тебе что?

— Одевайся скорее, я повезу тебя к царю.

— А мне неохота...

Рассердился офицер и ударил его по щеке.

А Емеля говорит потихоньку:

— По щучьему веленью,

По моему хотенью —

дубинка, обломай ему бока...

Дубинка выскочила — и давай колотить офицера, насилу он ноги унёс.

Царь удивился, что его офицер не мог справиться с Емелей, и посылает своего самого на́большего вельможу:

— Привези ко мне во дворец дурака Емелю, а то голову с плеч сниму.

Накупил на́больший вельможа изюму, черносливу, пряников, приехал в ту деревню, вошёл в ту избу и стал спрашивать у невесток, что любит Емеля.

— Наш Емеля любит, когда его ласково попросят да красный кафтан посулят, — тогда он всё сделает, что ни попросишь.

Набольший вельможа дал Емеле изюму, черносливу, пряников и говорит:

— Емеля, Емеля, что ты лежишь на печи? Поедем к царю.

— Мне и тут тепло...

— Емеля, Емеля, у царя тебя будут хорошо кормить-пить, — пожалуйста, поедем.

— А мне неохота...

— Емеля, Емеля, царь тебе красный кафтан подарит, шапку и сапоги.

Емеля подумал-подумал:

— Ну, ладно, ступай ты вперёд, а я за тобой вслед буду.

Уехал вельможа, а Емеля полежал ещё и говорит:

— По щучьему веленью,

По моему хотенью —

ну-ка, печь, поезжай к царю...

Тут в избе углы затрещали, крыша зашаталась, стена вылетела, и печь сама пошла по улице, по дороге прямо к царю.

Царь глядит в окно, дивится:

— Это что за чудо?

Набольший вельможа ему отвечает:

— А это Емеля на печи к тебе едет.

Вышел царь на крыльцо:

— Что-то, Емеля, на тебя много жалоб! Ты много народу подавил...

— А зачем они под сани лезли?

В это время в окно на него глядела царская дочь — Марья-царевна. Емеля увидал её в окошке и говорит потихоньку:

— По щучьему веленью,
По моему хотенью —
пускай царская дочь меня полюбит...

И сказал ещё:

— Ступай, печь, домой...

Печь повернулась и пошла домой, вошла в избу и стала на прежнее место. Емеля опять лежит-полёживается.

А у царя во дворце крик да слёзы. Марья-царевна по Емеле скучает, не может жить без него, просит отца, чтобы выдал он её за Емелю замуж. Тут царь забедовал, затужил и говорит опять на-большему вельможе:

— Ступай, приведи ко мне Емелю живого или мёртвого, а то голову с плеч сниму.

Накупил на-больший вельможа вин сладких да разных закусок, поехал в ту деревню, вошёл в ту избу и начал Емелю потчевать.

Емеля напился, наелся, захмелел и лёг спать. А вельможа положил его в повозку и повёз к царю.

Царь тотчас велел прикатить большую бочку с железными обручами. В неё посадили Емелю и Марью-царевну, засмолили и бочку в море бросили.

Долго ли, коротко ли, проснулся Емеля, видит — темно, тесно:

— Где же это я?

А ему отвечают:

— Скучно и тошно, Емелюшка! Нас в бочку засмолили, бросили в синее море.

— А ты кто?

— Я — Марья-царевна.

Емеля говорит:

— По щучьему веленью,

По моему хотенью —

ветры буйные, выкатите бочку на сухой берег, на жёлтый песок...

Ветры буйные подули. Море взволновалось, бочку выкинуло на сухой берег, на жёлтый песок. Емеля и Марья-царевна вышли из неё.

— Емелюшка, где же мы будем жить? Построй какую ни на есть избушку.

— А мне неохота...

Тут она стала его ещё пуще просить, он и говорит:

— По щучьему веленью,

По моему хотенью —

выстройся каменный дворец с золотой крышей...

Только он сказал — появился каменный дворец с золотой крышей. Кругом — зелёный сад: цветы цветут и птицы поют. Марья-царевна с Емелей вошли во дворец, сели у окошечка.

— Емелюшка, а нельзя тебе красавчиком стать?

Тут Емеля не долго думал:

— По щучьему веленью,

По моему хотенью —

стать мне добрым молодцем, писанным красавцем...

И стал Емеля таким, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

А в ту пору царь ехал на охоту и видит — стоит дворец, где раньше ничего не было.

— Это что за невежа без моего дозволения на моей земле дворец поставил?

И послал узнать-спросить: «Кто такие?»

Послы побежали, стали под окошком, спрашивают.

Емеля им отвечает:

— Просите царя ко мне в гости, я сам ему скажу.

Царь приехал к нему в гости. Емеля его встречает, ведёт во дворец, сажает за стол. Начинают они пировать. Царь ест, пьёт и не надивится:

— Кто же ты такой, добрый молодец?

— А помнишь дурачка Емелю, как приезжал к тебе на печи, а ты велел его со своей дочерью в бочку засмолить, в море бросить? Я — тот самый Емеля. Захочу — всё твоё царство пожгу и разорю.

Царь сильно испугался, стал прощенья просить:

— Женись на моей дочери, Емелюшка, бери моё царство, только не губи меня!

Тут устроили пир на весь мир. Емеля женился на Марье-царевне и стал править царством.

Тут и сказке конец, а кто слушал — молодец.

ПО МОЕМУ ХОТЕНИЮ

Авторские сказки

Александр Пушкин

СКАЗКА О РЫБАКЕ И РЫБКЕ

Жил старик со своею старухой
У самого синего моря;
Они жили в ветхой землянке
Ровно тридцать лет и три года.
Старик ловил неводом рыбу,
Старуха пряла свою пряжу.
Раз он в море закинул невод, —
Пришёл невод с одною тиною.
Он в другой раз закинул невод, —
Пришёл невод с травой морскою.
В третий раз закинул он невод, —
Пришёл невод с одною рыбкой,
С непростою рыбкой, — золотою.
Как взмолился золотая рыбка!
Голосом молвит человеческим:
«Отпусти ты, старче, меня в море,
Дорогой за себя дам откуп:
Откуплюсь чем только пожелаешь».
Удивился старик, испугался:
Он рыбачил тридцать лет и три года
И не слыхивал, чтоб рыба говорила.

Отпустил он рыбку золотую
И сказал ей ласковое слово:
«Бог с тобою, золотая рыбка!
Твоего мне откупа не надо;
Ступай себе в синее море,
Гуляй там себе на просторе».

Воротился старик ко старухе,
Рассказал ей великое чудо.
«Я сегодня поймал было рыбку,
Золотую рыбку, не простую;
По-нашему говорила рыбка,
Домой в море синее просилась,
Дорогою ценою откупалась:
Откупалась чем только пожелаю.
Не посмел я взять с неё выкуп;
Так пустил её в синее море».
Старика старуха забранила:
«Дурачина ты, простофиля!
Не умел ты взять выкупа с рыбки!
Хоть бы взял ты с неё корыто,
Наше-то совсем расколосось».

Вот пошёл он к синему морю;
Видит, — море слегка разыгралось.
Стал он кликать золотую рыбку,
Приплыла к нему рыбка и спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей с поклоном старик отвечает:

«Смилуйся, государыня рыбка,
Разбранила меня моя старуха,
Не даёт старику мне покою:
Надобно ей новое корыто;
Наше-то совсем расколосось».
Отвечает золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с Богом,
Будет вам новое корыто».

Воротился старик ко старухе,
У старухи новое корыто.
Ещё пуще старуха бранится:
«Дурачина ты, простофиля!
Выпросил, дурачина, корыто!
В корыте много ль корысти?
Воротись, дурачина, ты к рыбке;
Поклонись ей, выпроси уж избу».

Вот пошёл он к синему морю,
(Помутилося синее море.)
Стал он кликать золотую рыбку,
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей старик с поклоном отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка!
Ещё пуще старуха бранится,
Не даёт старику мне покою:
Избу просит сварливая баба».
Отвечает золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с Богом,
Так и быть: изба вам уж будет».

Пошёл он ко своей землянке,
А землянки нет уж и следа;
Перед ним изба со светёлкой,
С кирпичною, белёною трубою,
С дубовыми, тесовыми вороты.

Старуха сидит под окошком,
На чём свет стоит мужа ругает:
«Дурачина ты, прямой простофиля!
Выпросил, простофиля, избу!
Воротись, поклонися рыбке:
Не хочу быть чёрной крестьянкой,
Хочу быть столбовою дворянкой».

Пошёл старик к синему морю;
(Неспокойно синее море.)
Стал он кликать золотую рыбку.
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей с поклоном старик отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка!

Пуще прежнего старуха вздурилась,
Не даёт старику мне покою:
Уже не хочет быть она крестьянкой,
Хочет быть столбовою дворянкой».
Отвечает золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с Богом».

Воротился старик ко старухе.
Что ж он видит? Высокий терем.
На крыльце стоит его старуха
В дорогой собольей душегрейке,
Парчовая на маковке кичка,
Жемчуги огрузили шею,
На руках золотые перстни,
На ногах красные сапожки.
Перед нею усердные слуги;
Она бьёт их, за чупрун таскает.
Говорит старик своей старухе:
«Здравствуй, барыня сударыня дворянка!
Чай, теперь твоя душенька довольна».

На него прикрикнула старуха,
На конюшню служить его послала.

Вот неделя, другая проходит,
Ещё пуще старуха вздурилась:
Опять к рыбке старика посылает.

«Воротись, поклонися рыбке:
Не хочу быть столбовою дворянкой,
А хочу быть вольною царицей».

Испугался старик, взмолился:
«Что ты, баба, белены объелась?
Ни ступить, ни молвить не умеешь!

Насмешишь ты целое царство».

Осердилась пуще старуха,

По щеке ударила мужа.

«Как ты смеешь, мужик, спорить со мною.

Со мною, дворянкой столбовою? —

Ступай к морю, говорят тебе честью,

Не пойдёшь, поведут поневоле».

Старичок отправился к морю,
(Почернело синее море.)

Стал он кликать золотую рыбку.

Приплыла к нему рыбка, спросила:

«Чего тебе надобно, старче?»

Ей с поклоном старик отвечает:

«Смилуйся, государыня рыбка!

Опять моя старуха бунтует:

Уж не хочет быть она дворянкой,

Хочет быть вольною царицей».

Отвечает золотая рыбка:

«Не печалься, ступай себе с Богом!

Добро! будет старуха царицей!»

Старичок к старухе воротился.

Что ж? пред ним царские палаты,

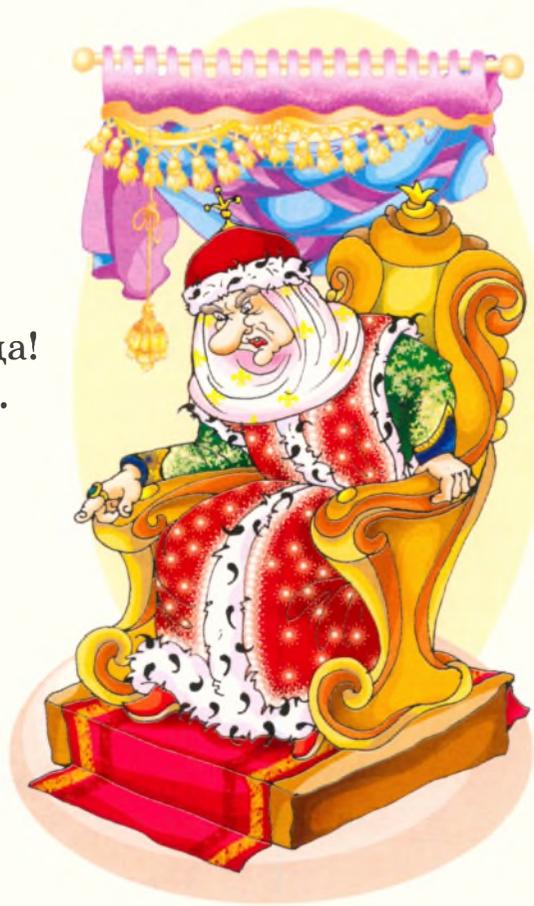

В палатах видит свою старуху,
За столом сидит она царицей,
Служат ей бояре да дворяне,
Наливают ей заморские вины;
Заедает она пряником печатным;
Вкруг её стоит грозная стража,
На плечах топорики держат.
Как увидел старик, — испугался!
В ноги он старухе поклонился.
Молвил: «Здравствуй, грозная царица!
Ну, теперь твоя душенька довольна».
На него старуха не взглянула,
Лишь с очей прогнать его велела.
Подбежали бояре и дворяне,
Старика взашей затолкали.
А в дверях-то стража подбежала,
Топорами чуть не изрубила.
А народ-то над ним насмеялся:
«Поделом тебе, старый невежа!
Впредь тебе, невежа, наука:
Не садися не в свои сани!»

Вот неделя, другая проходит,
Ещё пуще старуха вздурилась.
Царедворцев за мужем посылает,
Отыскали старика, привели к ней.
Говорит старику старуха:

«Воротись, поклонися рыбке.
Не хочу быть вольною царицей,
Хочу быть владычицей морскою,
Чтобы жить мне в Окияне-море,
Чтоб служила мне рыбка золотая
И была б у меня на посылках».

Старик не осмелился перечить,
Не дерзнул поперёк слова молвить.

Вот идёт он к синему морю,
Видит, на море чёрная буря:
Так и вздулись сердитые волны,
Так и ходят, так воем и воют.
Стал он кликать золотую рыбку.
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей старик с поклоном отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка!
Что мне делать с проклятою бабой?
Уж не хочет быть она царицей,
Хочет быть владычицей морскою;
Чтобы жить ей в Окияне-море,
Чтобы ты сама ей служила
И была бы у ней на посылках».
Ничего не сказала рыбка,
Лишь хвостом по воде плеснула
И ушла в глубокое море.
Долго у моря ждал он ответа,
Не дождался, к старухе воротился —
Глядь: опять перед ним землянка;
На пороге сидит его старуха,
А пред нею разбитое корыто.

Валентин Берестов

КАК НАЙТИ ДОРОЖКУ

Ребята пошли в гости к деду-леснику. Пошли и заблудились. Смотрят, над ними Белка прыгает. С дерева на дерево, с дерева на дерево. Ребята — к ней:

— Белка, Белка, расскажи,
Белка, Белка, покажи,
Как найти дорожку
К дедушке в сторожку.

— Очень просто, — отвечает Белка.
— Прыгайте с этой ёлки вот на ту, с той
— на кривую берёзку. С кривой берёз-
ки виден большой-большой дуб. С верхушки дуба видна
крыша. Это и есть сторожка... Ну что же вы? Прыгайте!

— Спасибо, Белка! — говорят ребята. — Только мы не
умеем по деревьям прыгать. Лучше мы ещё кого-нибудь
спросим.

Скачет Заяц. Ребята и ему спели свою песенку:

— Зайка, Зайка, расскажи,
Зайка, Зайка, покажи,
Как найти дорожку
К дедушке в сторожку.

— В сторожку? — переспросил Заяц.
— Нет ничего проще. Сначала будет
пахнуть грибами. Так? Потом — зая-
чьей капустой. Так? Потом запах-
нет лисьей норой. Так? Обскочите
этот запах справа или слева. Так?
Когда он останется позади, поню-
хайте вот так и услышите запах

дыма. Скачите прямо на него, никуда не сворачивая. Это дедушка-лесник самовар ставит.

— Спасибо, Зайка, — говорят ребята. — Жалко, что носы у нас не такие чуткие, как у тебя. Придётся ещё кого-нибудь спросить.

Видят, ползёт Улитка.

— Эй, Улитка, расскажи,
Эй, Улитка, покажи,
Как найти дорожку
К дедушке в сторожку.

— Рассказывать до-о-олго, — вздохнула Улитка. — Лу-у-учше я вас туда провожу-у-у. Ползите за мной.

— Спасибо, Улитка! — говорят ребята. — Нам некогда ползать. Лучше мы ещё кого-нибудь спросим.

На цветке сидит Пчела. Ребята — к ней:

— Пчёлка, Пчёлка, расскажи,
Пчёлка, Пчёлка, покажи,
Как найти дорожку
К дедушке в сторожку.

— Ж-ж-ж, — говорит Пчела.
— Покажжжу... Смотрите, куда я лечу. Идите следом. Увидите моих сестёр. Куда они, туда и вы. Мы дедушке на пасеку мёд носим. Ну, до свидания! Я уж-ж-жасно тороплюсь. Ж-ж-ж...

И улетела. Ребята не успели ей даже спасибо сказать.

Они пошли туда, куда летели пчёлы, и быстро нашли сторожку. Вот была радость! А потом дедушка их чаем с мёдом угостил.

Виталий Бианки

ХВОСТЫ

Прилетела Муха к Человеку и говорит:

— Ты хозяин над всеми зверями, ты всё можешь сделать. Сделай мне хвост.

— А зачем тебе хвост? — говорит Человек.

— А затем мне хвост, — говорит Муха, — зачем он у всех зверей, — для красоты.

— Я таких зверей не знаю, у которых хвост для красоты. А ты и без хвоста хорошо живёшь.

Рассердилась Муха и давай Человеку надоедать: то на сладкое блюдо сядет, то на нос ему перелетит, то у одного уха жужжит, то у другого. Надоела, сил нет! Человек ей и говорит:

— Ну ладно! Лети ты, Муха, в лес, на реку, в поле. Если найдёшь там зверя, птицу или гада, у которого хвост для красоты только привешен, можешь его хвост себе взять. Я разрешаю.

Обрадовалась Муха и вылетела в окошко.

Летит она садом и видит: по листу Слизняк ползёт. Подлетела Муха к Слизняку и кричит:

— Отдай мне твой хвост, Слизняк! Он у тебя для красоты.

— Что ты, что ты! — говорит Слизняк. — У меня и хвоста-то нет: это ведь брюхо моё. Я его сжимаю да разжимаю, — только так и ползаю. Я — брюхоног.

Муха видит — ошиблась, — и полетела дальше.

Прилетела к речке, а в речке Рыба и Рак — оба с хвостами.

Муха к Рыбе:

— Отдай мне твой хвост! Он у тебя для красоты.

— Совсем не для красоты, — отвечает Рыба. — Хвост у меня — руль. Видишь: надо мне направо повернуть — я хвост вправо поворачиваю; надо налево — я влево хвост кладу. Не могу я тебе свой хвост отдать.

Муха к Раку:

— Отдай мне твой хвост, Рак!

— Не могу отдать, — отвечает рак. — Ножики у меня слабые, тонкие, я ими грести не могу. А хвост у меня широкий и сильный. Я как шлёпну хвостом по воде, так меня и подбросит. Шлёп, шлёп — и плыву, куда мне надо. Хвост у меня вместо весла.

Полетела Муха дальше. Прилетела в лес, видит — на суку Дятел сидит.

Муха к нему:

— Отдай мне твой хвост, Дятел! Он у тебя для красоты только.

— Вот чудачка! — говорит Дятел. — А как же я деревья-то долбить буду, еду себе искать, гнёзда для детей устраивать?

— А ты носом, — говорит Муха.

— Носом-то носом, — отвечает Дятел, — да ведь и без хвоста не обойдёшься. Вот гляди, как я долблю.

Упёрся Дятел крепким, жёстким своим хвостом в кору, размахнулся всем телом да как стукнет носом по суку — только щепки полетели!

Муха видит: верно, на хвост Дятел садится, когда долбит, — нельзя ему без хвоста. Хвост ему подпоркой служит.

Полетела дальше.

Видит: Оленуха в кустах со своими оленятами. И у Оленухи хвостик — маленький, пушистый, беленький хвостик.

Муха как зажужжит:

— Отдай мне твой хвостик, Оленуха!

Оленуха испугалась.

— Что ты, что ты! — говорит. — Если я отдам тебе свой хвостик, так мои оленятки пропадут.

— Оленяткам-то зачем твой хвост? — удивилась Муха.

— А как же, — говорит Оленуха. — Вот погонится за нами Волк. Я в лес кинусь — прятаться. И оленятки за мной. Только им меня не видно между деревьями. А я им белым хвостиком машу, как платочком: «Сюда бегите, сюда!» Они видят — беленькое впереди мелькает, — бегут за мной. Так все и убежим от Волка.

Нечего делать, полетела Муха дальше.

Полетела дальше и увидела Лисицу.

Эх, и хвост у Лисицы! Пышный да рыжий, красивый-красивый!

«Ну, — думает Муха, — уж этот-то хвост мой будет».

Подлетела к Лисице, кричит:

— Отдай хвост!

— Что ты, Муха! — отвечает Лисица. — Да без хвоста я пропаду. Погонятся за мной собаки, живо меня, бесхвостую, поймают. А хвостом я их обману.

— Как же ты, — спрашивает Муха, — обманешь их хвостом?

— А как станут меня собаки наступать, я хвостом верть! — хвост вправо, сама влево. Собаки увидят, что хвост мой вправо метнулся, и кинутся вправо. Да пока разберут, что ошиблись, я уж далеко.

Видит Муха: у всех зверей хвост для дела, нет лишних хвостов ни в лесу, ни в реке. Нечего делать, полетела Муха домой. Сама думает: «Пристану к Человеку, буду ему надо-есть, пока он мне хвост не сделает».

Человек сидел у окошка, смотрел на двор.

Муха ему на нос села. Человек бац себя по носу! — а Муха уж ему на лоб пересела. Человек бац по лбу! — а Муха уж опять на носу.

— Отстань ты от меня, Муха! — взмолился Человек.

— Не отстану, — жужжит Муха. — Зачем надо мной посмеялся, свободных хвостов искать послал? Я у всех зверей спрашивала — у всех зверей хвост для дела.

Человек видит: не отвязаться ему от Мухи — вон какая надоедная!

Подумал и говорит:

— Муха, Муха, а вон Корова на дворе. Спроси у неё, зачем ей хвост.

— Ну ладно, — говорит Муха, — спрошу ещё у Коровы. А если и Корова не отдаст мне хвоста, сживу тебя, Человек, со свету.

Вылетела Муха в окошко, села Корове на спину и давай жужжать, выспрашивать:

— Корова, Корова, зачем тебе хвост? Корова, Корова, зачем тебе хвост?

Корова молчала, молчала, а потом как хлестнёт себя хвостом по спине — и пришлёпнула Муху.

Упала Муха на землю — дух вон, и ножки кверху.

А Человек и говорит из окошка:

— Так тебе, Муха, и надо — не приставай к людям, не приставай к зверям, надоеда.

Сергей Козлов

ПРАВДА, МЫ БУДЕМ ВСЕГДА?

Добрый слон

В феврале стояли такие морозы, что Ёжик целыми днями топил печь и всё равно по утрам не мог вылезти из постели — так было в доме холодно.

«Что же это за наказание? — бормотал Ёжик, всовывая лапы в валенки и слезая с постели. — Ещё неделю постоят такие морозы — и у меня ни одной дровишки не останется!»

И он зашаркал к печке, отодвинул заслонку и развёл огонь.

Огонь весело загудел, и Ёжик стал обдумывать своё бедственное положение.

«В лесу теперь снегу — видимо-невидимо! — думал он. — И все тоненькие ёлочки занесло. А толстую одному не спилить... Хорошо, кабы Медвежонок наведалься: у него и топор острый, и пила есть, и специальные саночки, чтобы дрова возить... Вот пришли бы они с Осликом и сказали: «Ёжик, у тебя, наверное, дрова кончились? Пойдём напилим и наколем новых!» А я бы их напоил чаем, и мы бы все трое пошли в лес, и тогда бы я ни за что не замёрз. А теперь... Медвежонок, наверное, крепко спит и совсем забыл обо мне...»

И Ёжику стало так грустно, что он подкинул ещё две дровишки и, уже ни о чём не думая, стал смотреть на пламя.

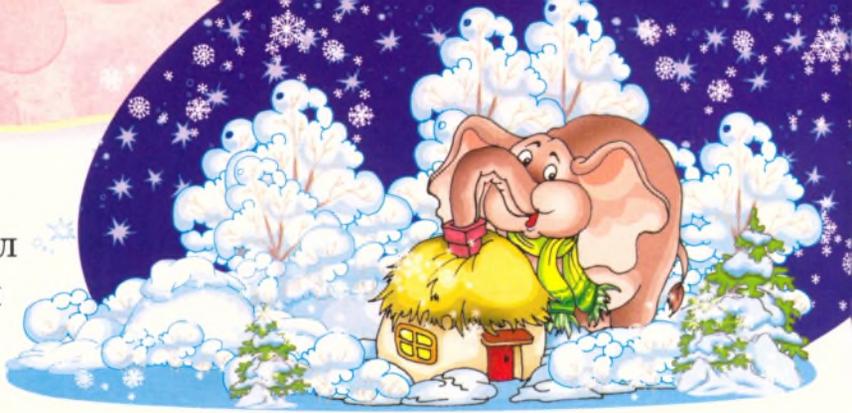
Печь разгорелась, и теперь в доме было тепло, и Ёжику уже не верилось, что дровишки могут кончиться и он замёрзнет. И он, незаметно для себя, размечтался...

«Вот, — мечтал Ёжик, — кончатся у меня дровишки, и совсем станет холодно, и начну

я замерзать... И об этом узнает Слон в зоопарке. Он притворится спящим, а когда сторожа уснут, прибежит в лес, найдёт мой домик, всунет хобот в трубу и станет тепло дышать. А я скажу: «Спасибо, Слон. Мне очень тепло. Пойди теперь погрей Медвежонка — у него, наверное, тоже кончились дрова...» И Слон будет каждую ночь убегать из зоопарка и дышать в трубу мне, Медвежонку и Ослику — и мы не замёрзнем!..

А морозы всё лютели и лютели. И действительно, скоро у Ёжика совсем кончились дровишки. Он в последний раз хорошо протопил печь, сложил на постель все одеяла, а сверху положил полушубок и валенки. Потом залез под эту гору и стал ждать.

Сначала ему было жарко, а потом, когда печь остыла, стало холодно. И с каждым часом становилось всё холоднее.

«С-с-скорее бы п-п-пришёл С-с-слон!..» — шептал Ёжик, свернувшись калачиком под одеялами. Он так замёрз, что у него давно уже не попадал зуб на зуб. А Слон всё не приходил...

— С-с-слон! — звал Ёжик. — Я з-з-замерзаю... П-п-приди, п-п-пожалуйста, Слон!

Ёжик звал Слона три дня и две ночи.

А на третью ночь ему стало так тепло, что он даже сбросил с себя полушубок и валенки.

Это в лес пришла оттепель.

А Ёжику казалось, что это огромный добрый Слон ходит меж сосен и дышит ему в трубу.

Чистые птицы

Больше всего Ёжик любил эти первые по-настоящему весенние дни! Уже ни одного островка снега не осталось в лесу, в небе по ночам гроыхал гром, и, хотя молнии не было видно, до самого утра шумел настоящий проливной дождь.

«Лес умывается! — думал Ёжик. — Умываются ёлки, пеньки и опушки. А птицы летят теперь с юга, и им тоже моет дождь пёрышки!»

И по утрам он выходил на крыльцо и ждал чистых, вымытых птиц.

— Ещё не прилетели! — говорила Белка.

— Кар-р-р! Им тр-р-рудно в пути! — картавила Ворона. А Ёжик нюхал воздух и говорил:

— Всё равно пахнет чистыми птицами!

И Дятел тогда принимался на самой верхушке сосны чистить себе пёрышки.

«Я тоже должен быть чистым! — думал он. — А то они прилетят и скажут: что же ты такой пыльный, Дятел?»

Заяц сидел под кустом и мыл себе уши.

— Возьми еловую шишку! — крикнул Ёжик. — Еловой шишкой лучше отмывается!

— А чем вы посоветуете почистить мне рога? — спросил, выйдя на опушку перед Ёжикиным домиком, Лось.

— Песком, — сказал Ёжик. — Нет лучше, чем чистить рога песком.

И Лось пошёл к берегу реки, лёг у самой воды и попросил Лиса, который вылавливал на быстрине блох, почистить ему рога.

— А то неудобно, — пробормотал Лось, — прилетят птицы, а у меня — рога грязные...

— Сейчас! — сказал Лис.

Он был хитрый и знал, как надо чиститься. Он сидел по самую шею в ледяной воде и держал в поднятой лапе пучок прошлогодней травы. Блохи замёрзли в воде и теперь сползались по лапе к этому пучку. А когда сползлись все, Лис бросил прошлогоднюю траву в воду, и её унесло течением.

— Вот и всё! — сказал Лис, вылезая на берег. — Где ваши рога?

Лось склонил рога, и Лис принялся начищать их песком.

— Чтобы блестели? — спросил он.

— Нет, — сказал Ёжик. — Блестящие рога — некрасиво. Они должны быть... туманные!

— То есть чтобы не блестели? — уточнил Лис.

— Чтобы не блестели, — сказал Ёжик.

И Лось даже отфыркивался, — так ему было хорошо и приятно.

А Дятел уже совсем вычистил пёрышки и был теперь чистый и молодой.

Заяц отмыл уши и мыл хвостик.

А Ёжик уже давно протёр тряпочкой каждую иголку и был такой чистый, что даже самая чистая птица не смогла бы ему сказать, что она чище его!

Весенняя сказка

Никогда раньше с Ёжиком не случилось такого. Никогда раньше ему не хотелось петь и веселиться без причины. А вот теперь, когда наступил месяц май, он целыми днями пел и веселился, и если кто-нибудь у него спрашивал, отчего он поёт и веселится, Ёжик только улыбался и начинал петь ещё громче.

— Это потому, что весна пришла, — говорил Медвежонок. — Поэтому Ёжик и веселится!

А Ёжик достал из чулана скрипку, позвал двух зайцев и сказал им:

— Пойдите, возьмите свои прошлогодние барабаны и возвращайтесь ко мне!

И, когда зайцы пришли с барабанами через плечо, Ёжик велел им идти позади, а сам пошёл первым, наигрывая на скрипке.

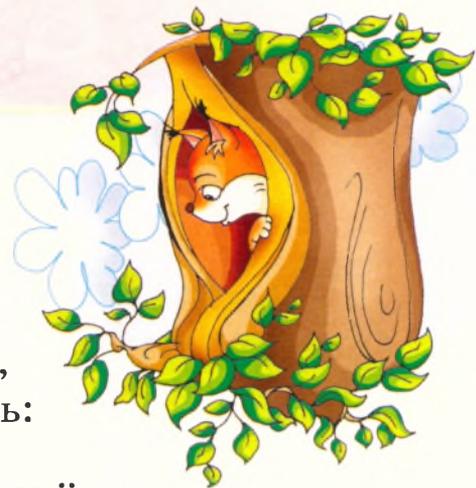
— Куда это он идёт? — спросил Первый Заяц.

— Не знаю, — ответил Второй.

— Нам бить в барабаны? — спросил он у Ёжика.

— Нет, пока не надо, — сказал Ёжик. — Разве вы не видите: я играю на скрипке!..

И так они прошли весь лес.

У опушки перед высокой сосной Ёжик остановился, задрал мордочку и, не сводя глаз с Белкиного дупла, стал играть самую нежную мелодию, какую только знал. Она называлась: «Грустный Комарик».

«Пи-пи-пи-пи-и!.. — пела скрипка. И Ёжик даже прикрыл глаза — так ему было хорошо и печально.

— Зачем мы здесь остановились? — спросил Первый Заяц.

— Разве вы не понимаете? — удивился Ёжик. — Здесь живёт Рыжее Солнышко!

— А в барабаны нам бить?

— Подождите, — проворчал Ёжик. — Я скажу когда... И снова прикрыл глаза и заиграл «Грустного Комарика».

Белка сидела в дупле и знала, что это Ёжик стоит под сосной, играет «Грустного Комарика» и называет её Рыжим Солнышком... Но ей хотелось подольше послушать скрипку, и поэтому она не выглядывала из дупла.

А Ёжик играл целый день до вечера и, когда уставал, кивал головой зайцам — и они потихонечку барабанили, чтобы Белка знала, что Ёжик всё ещё стоит внизу и ждёт, когда она выглянет.

Заяц и Медвежонок

Летом Медвежонок подружился с Зайцем. Раньше они тоже были знакомы, но летом друг без друга просто жить не могли...

Вот и сегодня Заяц чуть свет пришёл к Медвежонку и сказал:

— Послушай, Медвежонок, пока я к тебе шёл, расцвели все ромашки!

— А пока я тебя ждал, — сказал Медвежонок, — отцвели одуванчики...

— А когда я только проснулся и подумал, что пойду к тебе, — сказал Заяц, — поспела земляника!

— А я ждал тебя ещё раньше, — сказал Медвежонок. — Когда я проснулся, она только зацветала.

— А когда я засыпал, — сказал Заяц, — я подумал, что хорошо бы утром пойти в гости к Медвежонку... И думал об этом так долго, что, пока я думал, выпала роса...

— А я вечером, — сказал Медвежонок, — набрал её полный ковшик и пил за твоё здоровье!

— Я тебя очень люблю! — сказал Заяц.

— А я без тебя... жить не могу, — сказал Медвежонок.

И они, обнявшись, пошли в лес — собирать ромашки и землянику.

Дружба

Однажды утром Медвежонок проснулся и подумал:
«В лесу много зайцев, а мой друг Заяц — один. Надо его как-нибудь назвать!»

И стал придумывать своему другу имя.

«Если я назову его ХВОСТИК, — думал Медвежонок, — то это будет не по правилам, потому что у меня тоже есть хвостик... Если я назову его УСАТИК, это тоже будет нехорошо — потому что и у других зайцев есть усы... Надо назвать его так, чтобы все-все сразу знали, что это — мой друг».

И Медвежонок придумал.

— Я назову его ЗАЯЦДРУГМЕДВЕЖОНКА! — прошептал он. — И тогда всем-всем будет понятно.

И он соскочил с постели и заплясал.

— ЗАЯЦДРУГМЕДВЕЖОНКА! ЗАЯЦДРУГМЕДВЕЖОНКА! — пел Медвежонок. — Ни у кого нет такого длинного и красивого имени!..

И тут появился Заяц.

Он переступил порог, подошёл к Медвежонку, погладил его лапой и тихо сказал:

— Как тебе спалось, МЕДВЕЖОНОККОТОРЫЙДРУЖИТСЗАЙЦЕМ?

— Что?.. — переспросил Медвежонок.

— Это теперь твоё новое имя! — сказал Заяц. — Я всю ночь думал: как бы тебя

назвать? И наконец, придумал:

МЕДВЕЖОНОККОТОРЫЙДРУЖИТСЗАЙЦЕМ!

У ручья

Заяц сидел на берегу ручья и смотрел в воду. Из воды на него смотрел Другой Заяц, и когда Заяц шевелил ушами и кивал головой, Другой Заяц тоже кивал головой и шевелил ушами.

Подошёл Медвежонок.

— Что ты делаешь, Заяц? — спросил он.

— Разве ты не видишь? — удивился Заяц. — Шевелю ушами и киваю головой!

— А зачем?

— Как?! — снова удивился Заяц. — Там, в воде, сидит Другой Заяц. Видишь, он кивает головой и шевелит ушами!

— А Другого Медвежонка там нет? — спросил Медвежонок.

Заяц склонился к самой воде и спросил у Другого Зайца:

— Послушай, там нет Другого Медвежонка?

Другой Заяц посмотрел налево, направо, пошевелил ушами и помотал головой.

— Нет! — сказал Заяц. — Другого Медвежонка там нет. Хочешь, посмотри сам.

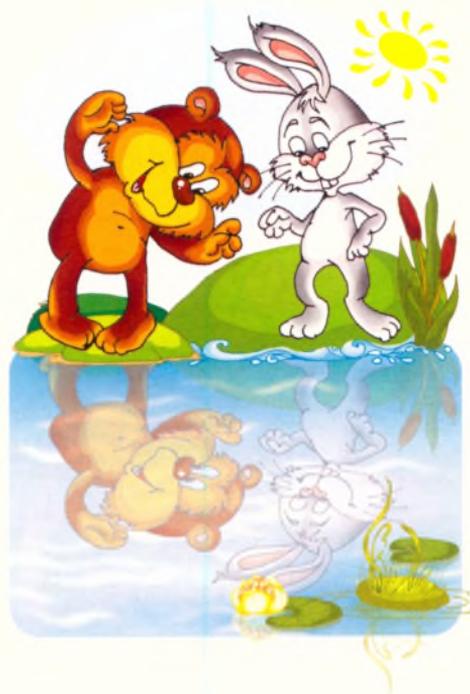
И Медвежонок подошёл к ручью.

Но только он склонился над водой, как увидел Другого Медвежонка.

— Вот он! — крикнул Медвежонок и пошевелил ушами.

И Другой Медвежонок тоже пошевелил ушами.

И тогда Заяц с Медвежонком уселись рядышком и до самого вечера шевелили ушами и кивали головой, пока не стемнело и Другой Заяц с Другим Медвежонком не встали, не помахали им лапами и не ушли спать...

В самое жаркое воскресенье, которое было в лесу

В самое жаркое воскресенье, которое было в лесу, к Медвежонок пришёл Волк.

Медвежонок сидел на трубе своего домика, держал в лапе над головой огромный лопух и, зажмурившись от удовольствия, лизал проплывающие облака.

— Здравствуй, Медвежонок! — прохрипел Волк, подстилая под себя хвост и усаживаясь на пороге медвежачьего домика. — Холодные сегодня облака?

«К чему бы это он?» — подумал Медвежонок, а вслух сказал:

— Здравствуй, Волчище! Зачем пожаловал?

По небу плыли редкие облака; далёкое солнышко повисло над лесом; Волк высунул язык, слизнул самое прохладное облако и прошептал:

— Стар я... Тошно мне, Медвежонок!.. С самого четверга.

«Врёт!» — подумал Медвежонок.

А вслух спросил:

— А что было в четверг?

— В четверг я съел твоего друга — Зайца. Твоего любимого зайца, которого ты назвал: **ЗАЯЦДРУГМЕДВЕЖОНКА**... Незабываемый был заяц!..

«Врёт, — снова подумал Медвежонок. — **ЗАЯЦДРУГМЕДВЕЖОНКА** сидит сейчас в подполе и пьёт холодное молоко!»

— А зачем ты его съел? — спросил Медвежонок.

— Я его съел, потому что очень был голоден, — прошептал Волк, высунул язык и полизал небо.

— Послушай, Волк! — сказал Медвежонок. — Если ты будешь лизать небо над моим домом, здесь никогда не упадёт дождя. Потерпи немножко, а если не можешь — уходи в другое место!

— Но я же съел твоего друга Зайца! — прохрипел Волк. — Я хочу, чтобы ты мне что-нибудь сказал!..

— Вот я тебе и говорю, — сказал Медвежонок, — убери язык и прекрати так жарко дышать.

— Но...

Здесь Волк проглотил слюну — потому что Медвежонок у него на глазах подтащил лапой к себе длинненькое, прозрачное облако, полизал его, закрыл от удовольствия глаза, переломил пополам и съел, так и не открывая глаз.

— Но так же нельзя! — поперхнулся от обиды Волк. — Кто же хватает облака лапами?!

— Ты молчи, — сказал Медвежонок, по-прежнему сидя на трубе с закрытыми глазами. — Кто съел ЗАЙЦА ДРУГА МЕДВЕЖОНКА?

— Позволь, я лизну следующее... — попросил Волк. — Над моим домом сегодня совсем не плывут облака. Я не ел твоего Зайца.

— Ел, — сказал Медвежонок. И посмотрел туда, откуда дул ветер. — Ел! — повторил он. И схватил лапой синюю льдышку облака.

Волк высунул язык, но Медвежонок уже сидел с закрытыми глазами и гладил себя правой лапой по животу.

— Не ел я твоего Зайца, — прохрипел Волк.

Медвежонок не обращал на него никакого внимания.

— Ел!.. Ел!.. — прошамкал беззубой пастью Волк. — Если бы я мог кого-нибудь съесть!..

И ушёл, замечая лёгкую пыль своим горячим хвостом.

В сладком морковном лесу

Заяц больше всего любил морковку.

Он сказал:

— Я бы хотел, чтобы в лесу вместо ёлок росли морковки.

Белка больше всего любила орехи.

Она сказала:

— Я бы хотела, Заяц, чтобы вместо шишек на твоих морковках росли орехи.

Медвежонок больше всего любил мёд.

Он сказал:

— Я бы хотел, чтобы осенью шли медленные медовые дожди.

Ёжик больше всего любил сушёные грибы.

Он сказал:

— Пусть твои дожди, Медвежонок, начнутся после того, как я наберу грибов.

И так всё и вышло.

Вместо ёлок за одну ночь выросли морковки.

Заяц спилил две морковки и отволлок к себе в дом.

На морковочных хвостиках выросли орехи.

Белка набрала их целую корзину и спрятала в дупле самой толстой морковки.

Ёжик ходил между морковок и собирал грибы.

А к осени полились медленные медовые дожди.

Зяец ел морковку с мёдом.

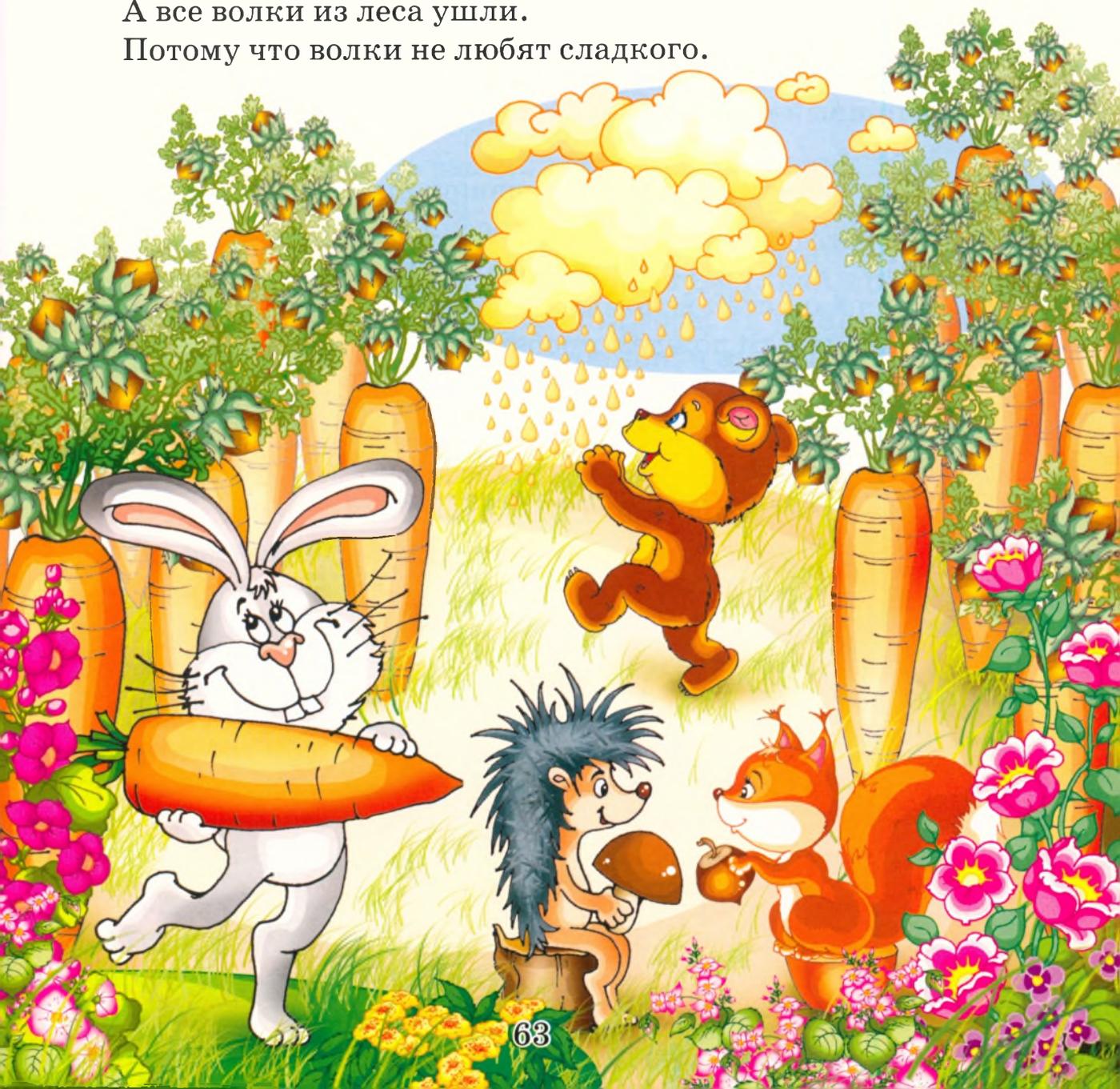
Белка — орехи с мёдом.

Ёжик — грибы с мёдом.

А Медвежонок целыми днями стоял на морковочной опушке с разинутой пастью и только когда темнело, — совсем ненадолго, совсем на чуть-чутьочку, — хорошенько вылизав все четыре медовые лапы, ложился спать...

А все волки из леса ушли.

Потому что волки не любят сладкого.

Правда, мы будем всегда?

«Неужели всё так быстро кончается? — подумал Ослик. — Неужели кончится лето, умрёт Медвежонок и наступит зима? Почему это не может быть вечно: я, лето и Медвежонок?»

Лето умрёт раньше всех, лето уже умирает. Лето во что-то верит, поэтому умирает так смело. Лету нисколько себя не жаль — оно что-то знает. Оно знает, что оно будет снова! Оно умрёт совсем ненадолго, а потом снова родится. И снова умрёт... Оно привыкло. Хорошо, если бы я привык умирать и рождаться. Как это грустно и как весело!..»

Медвежонок зашуршал опавшей листвой.

— О чём ты думаешь? — спросил он.

— Я?.. Лежи, лежи, — сказал Ослик.

Теперь он стал вспоминать, как они встретились, как под проливным дождём пробежали весь лес, как сели отдохнуть и как Медвежонок тогда сказал:

— Правда, мы будем всегда?

— Правда.

— Правда, мы никогда не расстанемся?

— Конечно.

— Правда, никогда не будет так, чтобы нам надо было расставаться?

— Так не может быть!

А теперь Медвежонок лежал на опавших листьях с перевязанной головой, и кровь выступила на повязке.

«Как же это так? — думал Ослик. — Как же это так, что какой-то дуб разбил Медвежонку голову? Как же это так, что он упал именно тогда, когда мы проходили под ним?..»

Прилетел Аист.

— Лучше?.. — спросил он.

Ослик покачал головой.

— Как грустно! — вздохнул Аист и погладил Медвежонка крылом.

Ослик снова задумался. Теперь он думал о том, как похоронить Медвежонка, чтобы он вернулся, как лето. «Я похороню его на высокой-высокой горе, — решил он, — так, чтобы вокруг было много солнца, а внизу текла речка. Я буду поливать его свежей водой и каждый день разрыхлять землю. И тогда он вырастет. А если я умру, он будет делать то же самое, — и мы не умрём никогда...»

— Послушай, — сказал он Медвежонку, — ты не бойся. Ты весной вырастешь снова.

— Как деревце?

— Да. Я тебя буду каждый день поливать. И разрыхлять землю.

— А ты не забудешь?

— Что ты!

— Не забудь, — попросил Медвежонок.

Он лежал с закрытыми глазами, и если бы чуть-чуть не вздрагивали ноздри, можно было бы подумать, что он совсем умер.

Теперь Ослик не боялся. Он знал: похоронить — это значит посадить, как деревце.

Марина Москвина

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С КРОКОДИЛОМ

— Ну и жара сегодня! — зевнул Крокодил. — Даже из воды вылезать неохота. А надо, надо... — И он поплыл к берегу.

Там, в песке, несколько дней назад он зарыл яйцо и всё бегал смотреть, когда из него вылупится сынок-крокодильчик. Но шло время — у других крокодилов малыши уже в речке плавали, а у него... Вот и сейчас — в который раз! — Крокодил откопал целенькое яйцо, огорчённо повертел его в лапах, поднёс к уху.

Вдруг слышит: тук-тук.

— Кто-то есть! — обрадовался Крокодил. — Да-да! Входи! Ой, то есть выходи!

— Чего кричишь? — подползла бабка Крокодилица. — Помочь, что ли?

— Погоди, — прошептал Крокодил, — пускай сам...

Тук-тук... — будто кто-то изнутри стучал молоточком. Треснула скорлупа, из дырки показалась маленькая головка. Крокодил замер.

Тук! — и на траву из расколотого яйца выпал мокрый желторотый... птенец.

— Пф-ф! — зашипела Крокодилица. — Это ещё что за новости?

Крокодил недоуменно пожал плечами. А птенец с любопытством поглядел вокруг и поскакал — сначала тихонько, а потом всё веселей и уверенней — к Крокодилу.

Крокодил попятился.

— Слушай, — опомнилась наконец зелёная зубастая старуха, — я прожила долгую жизнь, многое повидала, но такого — никогда. Хочешь знать моё мнение? Сделай вид, будто у тебя никто не родился.

— А он? — растерянно спросил Крокодил.

— Его нужно сейчас же съесть. А не то засмеют тебя крокодилы. Ну иди, приятного аппетита.

— Спасибо, — пролепетал Крокодил.

Он поглядел на птенца. Тот хлопал голыми крылышками, пищал, свистел...

(Обидно ведь: ты вылупился, а тебе никто не рад.) Зато когда он снова увидел Крокодила — бросился к нему со всех ног.

«Значит, съем его сейчас, а то, правда, неприятностей не оберёшься!» — подумал Крокодил, но рот разинуть не смог, до того доверчив был желторотый.

— Ешь! Проглоти как таблетку, даже не заметишь! Давай! — шипела сзади Крокодилица.

— Сейчас, сейчас... вот слезет с носа.

Но когда птенец потёрся головкой о шершавую щёку Крокодила и пропищал: «Паа-па!», тот вдруг понял: не сможет он его съесть. Не сможет, и всё. Ведь это был ЕГО птенец.

— Ну! — раздражённо зарычала старуха.

— Баранки гну! — огрызнулся Крокодил.

— Мальчишка! — возмутилась Крокодилица. — Ну погоди! Ну я тебе устрою! Хотела всё в тайне сохранить, а теперь и не подумаю.

И разгорячённая бабка плюхнулась прямо с обрыва в воду. Она тут же разболтала о птенце всем крокодилам в реке.

Вы, наверное, сами замечали, крокодилы на редкость любопытные звери, а такое всё-таки не каждый день случается. И хотя была страшная жара, они вылезли все из воды — от мала до велика. Ползут, переговариваются, только и слышен гул да шлёп-шлёп — мокрые шаги.

Окружили Крокодила, пасти свои поразинули и давай хохотать. Аж слёзы из глаз полились! Представьте — смеялись даже малыши, которые сами только что вылупились.

Птенец испуганно прижался к Крокодилу. И тогда Крокодил сказал:

— Послушайте, странное всё-таки дело. Ну повезло, ну появились вы на свет по всем правилам, как положено. Ну такие же вы, как все... А если кто-то получился непохожим на вас? Так давай смейся над ним, дразни, а ещё лучше — проглоти его, да и дело с концом? Так получается?

Все замолчали.

— Чудной ты какой-то, — сказал друг Крокодила, который в одну минуту превратился в «бывшего приятеля». — Ты и сам бы смеялся на нашем месте...

— Не знаю, может быть, — задумался Крокодил. — Но зато теперь, после того как у меня такое случилось, я ни над кем смеяться не буду. И предупреждаю: этот колокольчик... гм... или кто он там... будет жить со мной. Если его кто тронет — пеняйте на себя.

Так и зажили они вместе. Крокодил построил птенцу домик в тени на берегу, таскал ему туда червячков и мошек, которых он с утра до вечера ловил в лесу. Если птенец куда-нибудь исчезал, Крокодил волновался, искал его повсюду, спрашивал у сородичей: «Птенца моего не видели? Птенец не пробежал?»

А они чуть не лопались от желания расхохотаться, но, помня угрозу Крокодила, сдерживались. Зато за глаза потешались над ним без устали. Кумушки судачили:

— Ну не глупо ли реветь от радости из-за того, что пигалица покрылась пухом...

— А на крыльях у этого заморыша, видите ли, перья выросли...

— Вы слышали новость? Она перемахнула через куст.

— Ах, какое событие! Крокодил от счастья всю ночь не спал.

— Сумасшедший какой-то! Вы только посмотрите на него!

Все обернулись. Крокодил стоял задрав голову и смотрел, как над лесом летел птенец.

— Эй! Куда ты? Не смей летать! Упадёшь! Вернись! — кричал взволнованный Крокодил.

И услышал в ответ:

— Не упаду! Я — птица! Настоящая птица! Я уже не птенец!

— Будь осторожен!.. То есть... осторожна! — ещё раз крикнул Крокодил.

— Научить тебя летать, пап? — прозвенело в воздухе.

— Да! Да! — обрадовался Крокодил, а сам подумал: «Тогда я смогу охранять тебя везде — даже в небе!» — Но как же я полечу? У меня нет крыльев.

— Ну ты подумай, — сокрушалась бабка Крокодилица. — Был Крокодил как Крокодил. И вдруг на тебе! Летать вздумал!

— Ну и чудной... Просто ненормальный какой-то! — поддакивал его «бывший приятель».

— Да ничего у него не получится, — завистливо галдели молодые крокодильчики.

Птица спустилась, села на голову к Крокодилу и прошептала ему что-то на ухо. Крокодилы тоже наострили уши, но она говорила очень тихо.

— Эй! Там погромче нельзя? — не выдержал кто-то.

— Нет, — ответила птица. — Это наша семейная тайна... Ну попробуй, — улыбнулась она своему Крокодилу.

— Попробуй! Попробуй! — захохотали из реки разинутые пасти.

Они, конечно, не верили, что Крокодил сможет полететь. А он разбежался, оттолкнулся хвостом от земли, взмахнул лапами и... поплыл по воздуху, как аэростат. Сначала он удивился, потом обрадовался, а когда поднялся очень высоко — испугался. Но в ту же минуту услышал голос:

— Всё хорошо, папа. Двигай, двигай лапами, как будто в воде плывёшь...

Он оглянулся. Птица была рядом.

...Больше в тех краях никто не видал маленькую серую птицу и летающего Крокодила. А история о них давно превратилась в сказку, которую рассказывают своим малышам звери в джунглях.

Людмила Петрушевская

ЗАЯЧИЙ ХВОСТИК

Заяц шёл по улице, и все кричали:

— Ах, какой хвостик! Где вы брали такой хвостик?

Заяц отвечал:

— Там уже такие кончились.

Особенно ему завидовали Художник, Модница, Шляпный мастер и Вор.

Вор хотел бы заячий хвостик на счастье.

Модница — для пудреницы.

Шляпный мастер — для помпонов.

Художник — на кисточки.

А Заяцу самому нужен был хвостик — вилять перед зайчатами: куда хвостик,

туда и зайчата, и ни один не заблудится.

Но вот хвостик у Заяца пропал.

Заяц загнал зайчат домой и пошёл в милицию.

А милиционер уже сидел там, схватившись за голову, потому что из музыкальной школы украли рояль.

Заяц заявил о хвостике и сказал, что подозревает:

Вора (хвостик на счастье),

Модницу (пудреница),

Шляпного мастера (помпоны),

И Художника (кисточки).

Милиционер вызвал всех и спросил для начала:

— Вы рояль не брали?

— Что вы! — возмутились Вор, Модница, Шляпный мастер и Художник.

— А тогда где хвостик?

Все увидели, что хвостика нет, и в один голос сказали:

— Лучше бы он достался нам, а то и сам Заяц не пользовался, и людям не дал.

Тогда милиционер свистнул собаку, и вся компания пошла по дороге.

Тут же нашлись следы: три глубоких, тридцать два маленьких, три глубоких, тридцать два маленьких и так далее.

И все увидели, что по дороге идёт и наигрывает рояль, а сзади у него виляет заячий хвостик.

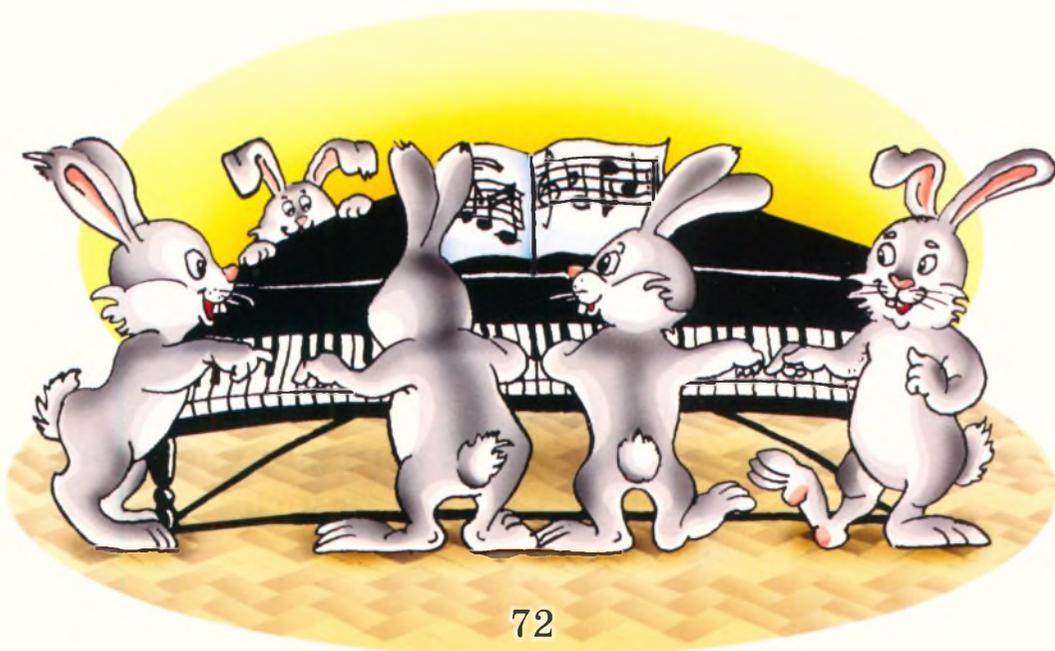
— Мой хвостик! — воскликнул Заяц и тут же закричал:

— Мои зайчики! — потому что вместе с роялем шли все восемь зайчат.

Рояль вынужден был остановиться и сознался, что давно завидовал Заяцу насчёт хвостика, поэтому и откусил ему его. И что он, рояль, был бы уже давно далеко-далеко, но вот приبلудились зайчата, а за ними нужен глаз да глаз!

И рояль вынужден был отдать хвостик обратно и вернуться в школу.

Но Заяц вынужден был отдать детей в музыкальную школу, потому что дети требовали от него невозможного: вилять хвостом, скакать на трёх ногах и исполнять при этом марш! И блестеть, и сверкать.

Геннадий Цыферов

ПАРОВОЗИК ИЗ РОМАШКОВО

Все паровозы были как паровозы, а один был странный. Он всюду опаздывал. И вот однажды начальник станции ему строго сказал:

— Если ещё раз опоздаете... То...

И паровозик всё понял и загудел:

— Поооследнеее чеестноеее, благородное слооово!

Тук-тук — ехал он по дороге и ни разу не остановился. И вдруг голос из леса: «фьють...» Вздохнул паровозик и в лес направился.

А пассажиры выглянули в окно и стали кричать:

— Безобразие, мы же опоздаем!

— Конечно, — сказал паровозик. — И всё-таки на станцию можно приехать и позже. Но если мы сейчас не услышим первого соловья, мы опоздаем на всю весну!

К утру поехали дальше. Много ли, мало ли ехали, и вдруг нежный запах из рощи. Вздохнул паровозик и в рощу направился.

— Безобразие! — закричали опять пассажиры. — Опоздаем!

И вновь паровозик ответил:

— Конечно. И всё-таки на станцию можно приехать и позже. Но если сейчас мы не увидим первые ландыши, мы опоздаем на всё лето!

Только к вечеру поехали дальше. Много ли, мало ли ехали, и вдруг выехали на горку.

Паровозик и остановился.

— А теперь зачем стоим? — удивились пассажиры.

— Закат, — только и сказал паровоз. — И если мы не увидим его, то, может быть, опоздаем на всю жизнь. Ведь каждый закат — единственный в жизни!

И теперь уже никто не спорил. Молча и долго смотрели пассажиры на закат.

Но вот наконец и станция. Вышли люди из поезда и почему-то улыбнулись:

— Паровозик, спасибо!

А начальник станции немало удивился:

— Да вы же опоздали на три дня!

— Ну и что, — сказали пассажиры. — А могли бы опоздать на всё лето, на весну и на всю жизнь.

МАЛЕНЬКИЙ ТИГР

Полосатый тигр был красив,
но сердит, очень-очень. Встретит
поросёнка, заворчит.

Встретит медвежонка,
зарычит.

Но как-то сердитый тигр встретил маленького котёнка.
И хотел он уже зарычать, но взглянул на его усы и понял:
да это же маленький тигр!

И сказал тогда большой тигр:

— Давай жить вместе.

И стали они жить вместе. Вечером большой тигр укла-
дывал маленького спать и мурлыкал ему песенки. А ма-
ленький тигр учил большого быть всегда добрым. Если

большой тигр подни-
мал на кого-то лапу,
маленький говорил:

— Не надо, он мне
очень нравится.

И тигр только
улыбался.

И так они жили. Но однажды пошли они гулять и встретили лохматого щенка.

Маленький тигр рассердился, заворчал, поднял лапу... Но тут его неожиданно остановил большой тигр и сказал тихо:

— Не надо, он мне нравится. Он такой же пушистый и маленький, как ты.

Вот так сердитый тигр стал добрым.

На том и кончается сказка. Теперь они уже живут втроём — тигр, котёнок и щенок — и учат друг друга быть всегда добрыми.

Это ведь не так просто: быть всегда добрым, сам знаю.

**ПОЛКА
СТИХОВ**

КУ-КУ

Весёлые стихи

Агния Барто

КУ-КУ

Уже конец урока,
Уже десятый час.
Открылась дверь широко,
Вошёл Серёжа в класс.

Почему же,
Отчего же
Опоздал
На час
Серёжа?

— Мы в трамвае ехали, собаку переехали, от испуга бледная, собака лает, бедная, и вокруг все бледные и все рыдают, бедные.

Но я рукою твёрдой беру иголок дюжину и пришиваю морду и хвост туда, где нужно.

Собака, оживая, встаёт из-под трамвая, встаёт из-под трамвая. — Привет, — говорит, — жива я.

Он расскажет
Сто историй,
Он найдёт
Пятьсот причин.

— Я, во-первых,
Болен корью,
Во-вторых,
Я зуб лечил,
В-третьих,
Умер я, ребята,
А в-четвёртых,
Вру не я:
У меня во рту
Запрятан
Аппаратик
Для вранья.
Я не врать бы
Очень рад,
Врёт проклятый
Аппарат!

Как Серёжку отучать?
Приложить ко рту печать?
Ключ приделать к языку?
Нет, кричать ему:
Ку-ку!

— Была в трамвае давка, я кролика везу. Я сижу на лавке, а он сидит внизу. Ехали мы, ехали. Охали мы, эхали... Наконец приехали, я и двадцать кроликов...

- Как?
- Сколько?
- Я и двадцать кроликов!

Я сел у площади Свердлова, он один был, честное слово, пока доехал до вокзала, их гораздо больше стало. Поглядел я под скамейку, вижу целую семейку, друг на друга все похожи... все с хвостами на боку...

Хором класс
Кричит Серёже:
— Ой, ку-ку!
Ку-ку!

— Я не мог
Явиться к сроку:
Я удил в реке сороку,
Помогал я рыбаку.
— Ой, ку-ку!
Ку-ку!

— У меня живёт жирафа,
Я кормил её со шкафа,
Прыгал прямо к потолку...
— Ой, ку-ку,
Ку-ку!

— Я тонул...
— Ку-ку,
Ку-ку!

— Что придрались
К пустяку?
Ну, проспал я на боку...
— Ах, вот это не «ку-ку»!

ИГРА В СЛОВА

Скажи погромче
Слово «гром» —
Грохочет слово,
Словно гром.

Скажи потише:
«Шесть мышат» —
И сразу мыши
Зашуршат.

Скажи:
«Кукушка на суку» —
Тебе послышится:
«Ку-ку».

А скажешь слово
«Листопад» —
И листья падают,
Летят,
И, словно наяву,
Ты видишь осень:
Жёлтый сад
И мокрую траву.

Скажи «родник» —
И вот возник,
Бежит в зелёной чаще
Весёлый ключ журчащий.
Мы и родник зовём ключом.
(Ключ от дверей тут ни при чём).

Александр Введенский

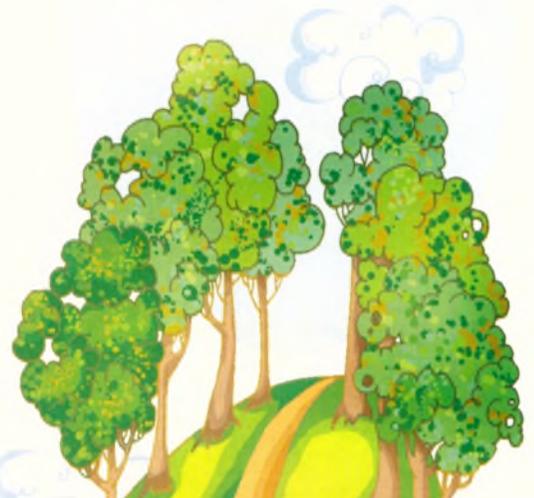
О РЫБАКЕ И СУДАКЕ

По реке плывёт челнок,
На корме сидит рыбак,
На носу сидит щенок,
В речке плавает судак.
Речка медленно течёт,
С неба солнышко печёт.

А на правом берегу
Распеваёт петушок,
А на левом берегу
Гонит стадо пастушок.
Громко дудочка звучит,
Ходит стадо и мычит.

Дёрнул удочку рыбак,
На крючке сидит червяк.
Рыбы нету на крючке,
Рыба плавает в реке.

«То ли, — думает рыбак, —
Плох крючок и плох червяк,
То ли тот судак — чудака».
Вот что думает рыбак.

А быть может, нет улова
Оттого, что шум кругом,
Что мыча идут коровы
За весёлым пастухом;
 Что прилежно распевает
 Голосистый петушок,
 Что визжит и подвывает
 Глупый маленький щенок.

Всем известно
Повсеместно —
Вам, ему, тебе и мне:
Рыба ловится чудесно
Только в полной тишине.

Вот рыбак сидел, сидел
И на удочки глядел,
Вот рыбак терпел, терпел,
Не стерпел и сам запел.

По реке плывёт челнок,
На корме поёт рыбак,
На носу поёт щенок,
Песню слушает судак.

Слышит дудочки звучанье,
Слышит пенье петушка,
Стада громкое мычанье
И плесканье челнока.

И завидует он всем:
Он, судак, как рыба нем.

КОГДА Я ВЫРАСТУ БОЛЬШОЙ

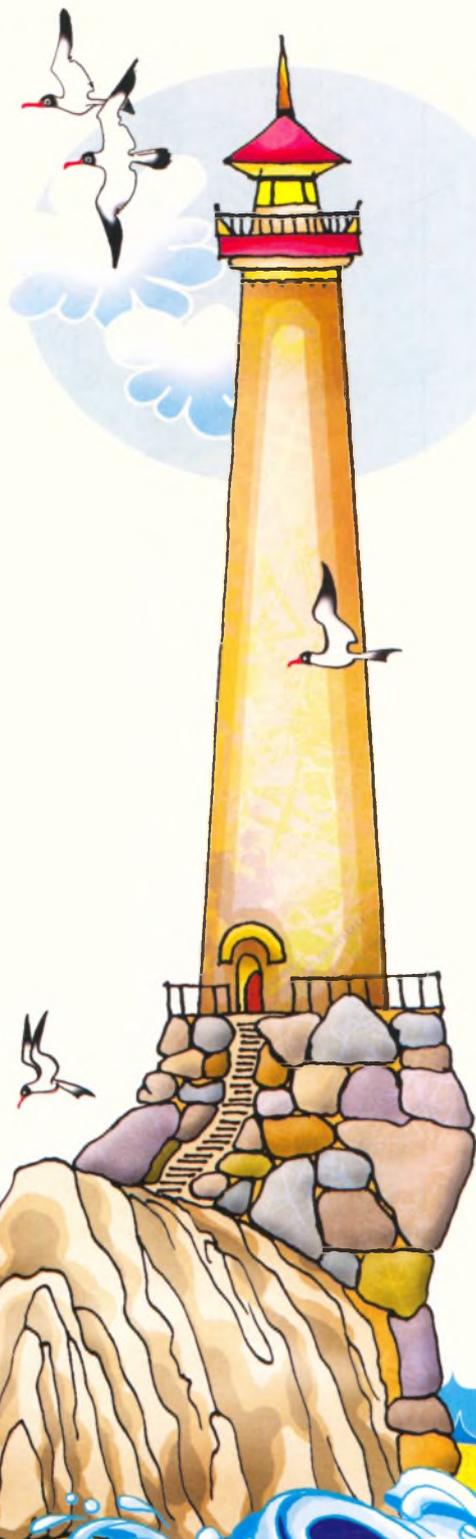
Когда я вырасту большой,
Я снаряжу челнок.
Возьму с собой бутылку с водой
И сухарей мешок.

Потом от пристани веслом
Я ловко оттолкнусь,
Плыви, челнок! Прощай, мой дом!
Не скоро я вернусь.

Сначала лес увижу я,
А там, за лесом тем,
Пойдут места, которых я
И не видал совсем.

Деревни, рожи, города,
Цветущие сады,
Взбегающие поезда
На крепкие мосты.

И люди станут мне кричать:
«Счастливый путь, моряк!»
И ночь мне будет освещать
Мигающий маяк.

Юрий Владимиров

НИНОЧКИНЫ ПОКУПКИ

Мама сказала Нине:
— Нина, купи в магазине:
Фунт мяса,
Бутылку кваса,
Сахарный песок,
Спичечный коробок,
Масло и компот.
Деньги — вот.

Нина сказала: — Несусь!
Бежит и твердит наизусть:
— Фунт мяса,
Бутылку кваса,
Сахарный песок,
Спичечный коробок,
Масло и компот.
Деньги в кармане — вот.

Народу в лавке масса.
Большая очередь в кассе,
Перед Ниной — шесть человек,
А Нине нужен чек
На фунт мяса,
Бутылку кваса,
Сахарный песок,
Спичечный коробок,
Масло и компот.
Деньги — вот.

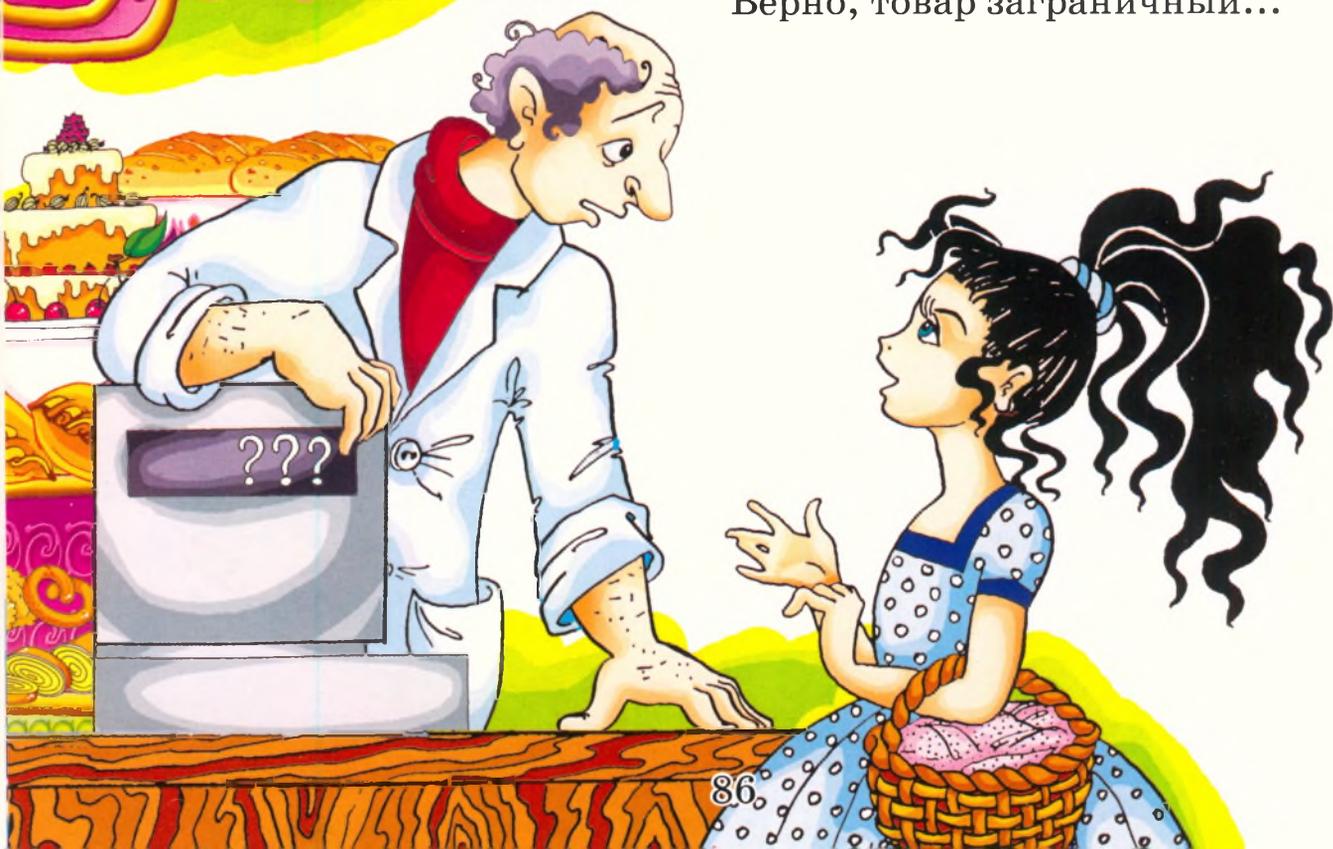

КАССА

Наконец очередь Нинки.
Нина твердит без запинки:
— Дайте фунт кваса,
Бутылку мяса,
Спичечный песок,
Сахарный коробок,
Масло и компот.
Деньги — вот.

Кассир говорит в ответ:
— Такого, простите, нет!
Как же вам взвесить квасу,
Не лезет в бутылку мясо...
На масло и компот
Чек — вот!
А про сахарный коробок
И спичечный песок
Никогда не слышал я лично, —
Верно, товар заграничный...

ЧУДАКИ

Я послал на базар чудаков,
Дал чудакам пятаков:
Один пятак —

на кушак,

Другой пятак —

на колпак,

А третий пятак —

так.

По пути на базар чудаки

Перепутали все пятаки;

Который пятак —

на кушак,

Который пятак —

на колпак,

А который пятак —

так.

Только ночью пришли чудаки,

Принесли мне назад пятаки.

— Извините,

но с нами беда:

Мы забыли —

какой — куда:

Который пятак —

на кушак,

Который пятак —

на колпак,

А который пятак —

так.

Вера Инбер

СОРОКОНОЖКИ

У сороконожки
Народились крошки.
Что за восхищенье,
Радость без конца!
Дети эти — прямо
Вылитая мама:
То же выраженье
Милого лица.

И стоит пригожий
Дом сороконожий,
Сушатся пелёнки,
Жарится пирог,
И стоят в порядке
Тридцать три кровати,
В каждой по ребёнку,
В каждой сорок ног.

Папа с ними в дружбе.
Целый день на службе,
А когда вернётся
В тёплый уголок, —
Все играют в прятки,
Куклы и лошадки,
Весело смеётся
Сам сороконог,

Всё растёт на свете —
Выросли и дети.

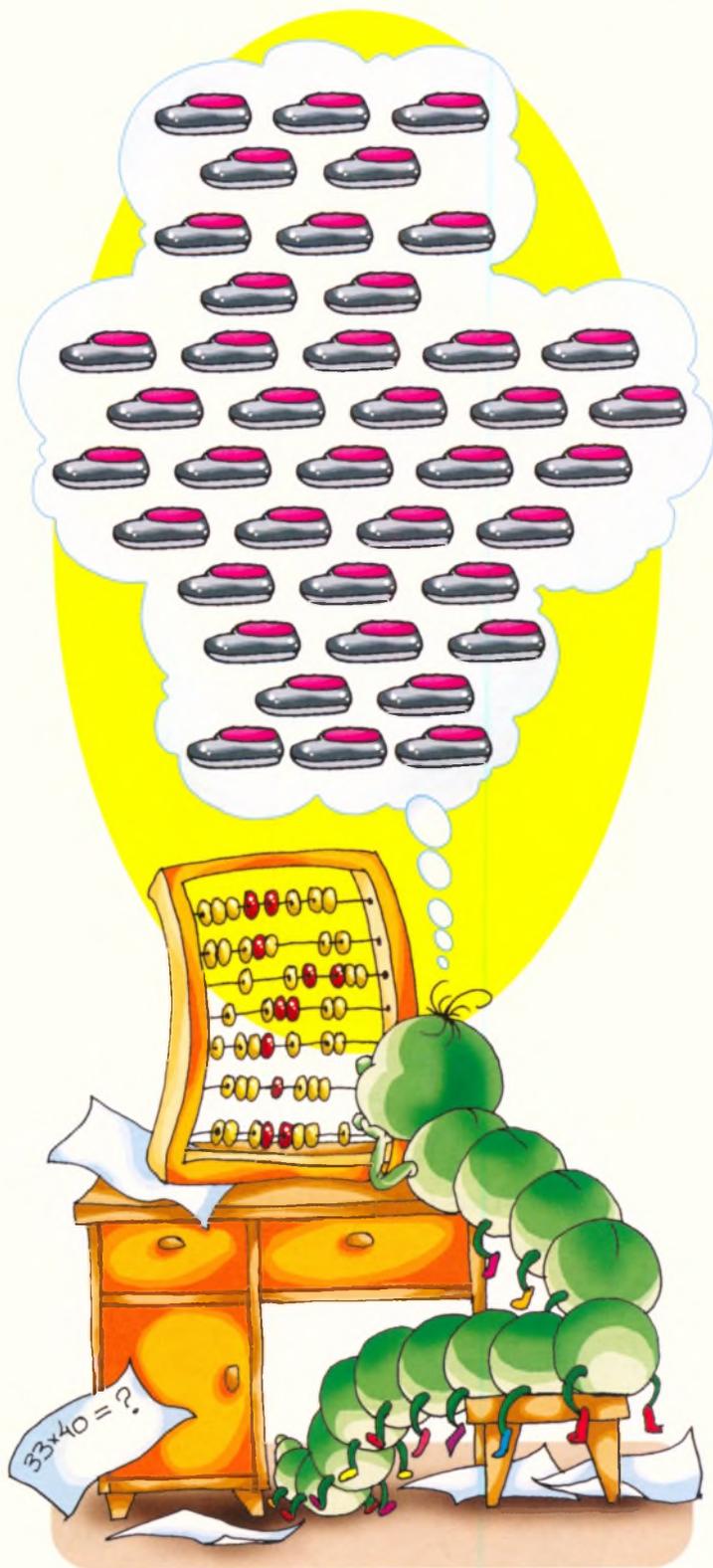

Носится орава
С самого утра.
Мать-сороконожка,
Погрустив немножко,
Говорит: «Пора вам
В школу, детвора».

Но ходить по школам
Невозможно голым,
Согласился с этим
Папа, — Ну и что ж?
Мама же сказала:
«Сосчитай сначала,
Сколько нашим детям
Надобно калош».

Для такой работы
Папа вынул счёты.
«Тише, дети, тише! —
Папа снял сюртук. —
Если каждой ножке
Нужно по калошке,
То для всех детишек
Сколько ж это штук?

Трижды сорок восемь,
Девять переносим,
Это будет двести,
Да один в уме...»
Захирела печка,
Догорела свечка
Папа с мамой вместе
Счёт ведут во тьме.

А когда же солнце
Глянуло в оконце,
Захотелось чаю,
Но сказала мать:
«Слишком много ножек
У сороконожек.
Я изнемогаю».
И пошла гулять.

Видит — в луже тихо
Дремлет аистиха,
Рядом — аистёнок
На одной ноге.
Мать сказала плача:
«Аистам удача —
Вот какой ребёнок
Нужен был бы мне!

Слишком много ножек
У сороконожек.
Ноги — это гадость,
Если много ног.
Аист — он хороший,
Он одной калошей
Мамочке на радость
Обойтись бы мог».

Осип Мандельштам

МУХА

- Ты куда попала, Муха?
 - В молоко, в молоко.
 - Хорошо тебе, старуха?
 - Не легко, не легко.
 - Ты бы вылезла немножко.
 - Не могу, не могу.
 - Я тебе столовой ложкой
Помогу, помогу.
 - Лучше ты меня, бедняжку,
Пожалей, пожалей.
- Молоко в другую чашку
Перелей, перелей.

Сергей Михалков

БАРАНЫ

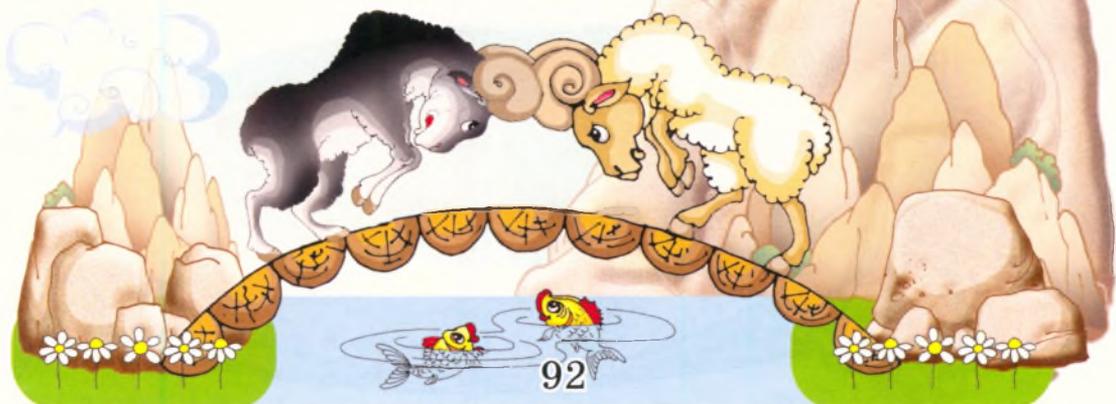
По крутой тропинке горной
Шёл домой барашек чёрный
И на мостике горбатом
Повстречался с белым братом.

И сказал барашек белый:
«Братец, вот какое дело:
Здесь вдвоём нельзя пройти —
Ты стоишь мне на пути».

Чёрный брат ответил: «Ме-е,
Ты в своём, баран, уме-е?
Пусть мои отсохнут ноги,
Не сойду с твоей дороги!»

Помотал один рогами,
Уперся другой ногами...
Как рогами ни крути,
А вдвоём нельзя пройти.

Сверху солнышко печёт,
А внизу река течёт.
В этой речке утром рано
Утонули два барана.

ОДНА РИФМА

Шёл трамвай десятый номер
По бульварному кольцу.
В нём сидело и стояло
Сто пятнадцать человек.

Люди входят и выходят,
Продвигаются вперёд.
Пионеру Николаю
Ехать очень хорошо.

Он сидит на лучшем месте —
Возле самого окна.
У него коньки под мышкой:
Он собрался на каток.

Вдруг на пятой остановке,
Опираясь на клюку,
Бабка дряхлая влезает
В переполненный вагон.

Люди входят и выходят,
Продвигаются вперёд.
Николай сидит скучает,
Бабка рядышком стоит.

Вот вагон остановился
Возле самого катка
И из этого вагона
Вылезает пионер.

На свободное местечко
Захотелось бабке сесть,
Оглянуться не успела —
Место занято другим.

Пионеру Валентину
Ехать очень хорошо,
Он сидит на лучшем месте,
Возвращается с катка.

Люди входят и выходят,
Продвигаются вперед.
Валентин сидит скучает,
Бабка рядышком стоит.

Этот случай про старушку
Можно дальше продолжать,
Но давайте скажем в рифму:
— Старость нужно уважать!

Даниил Хармс

ВЕСЁЛЫЙ СТАРИЧОК

Жил на свете старичок
Маленького роста,
И смеялся старичок
Чрезвычайно просто:
«Ха-ха-ха
Да хе-хе-хе,
Хи-хи-хи
Да бух-бух!
Бу-бу-бу
Да бе-бе-бе,
Динь-динь-динь
Да трюх-трюх!»

Раз, увидя паука,
Страшно испугался,
Но, схватившись за бока,
Громко рассмеялся:
«Хи-хи-хи
Да ха-ха-ха,
Хо-хо-хо
Да гуль-гуль!
Ги-ги-ги
Да га-га-га,
Го-го-го
Да буль-буль!»

А увидя стрекозу,
Страшно рассердился,
Но от смеха на траву
Так и повалился:
«Гы-гы-гы
Да гу-гу-гу,
Го-го-го
Да бах-бах!
Ой, ребята,
Не могу!
Ой, ребята,
Ах, ах!»

КОШКИ

Однажды по дорожке
Я шёл к себе домой.
Смотрю и вижу: кошки
Сидят ко мне спиной.

Я крикнул: «Эй вы, кошки!
Пойдёмте-ка со мной,
Пойдёмте по дорожке,
Пойдёмте-ка домой.

Скорей пойдёмте, кошки,
А я вам на обед
Из лука и картошки
Устрою винегрет».

«Ах, нет! — сказали кошки. —
Останемся мы тут!»
Уселись на дорожке
И дальше не идут.

Саша Чёрный

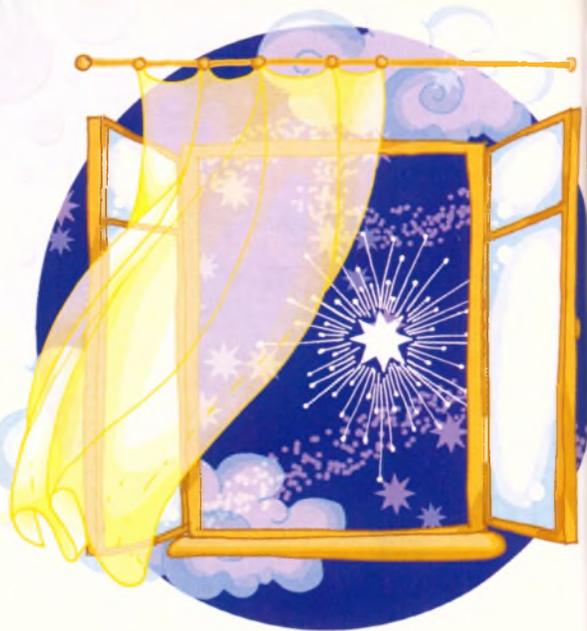
ПРИСТАВАЛКА

— Отчего у мамочки
На щеках две ямочки?
— Отчего у кошки
Вместо ручек ножки?
— Отчего шоколадки
Не растут на кроватке?
— Отчего у няни
Волосы в сметане?
— Отчего у птичек
Нет рукавичек?
— Отчего лягушки
Спят без подушки?..
— Оттого, что у моего сыночка
Рот без замочка.

ЗВЁЗДОЧКА В ОКНЕ

Задумчивые стихи

Александр Пушкин

(«Ещё дуют холодные ветры...»)

Ещё дуют холодные ветры
И наносят утренни морозы.
Только что на проталинах весенних
Показались ранние цветочки,
Как из чудного царства воскового,
Из душистой келейки медовой
Вылетела первая пчёлка,
Полетела по ранним цветочкам
О красной весне поразведать,
Скоро ль будет гостья дорогая,
Скоро ли луга позеленеют,
Скоро ль у кудрявой у берёзы
Распустятся клейкие листочки,
Зацветёт черёмуха душиста.

* * *

(«Забыв и рощу и свободу...»)

Забыв и рощу и свободу,
Невольный чижик надо мной
Зерно клюёт и брызжет воду,
И песнью тешится живой.

ПТИЧКА

В чужбине свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При светлом празднике весны.

Я стал доступен утешенью;
За что на бога мне роптать,
Когда хоть одному творенью
Я мог свободу даровать!

Юнна Мориц
ЗВЁЗДОЧКА

Звёздочка светит в окне,
Всем она светит и мне,
Ёжику с дырочкой светит и пони,
Звёздочка светит слону и вороне,
Девочке Ксене и мальчику Ване,
Оба они на волшебном диване
Часто ко мне прилетают с приветом!
Книжечка эта — с поэтским секретом,
А без секрета поэтского —
нет человечества детского!

Сергей Есенин

(«Нивы сжаты,
рощи голы...»)

Нивы сжаты, рощи голы,
от воды туман и сырость,
колесом за сини горы
солнце тихое скатилось.

Дремлет взрытая дорога —
ей сегодня примечталось,
что совсем-совсем немного
ждать зимы седой осталось.

Ах, и сам я в чаще звонкой
увидал вчера в тумане:
рыжий месяц жеребёнком
запрягался в наши сани.

Владимир Друк

(«И спокоен, и мудр...»)

И спокоен, и мудр
В заповеднике зубр.
И спокоен, и добр
В заповеднике бобр.
В заповеднике звери
Живут заповедно.
Я подумал — и людям
Это будет не вредно.

ИЗ ЖИЗНЕОПИСАНИЯ КОШКИ МУРКИ

Мурка задумчиво в небо глядит:
Может быть, там колбаса пролетит?
Мысль, что бывают ещё чудеса,
Даже приятнее, чем колбаса.

Новелла Матвеева
ГАЛЧОНОК

Потеряла галчиха галчонка —
Колченожку, плюгашку, чернушку.
А подкинули галке скворчонка —
Прямоножку, милашку, пеструшку.

Стала плакать она и рыдати,
Стала грудью к земле припадати,
И слетелись на крик её птицы,
И расселись по краю криницы.

— Что ты, глупая, плачешь, рыдаешь,
Что рыдаешь, к земле припадаешь?
Уж твоё ли дитя не резвушка,
Прямоножка, милашка, пеструшка?

— Не моё это чадо, а ваше,
А моё-то дитя было краше,
Мутно пёрышко, тускла макушка,
Колченожка, плюгашка, чернушка!

Эмма Мошковская
НЕЗАБУДКА

Я глядел на незабудку,
я глядел всего минутку!
Но теперь я долго-долго
не забуду
незабудку.

Ирина Токмакова
СОННЫЙ СЛОН

Динь-дон. Динь-дон.
В переулке ходит слон,
Старый, серый, сонный слон.
Динь-дон. Динь-дон.

Стало в комнате темно:
Заслоняет слон окно.
Или это снится сон?
Динь-дон. Динь-дон.

ГДЕ СПИТ РЫБКА

Ночью темень. Ночью тишь.
Рыбка, рыбка, где ты спишь?

Лисий след ведёт к норе,
След собачий к конуре,

Белкин след ведёт к дуплу,
Мышкин — к дырочке в полу.

Жаль, что в речке, на воде,
Нет следов твоих нигде.
Только темень, только тишь.
Рыбка, рыбка, где ты спишь?

РУЧЕЙ

Бежал ручей по камешкам,
Бежал, бежал, бежал...
Потом в глубокой лужице
Лежал, лежал, лежал...
То снова он помчался вскачь,
То будто бы уснул...
Увидел речку — прыг туда
И сразу утонул!

ДУБ

Дуб дождя и ветра
Вовсе не боится.
Кто сказал, что дубу
Страшно простудиться?
Ведь до поздней осени
Он стоит зелёный.
Значит, дуб выносливый,
Значит, закалённый.

РЯБИНА

Красненькую ягодку
Мне дала рябина.
Думал я, что сладкую,
А она как хина!

То ли эта ягодка
Просто не дозрела,
То ль рябина хитрая
Подшутить хотела?

СОСНЫ

Сосны до неба хотят дорасти,
Небо ветвями хотят подмести,
Чтобы в течение года
Ясной стояла погода.

Владимир Орлов

РАЗНЫЕ МНЕНИЯ

Осьминог для всех —
чудовище.

А для мамы он —
сокровище.

МАЛЬЧИШКА ТОМ

Мальчишка Том
Покинул дом,
Махнул ему рукой.
Всё дело в том,
Что этот дом
Стал вовсе не такой:
Скрипели двери
В нём не так,
Не так устроен
Был чердак,
И не такие деревца
Не так стояли
У крыльца.
И не такой
Была река,
И не такими —
Облака,
И мама в доме
Над рекой
Была какой-то
Не такой.

И Том поплёлся наугад,
Куда глаза глядят.
Его хлестал
И дождь, и град
Четыре дня подряд.
Мальчишка Том
На каждый дом
Поглядывал с тоской,
Но дело в том,
Что каждый дом
Был тоже не такой:
Скрипели двери
В нём не так,
Не так устроен
Был чердак,
И не такие деревца
Не так стояли
У крыльца.
И не такой
Была река,
И не такими —
Облака,
И в каждом доме
Над рекой
Бывала мама
Не такой.

Он шёл на север
И на юг
Чужою стороной,
Но сделал круг
И вышел вдруг
Опять к себе домой.
Мальчишка Том
Увидел дом,
Слезу смахнул рукой.
Всё дело в том,
Что этот дом
Внезапно стал такой:
И двери в нём
Скрипели так!
И так устроен
Был чердак!
И так стояли
У крыльца
Совсем такие
Деревца!

Совсем такой
Была река!
Совсем такими —
Облака!
А мама в доме
Над рекой
Была такой,
Была такой...

Такая мама
В доме том,
Какой нигде
Не видел Том!

БУКЕТ КОТОВ

Забавные стихи

Валентин Берестов

ГОЛОЛЕДИЦА

Не идётся и не едется,
Потому что гололедица.
Но зато
Отлично падается!
Почему ж никто
Не радуется?

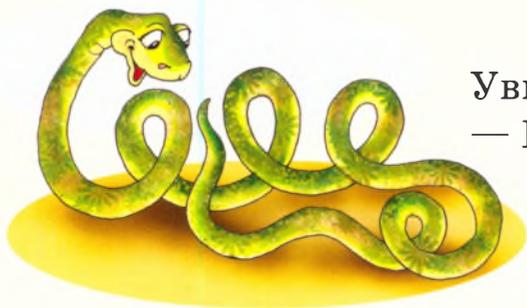
ИСКАЛОЧКА

Если где-то нет кого-то,
Значит, кто-то где-то есть.
Только где же этот кто-то
И куда он мог залезть?

Марина Бородицкая

ЗМЕЯ

Увидя свой хвост, удивилась змея:
— Неужто, друзья, это всё ещё я?

ЩИ-ТАЛОЧКА

Чищу овощи для щей.
Сколько нужно овощей?

Три картошки, две морковки,
Луку полторы головки,
Да петрушки корешок,
Да капустный кочешок.

Потеснись-ка ты, капуста,
От тебя в кастрюле густо!

Раз-два-три, огонь зажжён —
Кочерыжка, выйди вон!

Олег Григорьев

СТРАХ

— Эх ты, испугался зайца,
Который ел капусту!
— Я же не видел зайца,
Я же спасался от хруста!

БАТОН

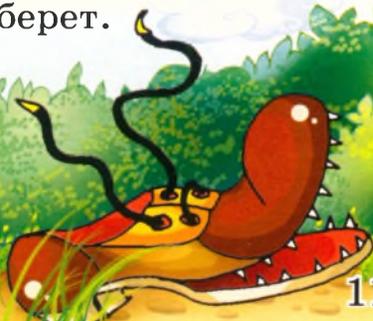
С длинным батоном под мышкой
Из булочной шёл мальчишка,
Следом с рыжей бородкой
Пёс семенил короткий.
Мальчик не оборачивался,
И батон укорачивался.

СОСЕД

Пришёл сосед к Петрову,
Сказал: — Петров, привет!
Петров сказал: — Здорово.
Садись на табурет!
Сосед приободрился,
Сказал: — Смотри, Петров,
Как твой башмак раскрылся:
Он съесть меня готов! —
Петров привстал немножко,
Сказал: — Да, это так. —
И выкинул в окошко
Разорванный башмак.
Сосед не удивился,
Сказал: — Смотри, Петров,
Пиджак твой износился
От плеч до рукавов. —
Петров привстал немножко,
Сказал: — Да, это так. —
И выкинул в окошко
Поношенный пиджак.
Сосед не удивился,
Сказал, помяв берет:
— Смотри, как накренился
Твой старый табурет. —
Петров схватил за ножку
То, что назвал сосед,
И выкинул в окошко
Соседа и берет.

Александр Кушнер
ИГРА

Антон Антонович Антонов!
Фонтан Фонтанович Фонтанов!
Вагон Вагонович Вагонов!
Диван Диванович Диванов!

Федот Федотович Федотов!
Борис Борисович Борисов!
Компот Компотович Компотов!
Редис Редисович Редисов!

Захар Захарович Захаров!
Матвей Матвеевич Матвеев!
Кошмар Кошмарович Кошмаров!
Злодей Злодеевич Злодеев!

Сысой Сысоевич Сысоев!
Болтай Болтаевич Болтаев!
Постой Постоевич Постоев!
Устал-я-больше-не-желаев...

КТО СКАЗАЛ, ЧТО МЫ ПОДРАЛИСЬ?

Кто сказал, что мы подрались?
Мы не дрались, а боролись.
Правда, мы чуть-чуть кусались,
И щипались, и кололись.

Правда, мы друг друга мяли,
И бодались, и лягались.
Нас, конечно, разнимали.
Мы, конечно, упирались.

Кто сказал, что это драка?
Правда, он мне руку стиснул,
Правда, я чуть-чуть заплакал,
Правда, он немножко взвизгнул.

И расстались мы поссорясь.
И так сердце громко билось.
Но сначала мы боролись.
Драка после получилась.

НЕ ШУМИТЕ!

«Не шумите!» А разве шумели
Мы? Андрюша стучал еле-еле
Молотком по железной трубе.
Я тихонько играл на губе,
Пальцем книзу её отгибая.
Таня хлопала дверью сарая.
Саша камнем водил по стеклу.
Коля бил по кастрюле в углу
Кирпичом, но негромко и редко.
«Не шумите!» —

сказала соседка.

А никто и не думал шуметь.
Вася пел, ведь нельзя же не петь!
А что голос у Васи скрипучий,
Так зато мы и сгрудились кучей:
Кто стучал, кто гремел, кто скрипел,
Чтобы он не смущался и пел!

Вадим Левин

СТИХИ С БЕГЕМОТАМИ

Вот уж — не было заботы,
так пристали
бегемоты:

я срисовывал комод —
Получился
бегемот.

Рисовал я самолёт —
вышел снова
бегемот.

Я рисую пароход,
а выходит
бегемот!

Капитан его ведёт —
сам такой же
бегемот.

Я беру свою картинку,
рву на части
и — в корзинку.

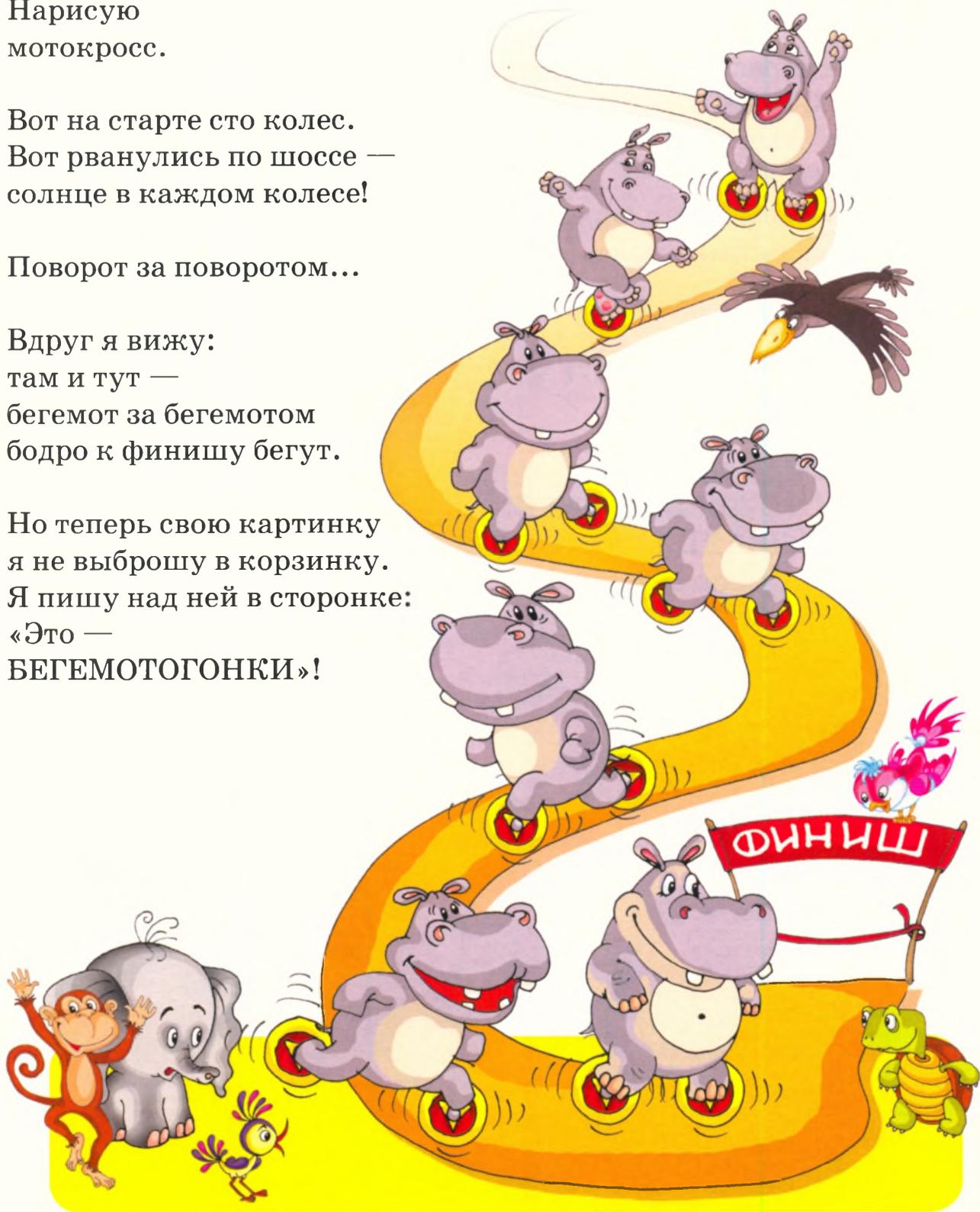
Нарисую
мотокросс.

Вот на старте сто колес.
Вот рванулись по шоссе —
солнце в каждом колесе!

Поворот за поворотом...

Вдруг я вижу:
там и тут —
бегемот за бегемотом
бодро к финишу бегут.

Но теперь свою картинку
я не выброшу в корзинку.
Я пишу над ней в сторонке:
«Это —
БЕГЕМОТОГОНКИ»!

УСТАЛЫЙ ПОЕЗД

На стрелке:
— СТУК!
На стыке:
— СТУК! —
Состав несётся через луг.
На каждый стык
считает:
— СТУК!
А сколько их?
А сколько штук?
И слышит луг
и всё вокруг:
— СТО ДЕСЯТЬ ШТУК!
СТО ДВАДЦАТЬ ШТУК!
сто тридцать штук!
сто сорок штук!
сто тысяч штук!
тук-тук!
тук-тук, тук-тук!
тук-тук, тук-тук!
ТУ-ТУ-У-У-У-УУУУ-уууу!..
Полз состав.
Он устал
от гудка —
до хвоста.

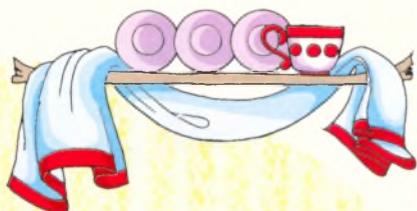

Полз состав,
полз
и стал,
и уснул
у моста.
Потом
вдруг
сказал:
— СТУК!
Меня ведь
ждут,
а я всё тут!
Я — состав!
Что ж я стал?
Мне не спать,
а стучать
на стрелке:
— СТУК!
На стыке:
— СТУК!

А на мосту:
— Я ТУТ КАК ТУТ!
Лечу-качу
туда, где ждут.
ТУ-ТУ-У-У-У-У-УУУУ-уууу...

Михаил Либин
КОТЕЛОК

Жили-были
Баба с дедом,
Ели кашу
С молоком,
И болтали
Баба с дедом
За обедом
Языком.

Ели кашу
С молоком —
И болтали
Языком,
Не заметили —
И съели
Кашу
Вместе с котелком!

Дед глядит
На потолок,
Баба смотрит
В уголок:
Ну куда
Деваться мог
Этот самый
Котелок?!

Баба с дедом
Три недели
Не выходят
За порог.
Три недели
Все при деле:
Ищут всюду
Котелок.

Худо бабе,
Худо деду,
Да обоим —
Поделом:

НЕ ШАЛИТЕ
ЗА ОБЕДОМ,
НЕ БОЛТАЙТЕ
ЗА СТОЛОМ!

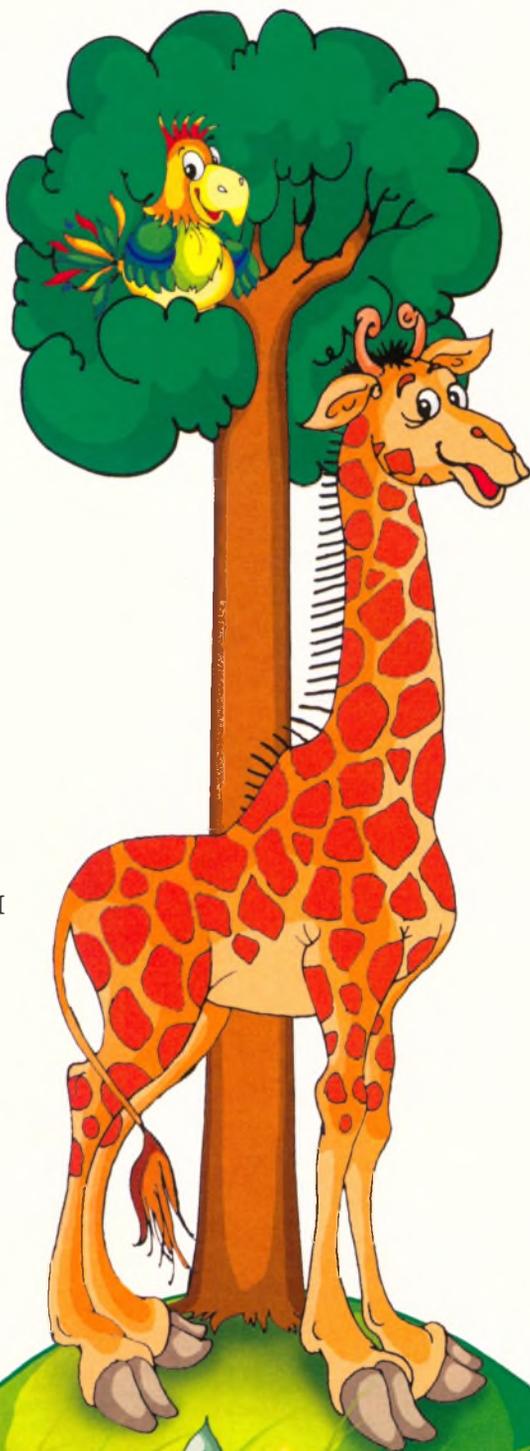

Виктор Лунин

КТО Я?

Я самое,
Я самое,
Я длинное,
Я шеее,
Я само-
Длинно-
Шеее.
Длиннее
Шеи
Нет!
Я самое,
Я тонкое,
Я самое,
Я жёлтое,
Я длинно-
Тонко-
Жёлтое,
Желтей,
Чем жёлтый
Цвет.
Я бегаю,
Я бегаю,
Я листьями
Обедаю.
Я самые,
Я свежие
Листочки
Достаю.

Мне лазать
Не приходится,
Мне прыгать
Не приходится,
Я только
Шею вытяну,
И сразу же
Жую.
Я самое,
Я стройное,
Я самое
Спокойное.
Вам всем,
Конечно,
Нравится
Мой тихий,
Скромный
Нрав.
Я умный,
Обаятельный,
Простой,
Очаровательный,
Весёлый,
И
мечтательный.
Ну, словом,
Я...

;(фвиж)

Новелла Матвеева
БЫЛО ТИХО...

Было тихо, очень тихо:
Ночь на всей земле.
Лишь будильник робко тикал
На моём столе.

Было тихо, очень тихо, —
Тихий, тихий час...
Лишь будильник робко тикал,
Мышь в углу скреблась.

Было тихо, очень тихо, —
Дрёма без забот...
Лишь будильник робко тикал,
Мышь скреблась,
Сверчок пиликал
Да мурлыкал кот.

Было тихо, очень тихо:
Тихий час теней...
Лишь будильник робко тикал,
Мышь скреблась,
Сверчок пиликал,
Козлик мекал,
Кот мяукал,
Поросёнок дерзко хрюкал,
Бык ревел
И две собаки
Дружно вторили во мраке
Ржанию коней.

ПУТАНИЦА

Вот бутон,
А вот — батон.
Вот бидон,
А вот — питон.
Ну, а вот — бетон.

В печке выпечен
Батон,
А в петлицу вдет
Бутон,
По траве ползёт
Питон,
Молоко течёт в
Бидон,
А на стройке есть
Бетон.

Повтори и ты мне в тон:
Где бутон,
А где батон,
Где бидон,
А где питон,
Ну и где — бетон.

Раз, два, три, четыре, пять,
Начинаю повторять:

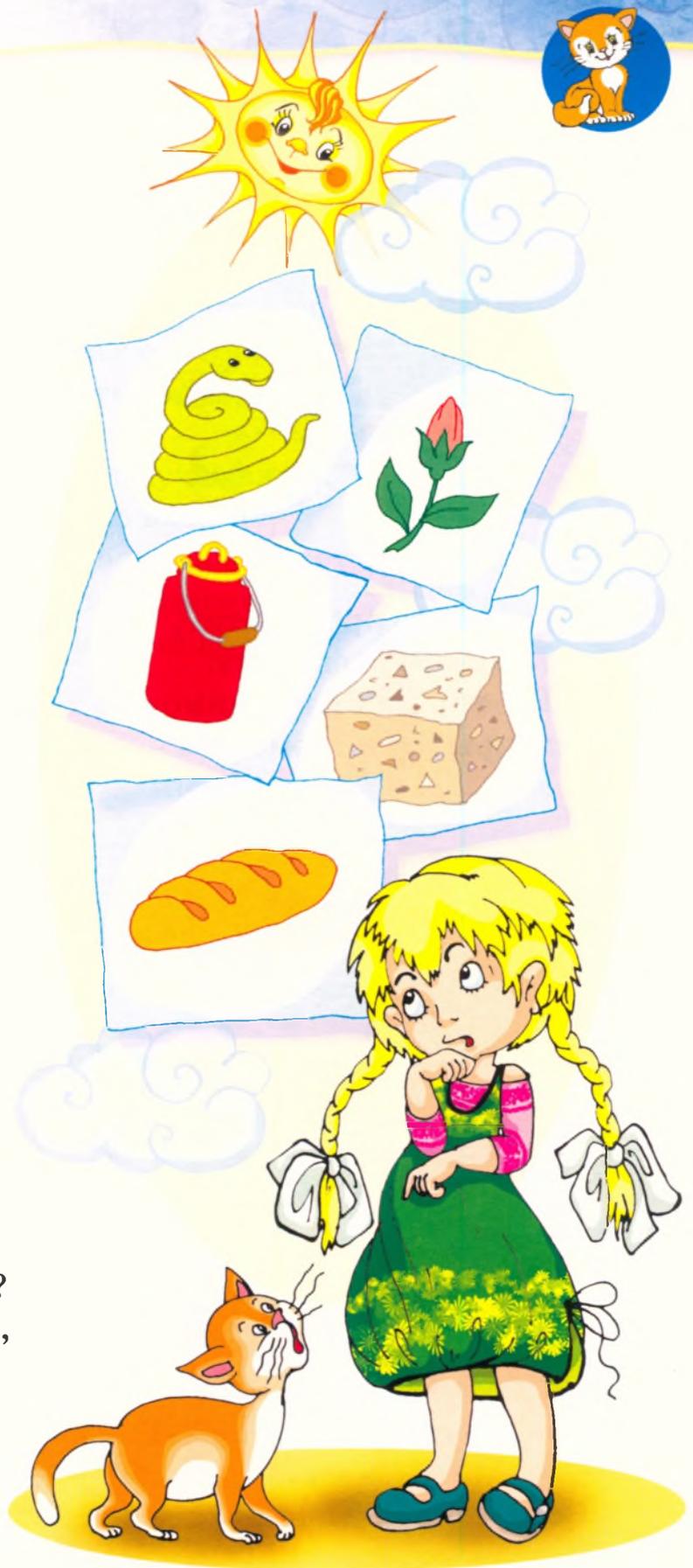

В печке выпечен
Бутон,
А в петлицу вдет
Батон,
По траве ползёт
Бидон,
Молоко течет в
Бетон,
А на стройке есть
Питон.

— Нет, не так!
Нет, не так!
— Ну, тогда вот так:
В печке выпечен
Бидон,
А в петлицу вдет
Питон,
По траве ползёт
Бетон,
Молоко течёт в
Батон,
А на стройке есть
Бутон.

— Нет, не так!
Нет, не так!
Подскажите сами: как?
Разберитесь сами в том,
Где бутон,
А где батон,
Где бидон,
А где питон,
Ну, и где — бетон.

Юнна Мориц

ХОХОТАЛЬНАЯ ПУТАНИЦА

С мармеладом в бороде
К своему папаше
Плыл медведь в сковороде
По кудрявой каше!

Над землёй арбуз летит,
Он чирикает, свистит:
«Я — горчица, я — лимон!
Я закрылся на ремонт!»

Ям-тирьям-тирьям, в коляске
Две усатых Свистопляски
Босиком, бегом-бегом
Ловят ветер сапогом!

По реке бежит буфет,
В нём лежит Большой Секрет,
Он снимается в кино,
Всем понравится оно!

БУКЕТ КОТОВ

Была у феи клумба волшебной красоты,
У ней на этой клумбе росли одни коты,
Коты росли с усами, хвостами всех цветов,
Едва ли вы видали котов таких сортов,
Таких цветущих мяу, пушистеньких котов.

Котов таких букетик вам шляпку освежит,
Он именно на шляпке особенно визжит.
Таких котов на сцену бросай большой букет —
Обрадуешь артиста и зрителям привет!
Всегда котов букетик украсит ваш портрет.

Эмма Мошковская

ЖАДИНА

Пёс шагал по переулку,
Он жевал большую булку.
Подошёл Щеночек,
Попросил кусочек.

Сел Пёс,
стал гадать —
дать
или не дать?

Погадал-погадал,
пожевал-пожевал,
не дал.

Подошла Кошка-Мяушка,
попросила Кошка мякишка.
Встал Пёс,
стал гадать —
дать
или не дать?

Погадал-погадал,
пожевал-пожевал,
не дал.

Прискакала Лягушка,
пошептала на ушко,
попросила Лягушка горбушку!

Сел Пёс,
стал гадать —
дать
или не дать?

Погадал-погадал,
пожевал-пожевал,
не дал.

Подошла Курочка,
попросила Курочка корочку!

Встал Пёс,
стал гадать —
дать
или не дать?

Погадал-погадал,
пожевал-пожевал,
не дал.

Подошла Уточка,
постояла минуточку,
попросила Уточка чуточку,
только попробовать!

Сел Пёс,
стал гадать —
дать
или не дать?

Погадал-погадал,
пожевал-пожевал...
и сказал:

— Я бы дал!
У меня у самого
больше нету ничего!

БУЛЬДОГ

Идёт бульдог,
Две пары ног,
Приплюснут нос,
Обрублен хвост,
На шею ему дали
большие
медали.

Идёт бульдог,
Идёт бульдог,
Хозяйка держит поводок.
Хозяйка малолетняя,
На ней —
Панама летняя.

Ветром сдуло ей панаму!
За панамой
Надо прямо,
Премированный бульдог
От панамы
Тянет вбок.
Тянет вбок,
Тянет вбок,
Вырывает поводок!..

Панама,
Панама,
Вкатилась в лужу прямо.
Панама,
Панама,
Что скажет наша мама?..
Идёт бульдог,
Идёт бульдог,
Звенит медалями бульдог.
Бульдог такой уродливый,
Такой неповоротливый!
Медали,
Медали,
Блестят его медали.
Медали,
Медали,
За что их только дали?..

ТЕЛЕГРАММА

Телеграмму-
грамму-
грамму
Рано утром принесли.
Разбудили-
дили-
дили,
Разбудили и ушли.
Удивились-
вились-
вились,
Удивились мы потом:
Телеграмма-
грамма-
грамма
В тот соседний-
седний дом!

Рената Муха

ПРО УЖА И ПРО ЕЖА

Бывают в жизни чудеса —
Ужа ужалила Оса.
Ужалила его в живот.
Ужу ужасно больно.
Вот.
А доктор Ёж сказал Ужу:
«Я ничего не нахожу,
Но всё же, думается мне,
Вам лучше ползать на спине,
Пока живот не заживёт.
Вот».

ОДИНОКАЯ СВИНКА

По длинной тропинке
немытая Свинка
бежит
совершенно одна.
Бежит и бежит она,
и вдруг
неожиданно
у неё
зачесалась спина.

Немытая Свинка
свернула с тропинки
и к нам постучалась
во двор,
и хрюкнула жалостно:
— Позвольте, пожалуйста,
о ваш
почесаться
забор.

Владимир Орлов

СПОР

— Жила на свете девочка.
Она была хорошая.
Она была хорошая,
Хотя была плохая.
— Ну да!
Вот это выдумки!
Ха-ха!
Вот это выдумки!
Не может быть хорошая,
Когда она плохая!

— И ничего не выдумки,
Она была хорошая!
И ничего не выдумки,
Она была плохая!
Она была хорошая,
Когда была послушная!
Когда она не слушалась,
Она была плохая!

КОСТЯНАЯ РУБАШОНКА

У Чере-черепашонка
Костяная рубашонка.
Нет прочнее рубашонки —
Хоть носи её сто лет.
Шили эту рубашонку
Своему Черепашонку:
Чере-мама,
Чере-папа,
Чере-баба,
Чере-дед.

Генрих Сапгир

ФУТБОЛ

Сказала тётя:
— ФИ, футбол!
Сказала мама:
— ФУ, футбол!
Сестра сказала:
— НУ, футбол...
А я ответил:
— ВО, футбол!

ЛИМОН

Что за ЛИ?
Что за МОН?
В звуках нету смысла.
Но едва шепнут:
«ЛИ-МОН»,
Сразу станет кисло.

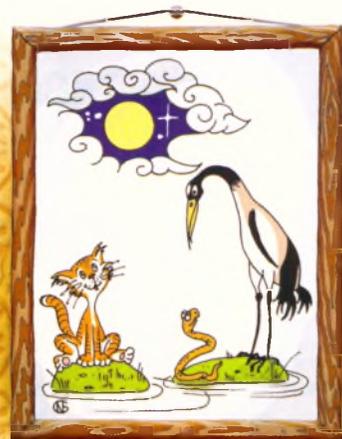

Роман Сеф

ВСЁ НА ВСЁ ПОХОЖЕ

На свете всё
На всё
Похоже:
Змея —
На ремешок
Из кожи;
Луна —
На круглый глаз
Огромный;
Журавль —
На тощий
Кран подъёмный;
Кот полосатый —
На пижаму.
Я — на тебя,
А ты —
На маму.

Тим Собакин

ПРИЛЕТЕЛИ БЕГЕМОТЫ

Как-то раз в конце субботы
в наши сельские края
прилетели бегемоты,
будто стая журавлей.

Мы их даже и не ждали
из далёких жарких стран.
А они вот прилетели —
прямо целый караван!

Стали гнёзда вить повсюду,
стали песни петь вовсю.
Мы в глубокую посуду
им насыпали овсу.

Бегемоты поклевали
и порхают кувырком:
чижик-пыжик,
трали-вали
(такие уж весёлые попались!)
влево-вправо,
криво-прямо,
то туда,
а то сюда...

Вот пришла с работы мама,
улыбаясь как всегда.
— Посмотри, —
сказала мама,
подведя меня к окну, —
бегемоты прилетели;
значит,
скоро быть весне.

ПЕСНИ БЕГЕМОТОВ

Вот летают бегемоты:
кто-то с песней, кто молчком.
Я бегу, обутый в боты,
с фиолетовым сачком.

Как поймаю бегемота,
в клетку сразу посажу.
— Спой мне песню,
друг любезный! —
бегемоту я скажу.

Если песен петь не будет,
отпущу его тогда —
пусть летают бегемотов
необъятные стада!

Пусть летают бегемоты
там и тут, там и тут...
И свои простые песни
нам поют, нам поют.

Ирина Токмакова
ГНОМ

К нам по утрам приходит гном.
В Москве приходит, прямо в дом.
И говорит всё об одном:
— Почаще мойте уши! —

А мы кричим ему в ответ:
— Мы точно знаем, гномов нет! —
Смеётся он: — Ну, нет так нет!
Вы только мойте уши!

КРОКОДИЛЫ

Прошу вас, не надо съезжать по перилам!
Вы можете в зубы попасть крокодилам!
Они притаились на каждой площадке
И всех, кто съезжает, хватают за пятки
И тащат на дно африканского Нила.
Прошу вас, не надо съезжать по перилам!

Андрей Усачёв

ПЛАНЕТА КОШЕК

Есть где-то Кошачья планета.
Там кошки как люди живут:
Читают в постели газеты
И кофе со сливками пьют.

У них есть квартиры и дачи,
Машины и прочий комфорт.
Они обожают рыбачить
И возят детей на курорт.

Летают в заморские страны.
Находят алмазы с кулак.
Сажают на клумбах тюльпаны
И даже разводят собак.

Роскошная жизнь на планете
У кошек, котов и котят!
Но странные жители эти
Всё время о чём-то грустят...

Как много игрушек хороших!
Как много пластинок и книг!..
Вот нет только кошек у кошек.
Ах, как же им грустно без них!

ПУСТЫННАЯ ПЕСНЯ

По пустыне шёл ишак:
Вправо — шаг, влево — шаг.
Так шагал он целый час.
И увяз.

Шёл в пустыне бегемот.
По песку тащил живот.
Был он очень толстомяс.
И увяз.

По пустыне шёл верблюд.
Горб — там, горб — тут.
— Я, — кричит, — плевал на вас!
И увяз.

По пустыне шёл жираф,
Важно голову задрал,
И надменно щурил глаз...
И увяз.

По пустыне рыскал лев,
Восемнадцать дней не ел.
— Ну, — сказал, — поем сейчас...
И увяз.

Полз в пустыне скорпион.
Был ужасно мрачен он.
— Укушу, — кричит, — всех вас!
И увяз.

Все они сидят в песке.
Ну, а я сижу в тоске.
Я бы кончил свой рассказ...
Но увяз.

Эдуард Успенский

ПТИЧИЙ РЫНОК

Птичий рынок!
Птичий рынок!
сдвинув шапку набекрень,
между клеток и корзинок
Ходит парень целый день.
Ходит, птицу продаёт,
Только птица не поёт,
И никто за эту птицу
Ни копейки не даёт.
Думал, думал продавец,
И решился наконец:
— Налетайте всем базаром,
Забирайте птицу даром!
Удивляется народ,
Но и даром не берёт.
Для чего её неволить,
Если птица не поёт?
Ходит парень,
Морщит лоб,
Вдруг о землю шапкой — хлоп!
Клетку наземь опустил,
Птицу взял и отпустил!

Растерялась пленница —
Видно ей не верится:
Только что сидела в клетке,
А теперь сидит на ветке.
Посмотрела на народ,
А потом как запоёт!
Чудо-песню, диво-песню
Молча слушал весь базар.
Продавец забыл про сдачу,
Покупатель — про товар,
Старшина — про беспорядки,
Ротозеи — про перчатки...
В песне той звенели льдинки
И звучало торжество.
В этот день на птичьем рынке
Не купил я ничего.

РЫЖИЙ

Если мальчик конопат,
Разве мальчик виноват,
Что родился рыжим, конопатым?
Но, однако, с малых лет
Пареньку прохода нет,
И кричат ехидные ребята:

— Рыжий! Рыжий! Конопатый!
Убил дедушку лопатой! —
А он дедушку не бил,
А он дедушку любил.

Вот он к деду. Ну а дед
Говорит ему в ответ:
— У меня ведь тоже конопушки!
Если выйду я во двор,
Самому мне до сих пор
Всё кричат ехидные старушки:

«Рыжий! Рыжий! Конопатый!
Убил дедушку лопатой!»
А я дедушку не бил,
А я дедушку любил!

В небе солнышко горит
И мальчишке говорит:
— Я ведь тоже рыжим уродилось!
Я ведь, если захочу,
Всех подряд раззолочу.
Ну-ка посмотри, что получилось!

Рыжий папа! Рыжий дед!
Рыжим стал весь белый свет!
Рыжий! Рыжий! Конопатый!
Убил дедушку лопатой!..
А если каждый конопат,
Где на всех набрать лопат?!

Михаил Яснов

ИГРА

Ёрш — ершится,
Петух — петушится,
Лайка — лает,
Змея — змеится...
Что ж получается:
Лягушка —
лягается?

СЧИТАЛКА С БУРУНДУКОМ

Щёчка, щёчка —
Два мешочка;
Три-четыре корешочка,
Пять брусничек,
Шесть морошек,
Семь букашек,
Восемь мошек...
Лапкой в щёчку —
Стук, стук:
— На здоровье,
Бурундук!

Я ПОМОГАЮ НА КУХНЕ

— Ну-ка, мясо, в мясорубку!
Ну-ка, мясо, в мясорубку!
Ну-ка, мясо, в мясорубку
Шагом... марш!

— Стой! Кто идёт?

— Фарш!

Я ПРИДУМЫВАЮ ФАМИЛИИ

Утёнок — УТОЧКИН!
Цыплёнок — КУРОЧКИН!
Щенок — СОБАЧКИН!
Жеребёнок — КЛЯЧКИН!
Барашек — ОВЕЧКИН!
А я?
— ЧЕЛОВЕЧКИН!

О ЧЁМ ПОЮТ ВОРОБЫШКИ

Добрые стихи

Аполлон Майков

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Спи, дитя, усни!
Сладкий сон к себе мани:
В няньки я к тебе взяла
Ветер, солнце и орла.

Улетел орел домой;
Солнце скрылось под водой;
Ветер, после трёх ночей
Мчится к матери своей.

Ветра спрашивает мать:
«Где изволил пропадать?
Али звёзды воевал?
Али волны всё гонял?»

«Не гонял я волн морских,
Звёзд не трогал золотых;
Я дитя оберегал,
Колыбелочку качал!»

Валентин Берестов

ВОРОБУШКИ

О чём поют воробушки
В последний день зимы?
— Мы выжили!
— Мы дожили!
— Мы живы! Живы мы!

КОЗА

В дверь вошло животное
До того голодное:
Съело веник и метлу,
Съело коврик на полу,
Занавеску на окне
И картину на стене,
Со стола слизнуло справку
И опять пошло на травку.

Марина Бородицкая
ВОТ ТАКОЙ ВОРОБЕЙ

Уселся воробышек
Рядом со мной.
— Не трусишь? — спросил я. —
Ты что же, ручной?

— Я дикий! — сказал он,
Взлетев на скамью. —
Бросай бутерброд,
А не то заклюю!

УЛОВ

— Эй, послушай, рыболов!
Покажи-ка свой улов.

— Показать не покажу,
Я в уме его держу:

Проплывали две рыбёшки,
Щекотали мне ладошки,

Краб мизинец мне пожал
И по делу побежал,

У камней мальки порхали,
Плавничками мне махали,

И дельфин издалика
Улыбнулся мне слегка.

— Да, богатый твой улов...
Ты счастливый, рыболов!

Новелла Матвеева

ПУТЕШЕСТВЕННИК

Серый мышонок Тарасик
Продал свой белый матрасик,
Продал свой стол и комод
И устремился в поход.

В лодке из корочки дынной
Плыл он по речке пустынной,
Плыл, догоняя паром.
Грѐб лебединым пером.

Вдруг непогода завывала,
Стало не видно залива,
Дынная корка трещит,
Серый мышонок пищит:

«Всѣ-таки тёплая норка
Лучше, чем дынная корка...
Ох! Ай-ай-ай! Ой-ой-ой!
Я возвращаюсь домой!»

Серый мышонок Тарасик
Выкупил белый матрасик,
Выкупил стол и комод,
Тихо и мирно живѐт.

Но временами Тарасик
Думает: «Если бы разик,
Только б разок или два
Мне увидеть острова!...»

Владимир Орлов

ГРУСТНАЯ КИСКА

— Почему ты плачешь, киска?
— У меня пустая миска!
Съела я кусочек сала,
И теперь мне грустно стало.
— Почему же стало грустно?
— Потому, что было вкусно!

БЕЛЫЕ СТИХИ О ЧЁРНОМ ПУДЕЛЕ

Спит старушка на кушетке,
Чёрный пудель — на полу.
Просыпается старушка,
Пудель смотрит на неё.

«Вечер, — думает старушка, —
Не пора ли погулять?»
«Да, — подумал чёрный пудель, —
Мне давно гулять пора!»

«Нужно, — думает старушка, —
Взять и пуделя с собой».

«Да, — подумал чёрный пудель, —
Нужно взять её с собой».

«Ах, — подумала старушка, —
Где же спрятан поводок?»

«Да, — подумал чёрный пудель, —
Ей нельзя без поводка!»

«Пусть на привязи гуляет», —
Так подумала она.

«Да, — подумал чёрный пудель, —
Пусть идёт на поводке».

«Вот, — подумала старушка, —
Он теперь не убежит».

«Да, — подумал чёрный пудель, —
Не заблудится теперь».

Чёрный пудель и старушка
Молча вышли из ворот.
Совершенно неизвестно,
Кто кого повёл гулять.

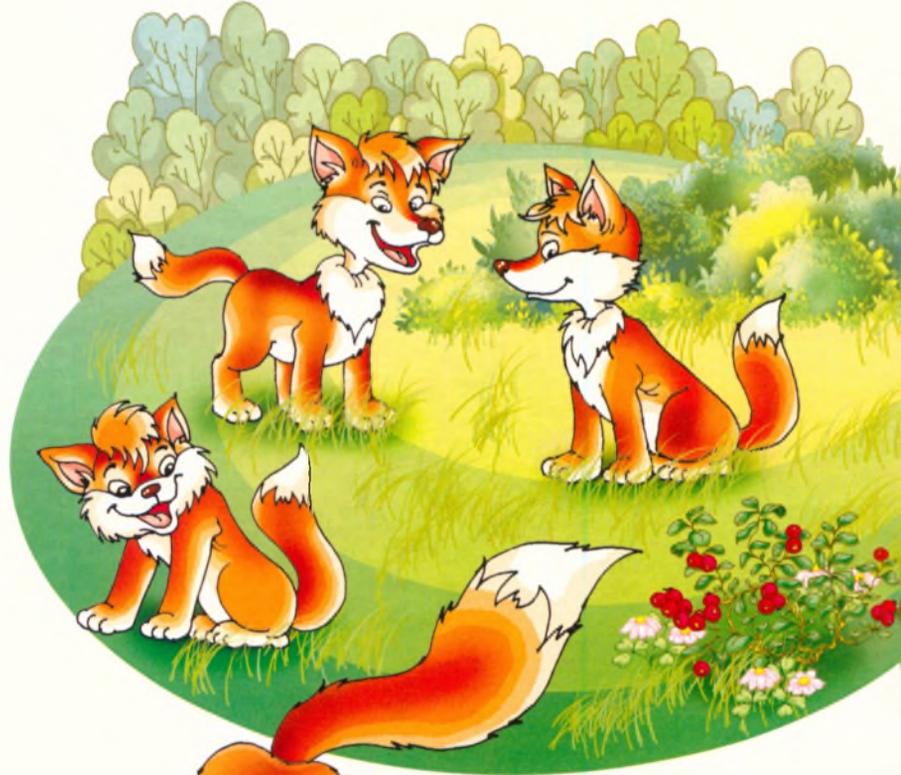

ЛИСИЙ ХВОСТ

У лисицы
Не напрасно
Белый кончик
На хвосте.
Этот кончик
Виден ясно
В самой тёмной
Темноте.

Ночь стоит
В лесу густом,
Слышен шорох
Под кустом:
Ходят хвостиком
Лисята
За лисицыным
Хвостом.

Малыши
Шагают смело
В чёрной темени
Лесной.
Мама — вправо;
Мама — влево;
А лисята
За лисой.

За мамашею
Лисицей
Ходят дети
Вер-
ре-
ни-
цей.

И никто из них
В сторонку
Не отходит
В темноте:
Ведь у каждого
Лисёнка
Белый кончик
На хвосте.

ЖУК

Повстречал улитку жук:
— Ты не бойся, я твой друг!
Что нацелила рога
На меня, как на врага?
Коль друзей встречать рогами,
Станут все они врагами!

Николай Рубцов

МЕДВЕДЬ

В медведя выстрелил лесник.
Могучий зверь к сосне приник.
Застряла дробь в лохматом теле.
Глаза медведя слёз полны:
За что его убить хотели?
Медведь не чувствовал вины!
Домой отправился медведь,
Чтоб горько дома пореветь...

**ПОЛКА
РАССКАЗОВ
И ИСТОРИЙ**

Лев Толстой

ПРЫЖОК

Акула

Наш корабль стоял на якоре у берега Африки. День был прекрасный, с моря дул свежий ветер, но к вечеру погода изменилась: стало душно и, точно из топленой печки, несло на нас горячим воздухом с пустыни Сахары.

Перед закатом солнца капитан вышел на палубу, крикнул:

— Купаться!

И в одну минуту матросы попрыгали в воду, спустили в воду парус, привязали его и в парусе устроили купальню.

На корабле с нами было два мальчика. Мальчики первые попрыгали в воду, но им тесно было в парусе и они вздумали плавать наперегонки в открытом море.

Оба, как ящерицы, вытягивались в воде и что было силы поплыли к тому месту, где был бочонок над якорем.

Один мальчик сначала перегнал товарища, но потом стал отставать.

Отец мальчика, старый артиллерист, стоял на палубе и любовался на своего сынишку. Когда сын стал отставать, отец крикнул ему:

— Не выдавай! Понатужься!

Вдруг с палубы кто-то крикнул:

— Акула!

И все мы увидали в воде спину морского чудовища.

Акула плыла прямо на мальчиков.

— Назад! Назад! Вернитесь! Акула! — закричал артиллерист.

Но ребята не слышали его, плыли дальше, смеялись и кричали ещё веселее и громче прежнего.

Артиллерист, бледный как полотно, не шевелясь, смотрел на детей.

Матросы спустили лодку, бросились в неё и, сгибая вёсла, понеслись что было силы к мальчикам, но они были ещё далеко от них, когда акула уже была не дальше двадцати шагов.

Мальчики сначала не слышали того, что им кричали, и не видали акулы; но потом один из них оглянулся, и мы все услышали пронзительный визг, и мальчики поплыли в разные стороны.

Визг этот как будто разбудил артиллериста. Он сорвался с места и побежал к пушкам. Он повернул хобот, прилёг к пушке, прицелился и взял фитиль.

Мы все, сколько нас ни было на корабле, замерли от страха и ждали, что будет.

Раздался выстрел, и мы увидали, что артиллерист упал подле пушки и закрыл лицо руками. Что сделалось с акулой и с мальчиками, мы не видали, потому что на минуту дым застлал нам глаза.

Но когда дым разошёлся над водою, со всех сторон слышался сначала тихий ропот, потом ропот этот стал сильнее, и, наконец, со всех сторон раздался громкий, радостный крик.

Старый артиллерист открыл лицо, поднялся и посмотрел на море.

По волнам колыхалось жёлтое брюхо мёртвой акулы. В несколько минут лодка подплыла к мальчикам и привезла их на корабль.

Прыжок (Быль)

Один корабль обошёл вокруг света и возвращался домой. Была тихая погода, весь народ был на палубе. Посреди народа вертелась большая обезьяна и забавляла всех. Обезьяна эта корчилась, прыгала, делала смешные рожи, передразнивала людей, и видно было — она знала, что ею забавляются, и оттого ещё больше расходилась.

Она подпрыгнула к двенадцатилетнему мальчику, сыну капитана корабля, сорвала с его головы шляпу, надела и живо взобралась на мачту. Все засмеялись, а мальчик остался без шляпы и сам не знал, смеяться ли ему или сердиться.

Обезьяна села на первой перекладине мачты, сняла шляпу и стала зубами и лапами рвать её. Она как будто дразнила мальчика, показывала на него и делала ему рожи.

Мальчик погрозил ей и крикнул на неё, но она ещё злее рвала шляпу. Матросы громче стали смеяться, а мальчик покраснел, скинул куртку и бросился за обезьяной на мачту. В одну минуту он взобрался по верёвке на первую перекладину; но обезьяна ещё ловчее и быстрее его в ту самую минуту, как он думал схватить шляпу, взобралась ещё выше.

— Так не уйдешь же ты от меня! — закричал мальчик и полез выше.

Обезьяна опять подманила его и полезла ещё выше, но мальчика уже разобрал задор, и он не отставал. Так обезьяна и мальчик в одну минуту добрались до самого верха.

На самом верху обезьяна вытянулась во всю длину и, зацепившись задней рукой за верёвку, повесила шляпу на край последней перекладины, а сама взобралась на

макушку мачты и оттуда корчилась, показывала зубы и радовалась.

От мачты до конца перекладины, где висела шляпа, было аршина два, так что достать её нельзя было иначе, как выпустить из рук верёвку и мачту.

Но мальчик очень раззадорился. Он бросил мачту и ступил на перекладину. На палубе все смотрели и смеялись тому, что выделывали обезьяна и капитанский сын; но как увидели, что он пустил верёвку и ступил на перекладину, покачивая руками, все замерли от страха.

Стоило ему только оступиться — и он бы вдребезги разбился об палубу. Да если б даже он и не оступился, а дошёл до края перекладины и взял шляпу, то трудно было ему повернуться и дойти назад до мачты.

Все молча смотрели на него и ждали, что будет.

Вдруг в народе кто-то ахнул от страха. Мальчик от этого крика опомнился, глянул вниз и зашатался.

В это время капитан корабля, отец мальчика, вышел из каюты. Он нёс ружье, чтобы стрелять чаек. Он увидел сына на мачте и тотчас же прицелился в сына и закричал:

— В воду! Прыгай сейчас в воду! Застрелю!

Мальчик шатался, но не понимал.

— Прыгай, или застрелю!.. Раз, два...

И как только отец крикнул: «три» — мальчик размахнулся головой вниз и прыгнул.

Точно пушечное ядро шлёпнуло тело мальчика в море, и не успели волны закрыть его, как уже двадцать молодых матросов спрыгнули с корабля в море. Секунд через сорок — они долги показались всем — вынырнуло тело мальчика. Его схватили и вытащили на корабль.

Через несколько минут у него изо рта и из носа полилась вода, и он стал дышать.

Когда капитан увидел это, он вдруг закричал, как будто его что-то душило, и убежал к себе в каюту, чтобы никто не видал, как он плачет.

Косточка (Быль)

Купила мать слив и хотела их дать детям после обеда. Они ещё лежали на тарелке. Ваня никогда не ел слив и всё нюхал их. И очень они ему нравились. Очень хотелось съесть. Он всё ходил мимо слив. Когда никого не было в горнице, он не удержался, схватил одну сливу и съел. Перед обедом мать сочла сливы и видит — одной нет. Она сказала отцу.

За обедом отец и говорит:

— А что, дети, не съел ли кто-нибудь одну сливу?

Все сказали:

— Нет.

Ваня покраснел, как рак, и сказал тоже:

— Нет, я не ел.

Тогда отец сказал:

— Что съел кто-нибудь из вас, это нехорошо; но не в том беда. Беда в том, что в сливах есть косточки, и если кто не умеет их есть и проглотит косточку, то через день умрёт. Я этого боюсь.

Ваня побледнел и сказал:

— Нет, я косточку бросил за окошко.

И все засмеялись, а Ваня заплакал.

Лев и собачка

В Лондоне показывали диких зверей и за смотренье брали деньгами или собаками и кошками на корм диким зверям.

Одному человеку захотелось поглядеть зверей; он ухватил на улице собачонку и принёс её в зверинец. Его пустили смотреть, а собачонку взяли и бросили в клетку ко льву на съеденье.

Собачка поджала хвост и прижалась в угол клетки. Лев подошёл к ней и понюхал её.

Собачка легла на спину, подняла лапки и стала махать хвостиком.

Лев тронул её лапой и перевернул.

Собачка вскочила и стала перед львом на задние лапки.

Лев смотрел на собачку, поворачивал голову со стороны на сторону и не трогал её.

Когда хозяин бросил льву мяса, лев оторвал кусок и оставил собачке.

Вечером, когда лев лёг спать, собачка легла подле него и положила свою голову ему на лапу.

С тех пор собачка жила в одной клетке со львом. Лев не трогал её, ел корм, спал с ней вместе, а иногда играл с ней.

Один раз барин пришёл в зверинец и узнал свою собачку; он сказал, что собачка его собственная, и попросил хозяина зверинца отдать ему. Хозяин хотел отдать, но, как только стали звать собачку, чтобы взять её из клетки, лев ощетинился и зарычал.

Так прожили лев и собачка целый год в одной клетке.

Через год собачка заболела и издохла. Лев перестал есть, а всё нюхал, лизал собачку и трогал её лапой.

Когда он понял, что она умерла, он вдруг вспрыгнул, ощетинился, стал хлестать себя хвостом по бокам, бросился на стену клетки и стал грызть засовы и пол.

Целый день он бился, метался по клетке и ревел, потом лёг подле мёртвой собачки и затих. Хозяин хотел унести мёртвую собачку, но лев никого не подпускал к ней.

Хозяин думал, что лев забудет своё горе, если ему дать другую собачку, и пустил к нему в клетку живую собаку; но лев тотчас разорвал её на куски. Потом он обнял своими лапами мёртвую собачку и так лежал пять дней.

На шестой день лев умер.

Иван Тургенев

ВОРОБЕЙ

Я возвращался с охоты и шёл по аллее сада. Собака бежала впереди меня.

Вдруг она уменьшила свои шаги и начала красться, как бы зачуяв перед собою дичь.

Я глянул вдоль аллеи — и увидел молодого воробья с желтизной около клюва и пухом на голове. Он упал из гнезда (ветер сильно качал берёзы аллеи) и сидел неподвижно, беспомощно растопырив едва прораставшие крылышки.

Моя собака медленно приближалась к нему, как вдруг, сорвавшись с близкого дерева, старый черногрудый воробей камнем упал перед самой её мордой — и, весь взъерошенный, искажённый, с отчаянным и жалким писком прыгнул раза два в направлении зубастой, раскрытой пасти.

Он кинулся спасать, он заслонил собою своё детище... но всё его маленькое тело трепетало от ужаса, голосок одичал и охрип, он замирал, он жертвовал собою!

Каким громадным чудовищем должна была ему казаться собака! И всё-таки он не мог усидеть на своей высокой, безопасной ветке... Сила, сильнее его воли, сбросила его оттуда.

Мой Трезор остановился, попятился... Видно, и он признал эту силу.

Я поспешил отозвать смущённого пса и удалился, благоговей.

Да, не смейтесь. Я благоговел перед той маленькой, героической птицей, перед любовным её порывом.

Любовь, думал я, сильнее смерти и страха смерти. Только ею, только любовью держится и движется жизнь.

Виктор Драгунский

КУРИНЫЙ БУЛЬОН

Мама принесла из магазина курицу, большую, синеватую, с длинными костлявыми ногами. На голове у курицы был большой красный гребешок. Мама повесила её за окно и сказала:

— Если папа придёт раньше, пусть сварит. Передашь?

Я сказал:

— С удовольствием!

И мама ушла в институт. А я достал акварельные краски и стал рисовать. Я хотел нарисовать белочку, как она прыгает в лесу по деревьям, и у меня сначала здорово выходило, но потом я посмотрел и увидел, что получилась вовсе не белочка, а какой-то дядька, похожий на Мойдодыра. Белкин хвост получился как его нос, а ветки на дереве как волосы, уши и шапка... Я очень удивился, как могло так получиться, и, когда пришёл папа, я сказал:

— Угадай, папа, что я нарисовал?

Он посмотрел и задумался:

— Пожар?

— Ты что, папа? Ты посмотри хорошенько!

Тогда папа посмотрел как следует и сказал:

— Ах, извини, это, наверное, футбол...

Я сказал:

— Ты какой-то невнимательный! Ты, наверно, устал?

А он:

— Да нет, просто есть хочется. Не знаешь, что на обед?

Я сказал:

— Вон, за окном курица висит. Свари и съешь!

Папа отцепил курицу от форточки и положил её на стол.

— Легко сказать, сварить! Сварить можно. Сварить — это ерунда. Вопрос, в каком виде нам её съесть? Из курицы можно приготовить не меньше сотни чудесных питательных блюд. Можно, например, сделать простые куриные

котлетки, а можно закатить министерский шницель — с виноградом! Я про это читал! Можно сделать такую котлету на косточке — называется «киевская» — пальчики оближешь. Можно сварить курицу с лапшой, а можно придавить её утюгом, облить чесноком, и получится, как в Грузии, «цыплёнок табака». Можно, наконец...

Но я его перебил. Я сказал:

— Ты, папа, свари что-нибудь простое, без утюгов. Что-нибудь, понимаешь, самое быстрое!

Папа сразу согласился:

— Верно, сынок! Нам что важно? Поешь побыстрее! Это ты ухватил самую суть. Что же можно сварить побыстрее? Ответ простой и ясный: бульон!

Папа даже руки потёр.

Я спросил:

— А ты бульон умеешь?

Но папа только засмеялся.

— А чего тут уметь? — У него даже заблестели глаза. — Бульон — это проще пареной репы: положи в воду и жди, когда сварится, вот и вся премудрость. Решено! Мы варим бульон, и очень скоро у нас будет обед из двух блюд: на первое — бульон с хлебом, на второе — курица варёная, горячая, дымящаяся. Ну-ка брось свою репинскую кисть и давай помогай!

Я сказал:

— А что я должен делать?

— Вот погляди! Видишь, на курице какие-то волоски. Ты их состриги, потому что я не люблю бульон лохматый. Ты состриги эти волоски, а я пока пойду на кухню и поставлю воду кипятить!

И он пошёл на кухню. А я взял мамины ножницы и стал подстригать на курице волоски по одному. Сначала я думал, что их будет немного, но потом пригляделся и увидел, что очень много, даже чересчур. И я стал их состригать, и старался быстро стричь, как в парикмахерской, и

пощёлкивал ножницами по воздуху, когда переходил от волоска к волоску.

Папа вошёл в комнату, поглядел на меня и сказал:
— С боков больше снимай, а то получится под бокс!

Я сказал:

— Не очень-то быстро выстригается...

Но тут папа вдруг как хлопнет себя по лбу:

— Господи! Ну и бестолковые же мы с тобой, Дениска! И как это я позабыл! Кончай стрижку! Её нужно опалить на огне! Понимаешь? Так все делают. Мы её на огне подпалим, и все волоски сгорят, и не надо будет ни стрижки, ни бритья. За мной!

И он схватил курицу и побежал с нею на кухню. А я за ним. Мы зажгли новую горелку, потому что на одной уже стояла кастрюля с водой, и стали обжигать курицу на огне. Она здорово горела и пахла на всю квартиру палёной шерстью. Папа поворачивал её с боку на бок и приговаривал:

— Сейчас, сейчас! Ох и хорошая курочка! Сейчас она у нас вся обгорит и станет чистенькая и беленькая...

Но курица, наоборот, становилась какая-то чёрненькая, вся какая-то обугленная, и папа наконец погасил газ.

Он сказал:

— По-моему, она как-то неожиданно прокоптилась. Ты любишь копчёную курицу?

Я сказал:

— Нет. Это она не прокоптилась, просто она вся в саже. Давай-ка, папа, я её вымою.

Он прямо обрадовался.

— Ты молодец! — сказал он. — Ты сообразительный. Это у тебя хорошая наследственность. Ты весь в меня. Ну-ка, дружок, возьми эту трубчистовую курицу и вымой её хорошенько под краном, а то я уже устал от этой возни.

И он уселся на табурет.

А я сказал:

— Сейчас, я её мигом!

И я подошёл к раковине и пустил воду, поставил под неё нашу курицу и стал тереть её правой рукой изо всех сил. Курица была очень горячая и жутко грязная, и я сразу запачкал свои руки до самых локтей. Папа покачивался на табурете.

— Вот, — сказал я, — что ты, папа, с ней наделал. Совершенно не отстирывается. Сажи очень много.

— Пустяки, — сказал папа, — сажа только сверху. Не может же она вся состоять из сажи? Подожди-ка!

И папа пошёл в ванную и принёс мне оттуда большой кусок земляничного мыла.

— На́, — сказал он, — мой как следует! Намыливай!

И я стал намыливать эту несчастную курицу. У неё стал какой-то совсем уже дохловатый вид. Я довольно здорово её намылил, но она очень плохо отмыливалась, с неё стекала грязь, стекала уже, наверно, с полчаса, но чище она не становилась.

Я сказал:

— Этот проклятый петух только размазывается от мыла.

Тогда папа сказал:

— Вот щётка! Возьми-ка, потри её хорошенько! Сначала спинку, а уж потом всё остальное.

Я стал тереть. Я тёр изо всех сил, в некоторых местах даже протирал кожу. Но мне всё равно было очень трудно, потому что курица вдруг словно оживела и начала вертеться у меня в руках, скользить и каждую секунду норовила выскочить. А папа всё не сходил со своей табуретки и всё командовал:

— Крепче три! Ловчее! Держи за крылья! Эх ты! Да ты, я вижу, совсем не умеешь мыть курицу.

Я тогда сказал:

— Пап, ты попробуй сам!

И я протянул ему курицу. Но он не успел её взять, как вдруг она выпрыгнула у меня из рук и ускакала под са-

мый дальний шкафчик. Но папа не растерялся. Он сказал:

— Подай швабру!

И когда я подал, папа стал шваброй выгребать её из-под шкафа. Он сначала оттуда выгреб старую мышеловку, потом моего прошлогоднего оловянного солдатика, и я ужасно обрадовался, ведь я думал, что совсем потерял его, а он тут как тут, мой дорогой.

Потом папа вытащил, наконец, курицу. Она была вся в пыли. А папа был весь красный. Но он ухватил её за лапку и поволок опять под кран. Он сказал:

— Ну, теперь держись. Синяя птица.

И он довольно чисто её прополоскал и положил в кастрюлю. В это время пришла мама. Она сказала:

— Что тут у вас за разгром?

А папа вздохнул и сказал:

— Курицу варим.

Мама сказала:

— Давно?

— Только сейчас окунули, — сказал папа.

Мама сняла с кастрюльки крышку.

— Солили? — спросила она.

— Потом, — сказал папа, — когда сварится.

Но мама понюхала кастрюльку.

— Потрошили? — сказала она.

— Потом, — сказал папа, — когда сварится.

Мама вздохнула и вынула курицу из кастрюльки. Она сказала:

— Дениска, принеси мне фартук, пожалуйста. Придётся всё за вас доделывать, горе-повара.

А я побежал в комнату, взял фартук и захватил со стола свою картинку. Я отдал маме фартук и спросил её:

— Ну-ка, что я нарисовал? Угадай, мама!

Мама посмотрела и сказала:

— Швейная машинка? Да?

Юрий Коваль

ШАПКА ДЯДИ ПАНТЕЛЕЯ

Дед, баба и Алёша

Заспорили дед да баба, на кого похож их внук.

Баба говорит:

— Алёша на меня похож. Такой же умный и хозяйственный.

Алёша говорит:

— Верно, верно, я весь в бабу.

Дед говорит:

— А по-моему, Алёша на меня похож. У него такие же глаза — красивые, чёрненькие. И наверно, у него такая же борода большая вырастет, когда Алёша и сам вырастет.

Алёше захотелось, чтоб у него выросла такая же борода, и он говорит:

— Верно, верно, я больше на деда похож.

Баба говорит:

— Какая борода большая вырастет, это ещё неизвестно. Но Алёша на меня куда сильнее похож. Он так же, как я, любит чай с мёдом, с пряниками, с вареньем и с ватрушками с творогом. А вот как раз самовар поспел. Сейчас посмотрим, на кого больше похож Алёша.

Алёша подумал немного и говорит:

— Пожалуй, я всё-таки сильно на бабу смахиваю.

Дед почесал в затылке и говорит:

— Чай с мёдом — это ещё не полное сходство. А вот Алёша точно так же, как я, любит лошадь запрягать, а потом на санках в лес кататься. Вот сейчас зложим санки да поедем в лес. Там, говорят, лоси объявились, сено из нашего стожка щиплют. Надо поглядеть.

Алёша подумал-подумал и говорит:

— Знаешь, деда, у меня так странно в жизни получается. Я полдня на бабу похож, а полдня — на тебя. Вот сейчас чаю попью и сразу на тебя похож буду.

И пока пил Алёша чай, он точно так же прикрывал глаза и отдувался, как бабушка, а уж когда мчались на санках в лес, точно так, как дед, кричал: «Но-ооо, милая! Давай! Давай!» — и щёлкал кнутом.

Бабочка

Рядом с нашим домом лежит старое, трухлявое бревно. После обеда вышел я посидеть на бревне, а на нём — бабочка.

Я остановился в стороне, а бабочка вдруг перелетела на край — дескать, присаживайся, на нас-то двоих места хватит.

Я осторожно присел с нею рядом.

Бабочка взмахнула крыльями и снова распластала их, прижимаясь к бревну, нагретому солнцем.

— Тут неплохо, — ответил ей я, — тепло.

Бабочка помахала одним крылом, потом другим, потом и двумя сразу.

— Вдвоём веселей, — согласился я.

Говорить было вроде больше не о чем.

Был тёплый осенний день. Я глядел на лес, в котором летали между сосен чужие бабочки, а моя глядела на небо своими огромными глазами, нарисованными на крыльях.

Так мы и сидели рядом до самого заката.

Русачок-травник

Мы были в саду, когда в рогатых васильках, что росли у забора, вдруг объявился заяц. Русачок. Увидевши нас, он напугался и спрятался в рогатых васильках. Да и мы все замерли и только глядели, как блестят из рогатых васильков заячьи глаза.

Этот русачок родился, как видно, совсем недавно. Таких зайцев и называют «травник» — родившийся в траве.

Русачок-Травник посидел в рогатых васильках и пошёл по саду. Шёл, шёл и дошёл до Николай Василича. А Николай-то наш Василич как раз в рогатых васильках лежал. Русачок-Травник подошёл поближе и стал глядеть на Николай Василича.

Николай Василич и виду не подал, что он Николай Василич. Он спокойно лежал, как может лежать в рогатых васильках поваленная берёза.

Русачок-Травник вспрыгнул на Николай Василича и, устроившись у него на спине, почистил лапой свои усы. Потом слез на землю и вдруг увидел пушистые малиновые цветы. Обнюхал каждый цветок, пролез через дырку в заборе и скрылся.

Тут уж Николай Василич зашевелился, потому что он был всё-таки не поваленная берёза, а живой человек. Но только, конечно, особый человек — по которому зайцы «пешком» ходят.

Шапка дяди Пантелея

Всю зиму прожили вороны в грачиных гнёздах.

А весной вернулись грачи. Тут-то и начался на старых берёзах крик да грай.

— Прочь! — кричали грачи.

— Это мы строили! — врали вороны.

В одном месте, над старым кладбищем, случился настоящий бой. Вороны и грачи сталкивались в воздухе — перья прочь!

— Правы грачи, — ворчал дядя Пантелей. — Вороны — воры. Вон как она, жизнь, устроена. Один — строил, другой — живёт. Я — за грачей! Они любят свои старые гнёзда. Вот я, например. Дай мне новую шапку — ни за что не возьму. Я к своей старой шапке привык. Так и грачи. Подавай им старое гнездо.

— Верно говоришь, Пантелеюшко, верно, — согласилась Орехьевна. — Только у тебя шапка и вправду на воронье гнездо похожа. Пора бы уж сменить.

— Ни за что! — кричал дядя Пантелей. — У меня новых шапок два сундука! Дети и внуки из города привозят. А на кой мне новая шапка? Да мне моя шапка дороже, чем гнездо грачу! Я в этой шапке сорок лет торчу! Я её на голове сорок лет верчу!

Полёт

— А ты видел когда-нибудь воздух? — спросил меня умный мальчик Юра.

Я подумал и сказал:

— Видел.

Юра засмеялся.

— Нет, — сказал он. — Ты не видел воздух. Ты видел небо. А воздуха нам видеть не дано.

А ведь, пожалуй, и вправду: мы видим воздух, только когда смотрим на бабочек, на парящих птиц, на пух одуванчика, летящий над дорогой. Бабочки показывают нам воздух.

Пух одуванчика — чистое воздухоплавание, всё остальное — полёт.

Самолёт в небе никак не даёт ощущения воздуха. Когда глядишь на него, только и думаешь, как бы не упал.

— А парашют? — спросил меня Юра.

— Мне даёт.

— И мне тоже. А бумажный самолёт?

— Конечно, даёт. А ещё лучше — голубь.

— Давай сделаем бабочку из бумаги. Капустницу или крапивницу?

— Давай махаона!

И мы сделали махаона. С огромными крыльями!

Ведь само слово «махаон» — с огромными крыльями.

И оно даёт ощущение воздуха.

Мы отпустили махаона с крыши и, затаив дыхание, долго смотрели, как летит он и показывает нам воздух, которого нам видеть не дано.

Алексей Пантелеев

БУКВА «ТЫ»

Как поросёнок говорить научился

Один раз я видел, как одна совсем маленькая девочка учила поросёнка говорить. Поросёнок ей попался очень умный и послушный, но почему-то говорить по-человечески он ни за что не хотел. И девочка как ни старалась — ничего у неё не выходило.

Она ему, я помню, говорит:

— Поросёночек, скажи: «мама»!

А он ей в ответ:

— Хрю-хрю!

Она ему:

— Поросёночек, скажи: «папа»!

А он ей:

— Хрю-хрю!

Она:

— Скажи: «дерево»!

А он:

— Хрю-хрю!

— Скажи: «цветочек»!

А он:

— Хрю-хрю!

— Скажи: «здравствуйте!»

А он:

— Хрю-хрю!

— Скажи: «до свиданья!»

А он:

— Хрю-хрю!

Я смотрел-смотрел, слушал-слушал, мне стало жалко и поросёнка, и девочку. Я говорю:

— Знаешь что, голубушка, ты бы ему всё-таки что-нибудь попроще велела сказать. А то ведь он ещё маленький, ему трудно такие слова произносить.

Она говорит:

— А что же попроще? Какое слово?

— Ну, попроси его, например, сказать: «хрю-хрю».

Девочка немножко подумала и говорит:

— Поросёночек, скажи, пожалуйста: «хрю-хрю»!

Поросёнок на неё посмотрел и говорит:

— Хрю-хрю!

Девочка удивилась, обрадовалась, в ладоши захопала.

— Ну вот, — говорит, — наконец-то! Научился!

Буква «ты»

Учил я когда-то одну маленькую девочку читать и писать. Девочку звали Иринушка, было ей четыре года пять месяцев, и была она большая умница. За каких-нибудь десять дней мы одолели с ней всю русскую азбуку, могли уже свободно читать и «папа», и «мама», и «Саша», и «Маша», и оставалась у нас невыученной одна только самая последняя буква — «я».

И тут вот, на этой последней буковке, мы вдруг с Иринушкой и споткнулись.

Я, как всегда, показал ей букву, дал как следует её рассмотреть и сказал:

— А это вот, Иринушка, буква «я».

Иринушка с удивлением на меня посмотрела и говорит:

— Ты?

— Почему «ты»? Что за «ты»? Я же сказал тебе: это буква «я».

— Буква «ты»?

— Да не ты, а «я».

Она ещё больше удивилась и говорит:

— Я и говорю: ты.

— Да не я, а буква «я»!

— Не ты, а буква «ты»?

— Ох, Иринушка, Иринушка. Наверно, мы, голубушка, с тобой немного переучились. Неужели ты в самом деле не понимаешь, что это буква так называется: «я»?

— Нет, — говорит, — почему не понимаю? Я понимаю.

— Что ты понимаешь?

— Это не ты, а это буква так называется: «ты».

Фу! Ну в самом деле, ну что ты с ней поделаешь? Как же, скажите на милость, ей объяснить, что я — это не я, ты — не ты, она — не она и что вообще «я» — это только буква?

— Ну, вот что, — сказал я наконец, — ну, давай скажи как будто про себя: я. Понимаешь? Про себя. Как ты про себя говоришь.

Она поняла как будто. Кивнула. Потом спрашивает:

— Говорить?

— Ну-ну... конечно.

Вижу — молчит. Опустила голову. Губами шевелит.

Я говорю:

— Ну, что же ты?

— Я сказала.

— А я не слышал, что ты сказала.

— Ты же мне велел про себя говорить. Вот я потихоньку и говорю.

— Что же ты говоришь?

Она оглянулась и шёпотом — на ухо мне:

— Ты!

Я не выдержал, вскочил, схватился за голову и забегал по комнате.

Внутри у меня уже всё кипело, как вода в чайнике. А бедная Иринушка сидела, склонившись над букварём, искоса посматривала на меня и жалобно сопела. Ей, наверное, было стыдно, что она такая бестолковая.

Но и мне тоже было стыдно, что я, большой человек, не могу научить маленького человека правильно читать такую простую букву, как буква «я».

Наконец я придумал всё-таки. Я быстро подошёл к девочке, ткнул её пальцем в нос и спрашиваю:

— Это кто?

Она говорит:

— Это я.

— Ну вот... Понимаешь? А это буква «я».

Она говорит:

— Понимаю...

А у самой уж, вижу, и губы дрожат и носик сморщился — вот-вот заплачет.

— Что же ты, — я спрашиваю, — понимаешь?

— Понимаю, — говорит, — что это я.

— Правильно. Молодец. А это вот буква «я». Ясно?

— Ясно, — говорит. — Это буква «ты».

— Да не ты, а «я»!

— Не я, а ты.

— Не я, а буква «я»!

— Не ты, а буква «ты»!

— Не буква «ты», господи боже мой, а буква «я»!

— Не буква «я», господи боже мой, а буква «ты».

Я опять вскочил и опять забегал по комнате.

— Нет такой буквы! — закричал я. — Пойми ты, бестолковая девчонка! Нет и не может быть такой буквы! Есть буква «я». Понимаешь? Я! Буква «я»! Изволь повторять за мной: я! я! я!..

— Ты, ты, ты, — пролепетала она, едва разжимая губы. Потом уронила голову на стол и заплакала. Да так громко и так жалобно, что весь мой гнев сразу остыл. Мне стало жалко её.

— Хорошо, — сказал я. — Как видно, мы с тобой и в самом деле немного заработались. Возьми свои книги и тетрадки и можешь идти гулять. На сегодня хватит.

Она кое-как запихала в сумочку своё барахлишко и, ни слова мне не сказав, спотыкаясь и всхлипывая, вышла из комнаты.

А я, оставшись один, задумался: что же делать? Как же мы в конце концов перешагнём через эту проклятую букву «я»?

«Ладно, — решил я. — Забудем о ней. Ну её. Начнём следующий урок прямо с чтения. Может быть, так лучше будет».

И на другой день, когда Иринушка, весёлая и раскрасневшаяся после игры, пришла на урок, я не стал ей напоминать о вчерашнем, а просто посадил её за букварь, открыл первую попавшуюся страницу и сказал:

— А ну, сударыня, давайте-ка, почитайте мне что-нибудь...

Она, как всегда перед чтением, поёрзала на стуле, вздохнула, уткнулась и пальцем, и носиком в страницу и, пошевелив губами, бегло, не переводя дыхания, прочла:

— Тыкову дали тыблоко.

От удивления я даже на стуле подскочил:

— Что такое?! Какому Тыкову? Какое тыблоко? Что ещё за тыблоко?

Посмотрел в букварь, а там чёрным по белому написано:
«Якову дали яблоко».

Вам смешно? Я тоже, конечно, посмеялся. А потом говорю:

— Яблоко, Иринушка! Яблоко, а не тыблоко!

Она удивилась и говорит:

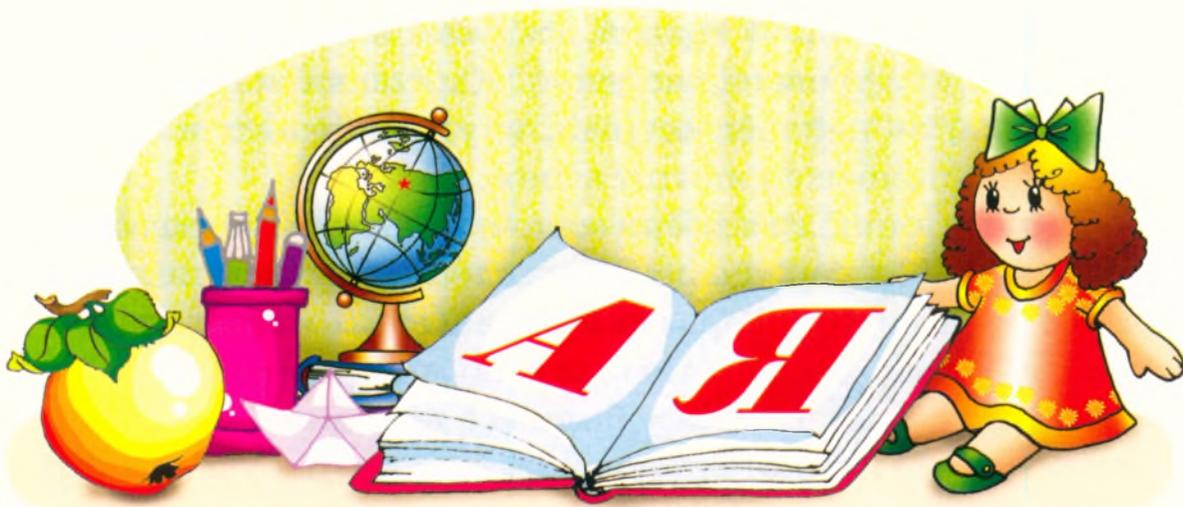
— Яблоко? Так, значит, это буква «я»?

Я уже хотел сказать: «Ну, конечно, «я». А потом спохватился и думаю: «Нет, голубушка! Знаем мы вас. Если скажу «я» — значит, опять пошло-поехало? Нет, уж сейчас мы на эту удочку не попадёмся».

Я и сказал:

— Да, правильно. Это буква «ты».

Конечно, не очень-то хорошо говорить неправду. Даже очень нехорошо говорить неправду. Но что же поделаешь! Если бы я сказал «я», а не «ты», кто знает, чем бы всё это кончилось. И, может быть, бедная Иринушка так всю жизнь и говорила бы: вместо «яблоко» — тыблоко, вместо «ярмарка» — тырмарка, вместо «якорь» — тыкорь и вместо «язык» — тызык. А Иринушка, слава богу, выросла уже большая, выговаривает все буквы правильно, как полагается, и пишет мне письма без одной ошибки.

Константин Паустовский

БАРСУЧИЙ НОС

Озеро около берегов было засыпано ворохами жёлтых листьев. Их было так много, что мы не могли ловить рыбу. Лески ложились на листья и не тонули.

Приходилось выезжать на старом челне на середину озера, где доцветали кувшинки и голубая вода казалась чёрной, как дёготь. Там мы ловили разноцветных окуней, вытаскивали оловянную плотву и ершей с глазами, похожими на две маленькие луны. Щуки ляскали на нас мелкими, как иглы, зубами.

Стояла осень в солнце и туманах. Сквозь облетевшие леса были видны далёкие облака и синий густой воздух.

По ночам в зарослях вокруг нас шевелились и дрожали низкие звёзды.

У нас на стоянке горел костёр. Мы жгли его весь день и ночь напролёт, чтобы отгонять волков, — они тихо выли по дальним берегам озера. Их беспокоили дым костра и весёлые человеческие крики.

Мы были уверены, что огонь пугает зверей, но однажды вечером в траве, у костра, начал сердито сопеть какой-то зверь. Его не было видно. Он озабоченно бегал вокруг нас, шумел высокой травой, фыркал и сердился, но не высовывал из травы даже ушей. Картошка жарилась на сковороде, от неё шёл острый, вкусный запах, и зверь, очевидно, прибежал на этот запах.

С нами пришёл на озеро мальчик. Ему было всего девять лет, но он хорошо переносил ночёвки в лесу и холод осенних рассветов. Гораздо лучше нас, взрослых, он всё замечал и рассказывал. Он был выдумщик, этот мальчик, но мы, взрослые, очень любили его выдумки. Мы никак не могли, да и не хотели доказывать ему, что он говорит неправду. Каждый день он придумывал что-нибудь новое:

то он слышал, как шептались рыбы, то видел, как муравьи устроили себе паром через ручей из сосновой коры и паутины и переправлялись при свете ночной, небывалой радуги. Мы делали вид, что верили ему.

Всё, что окружало нас, казалось необыкновенным: и поздняя луна, блиставшая над чёрными озёрами, и высокие облака, похожие на горы розового снега, и даже привычный морской шум высоких сосен.

Мальчик первый услышал фыркание зверя и зашипел на нас, чтобы мы замолчали. Мы притихли. Мы старались даже не дышать, хотя рука невольно тянулась к двустволке, — кто знает, что это мог быть за зверь!

Через полчаса зверь высунул из травы мокрый чёрный нос, похожий на свиной пяточок. Нос долго нюхал воздух и дрожал от жадности. Потом из травы показалась острая морда с чёрными пронзительными глазками. Наконец показалась полосатая шкурка. Из зарослей вылез маленький барсук. Он поджал лапу и внимательно посмотрел на меня. Потом он брезгливо фыркнул и сделал шаг к картошке.

Она жарилась и шипела, разбрызгивая кипящее сало. Мне хотелось крикнуть зверьку, что он обожжётся, но я опоздал: барсук прыгнул к сковородке и сунул в неё нос...

Запахло палёной кожей. Барсук взвизгнул и с отчаянным воплем бросился обратно в траву. Он бежал и голосил на весь лес, ломал кусты и плевался от негодования и боли.

На озере и в лесу началось смятение: без времени заорали испуганные лягушки, всполошились птицы,

и у самого берега, как пушечный выстрел, ударила пудовая щука.

Утром мальчик разбудил меня и рассказал, что он сам только что видел, как барсук лечит свой обожжённый нос.

Я не поверил. Я сел у костра и спросонок слушал утренние голоса птиц. Вдали посвистывали белохвостые кулики, крякали утки, курлыкали журавли на сухих болотах — мшарах, тихо ворковали горлинки. Мне не хотелось двигаться.

Мальчик тянул меня за руку. Он обиделся. Он хотел доказать мне, что не соврал. Он звал меня пойти посмотреть, как лечится барсук. Я нехотя согласился. Мы осторожно пробрались в чащу, и среди зарослей вереска я увидел гнилой сосновый пень. От него тянуло грибами и йодом.

Около пня, спиной к нам, стоял барсук. Он расковырял пень и засунул в середину пня, в мокрую и холодную труху, обожжённый нос. Он стоял неподвижно и охлаждал свой несчастный нос, а вокруг бегал и фыркал другой маленький барсучок. Он волновался и толкал нашего барсука носом в живот. Наш барсук рычал на него и лягался задними пушистыми лапами.

Потом он сел и заплакал. Он смотрел на нас круглыми и мокрыми глазами, стонал и облизывал своим шершавым языком больной нос. Он как будто просил о помощи, но мы ничем не могли ему помочь.

С тех пор озеро — оно называлось раньше Безымянным — мы прозвали Озером Глупого Барсука.

А через год я встретил на берегах этого озера барсука со шрамом на носу. Он сидел у воды и старался поймать лапой гремящих, как жесть, стрекоз. Я помахал ему рукой, но он сердито чихнул в мою сторону и спрятался в зарослях брусники.

С тех пор я его больше не видел.

Михаил Пришвин

ДО СВИДАНЬЯ, УТЯТА!

Лисичкин хлеб

Однажды я проходил в лесу целый день и под вечер вернулся домой с богатой добычей. Снял с плеч тяжёлую сумку и стал своё добро выкладывать на стол.

— Это что за птица? — спросила Зиночка.

— Терентий, — ответил я.

И рассказал ей про тетерева: как он живёт в лесу, как бормочет весной, как берёзовые почки клюёт, ягодки осенью в болотах собирает, зимой греется от ветра под снегом. Рассказал ей тоже про рябчика, показал ей, что серенький, с хохолком, и посвистел в дудочку по-рябчиному и ей дал посвистеть. ещё я высыпал на стол много белых грибов, и красных, и чёрных. Ещё у меня была в кармане кровавая ягода костяника, и голубая черника, и красная брусника. Ещё я принёс с собой ароматный комочек сосновой смолы, дал понюхать девочке и сказал, что этой смолкой деревья лечатся.

— Кто же их там лечит? — спросила Зиночка.

— Сами лечатся, — ответил я. — Придёт, бывает, охотник, захочется ему отдохнуть, он и воткнет топор в дерево и на топор сумку повесит, а сам ляжет под деревом. Поспит, отдохнёт. Вынет из дерева топор, сумку наденет, уйдёт. А из ранки от топора из дерева побежит эта ароматная смола и ранку эту затянет.

Тоже, нарочно для Зиначки, принёс я разных чудесных трав по листику, по корешку, по цветочку: кукушкины слёзки, валерьянка, петров крест, заячья капуста.

И как раз под заячьей капустой лежал у меня кусок чёрного хлеба: со мной это постоянно бывает, что когда не возьму хлеба в лес — голодно, а возьму — забуду съесть и назад принесу.

А Зиначка, когда увидела у меня под заячьей капустой чёрный хлеб, так и обомлела:
— Откуда же это в лесу взялся хлеб?

— Хороший лисичкин хлеб!

И съела весь мой чёрный хлеб дочиста. Так и пошло у нас: Зиначка, копуля такая, часто и белый-то хлеб не берёт, а как я из леса лисичкин хлеб принесу, съест всегда его весь и похвалит:

— Лисичкин хлеб куда лучше нашего!

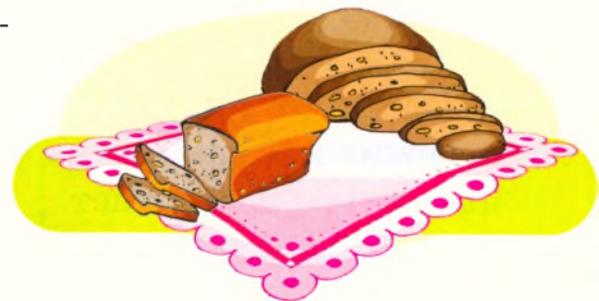

— Что же тут удивительного? Ведь есть же там капуста!

— Заячья...

— А хлеб — лисичкин. Отведай.

Осторожно попробовала и начала есть:

Лесной доктор

Мы бродили весной в лесу и наблюдали жизнь дупляных птиц: дятлов, сов. Вдруг в той стороне, где у нас раньше было намечено интересное дерево, мы услышали звук пилы. То была, как нам говорили, заготовка дров из сухостойного леса для стеклянного завода. Мы побоялись за наше дерево, поспешили на звук пилы, но было уже поздно: наша осина лежала, и вокруг её пня было множество пустых еловых шишек. Это всё дятел отшелушил за долгую зиму, собирал, носил на эту осинку, закладывая между двумя суками своей мастерской и долбил. Около пня, на срезанной нашей осине, два паренька отдыхали. Эти два паренька только и занимались тем, что пилили лес.

— Эх вы, проказники! — сказали мы и указали им на срезанную осину. — Вам велено резать сухостойные деревья, а вы что сделали?

— Дятел дырки наделал, — ответили ребята. — Мы поглядели и, конечно, спилили. Всё равно пропадёт.

Стали все вместе осматривать дерево. Оно было совсем свежее, и только на небольшом пространстве, не более метра в длину, внутри ствола прошёл червяк. Дятел, очевидно, выслушал осину, как доктор: выстукал её своим клювом, понял пустоту, оставляемую червём, и приступил к операции извлечения червя. И второй раз, и третий, и четвёртый... Нетолстый ствол осины походил на свирель с клапанами. Семь дырок сделал «хирург» и только на восьмой захватил червяка, вытащил и спас осину. Мы вырезали этот кусок, как замечательный экспонат для музея.

— Видите, — сказали мы ребятам, — дятел — это лесной доктор, он спас осину, и она бы жила и жила, а вы её срезали.

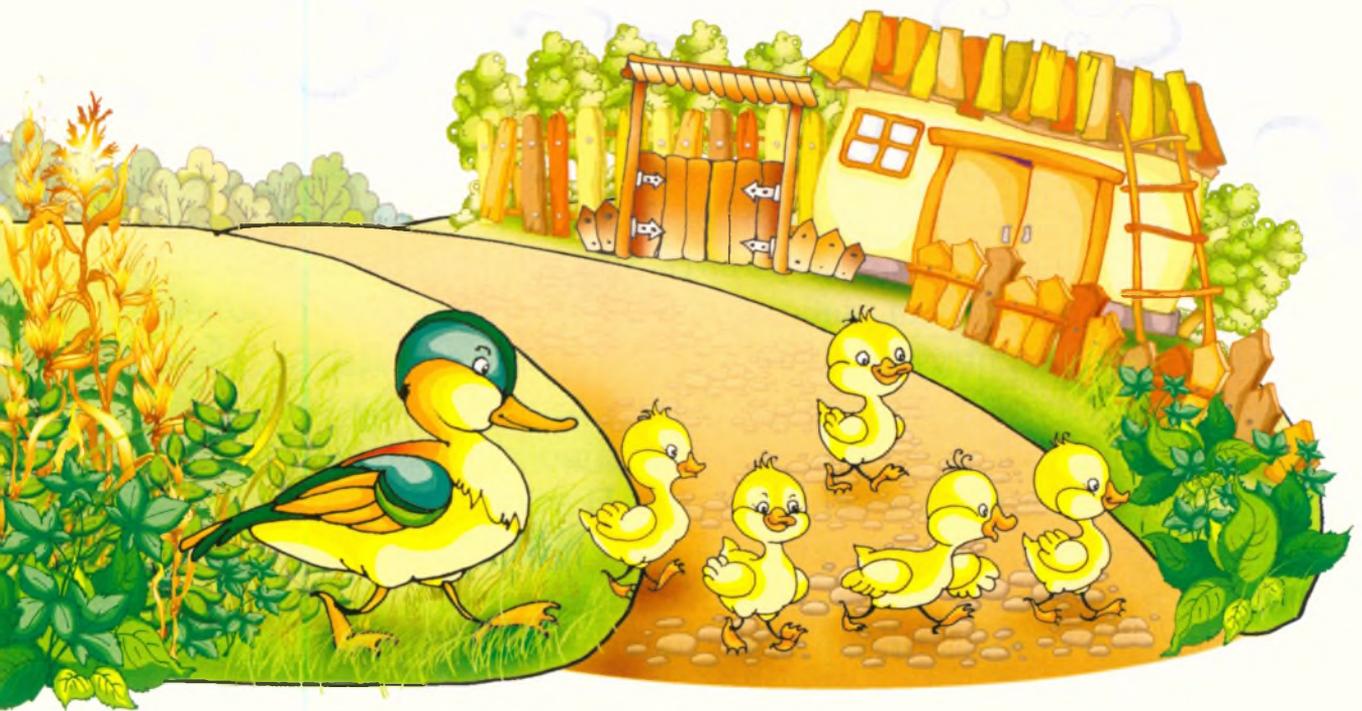
Пареньки подивились.

Ребята и утята

Маленькая дикая уточка чирок-свистунок решилась наконец-то перевести своих утят из леса, в обход деревни, в озеро на свободу. Весной это озеро далеко разливалось и прочное место для гнезда можно было найти только версты за три, на кочке, в болотистом лесу. А когда вода спала, пришлось все три версты путешествовать к озеру.

В местах, открытых для глаз человека, лисицы и ястреба, мать шла позади, чтобы не выпускать утят ни на минуту из виду. И около кузницы, при переходе через дорогу, она, конечно, пустила их вперёд. Вот тут их уви-

дели ребята и зашвыряли шапками. Всё время, пока они ловили утят, мать бегала за ними с раскрытым клювом или перелётывала в разные стороны на несколько шагов

в величайшем волнении. Ребята только было собрались закидать шапками мать и поймать её, как утят, но тут я подошёл.

— Что вы будете делать с утятами? — строго спросил я ребят.

Они трусили и ответили:

— Пустим.

— Вот то-то «пустим»! — сказал я очень сердито. — Зачем вам надо было их ловить? Где теперь мать?

— А вон сидит! — хором ответили ребята.

И указали мне на близкий холмик парового поля, где уточка действительно сидела с раскрытым от волнения ртом.

— Живо, — приказал я ребятам, — идите и возвратите ей всех утят!

Они как будто даже и обрадовались моему приказанию и побежали с утятами на холм. Мать отлетела немного и, когда ребята ушли, бросилась спасать своих сыновей и дочерей. По-своему она им что-то быстро сказала и побежала к овсяному полю. За ней побежали утята — пять штук. И так по овсяному полю, в обход деревни, семья продолжала своё путешествие к озеру.

Радостно снял я шапку и, помахав ею, крикнул:

— Счастливый путь, утята!

Ребята надо мной засмеялись.

— Что вы смеётесь, глупыши? — сказал я ребятам. — Думаете, так-то легко попасть утятам в озеро? Снимайте живо все шапки, кричите «до свиданья»!

И те же самые шапки, запыленные на дороге при ловле утят, поднялись в воздух; все разом закричали ребята:

— До свиданья, утята!

Ёж

Раз шёл я по берегу нашего ручья и под кустом заметил ежа. Он тоже заметил меня, свернулся и затукал: тук-тук-тук. Очень похоже было, как если бы вдали шёл автомобиль. Я прикоснулся к нему кончиком сапога — он страшно фыркнул и поддал своими иголками в сапог.

— А, ты так со мной! — сказал я и кончиком сапога спихнул его в ручей.

Мгновенно ёж развернулся в воде и поплыл к берегу, как маленькая свинья, только вместо щетины на спине были иголки. Я взял палочку, скатил ежа в свою шляпу и понёс домой.

Мышей у меня было много. Я слышал — ёжик их ловит, и решил: пусть он живёт у меня и ловит мышей.

Так положил я этот колючий комок посреди пола и сел писать, а сам уголком глаза всё смотрю на ежа. Недолго он лежал неподвижно: как только я затих у стола, ёжик развернулся, огляделся, туда попробовал идти, сюда, выбрал себе наконец место под кроватью и там совершенно затих.

Когда стемнело, я зажёл лампу, и — здравствуйте! — ёжик выбежал из-под кровати. Он, конечно, подумал на лампу, что это луна взошла в лесу: при луне ежи любят бегать по лесным полянкам. И так он пустился бегать по комнате, представляя, что это лесная полянка.

Я взял трубку, закурил и пустил возле луны облачко. Стало совсем как в лесу: и луна и облако, а ноги мои были

как стволы деревьев и, наверное, очень нравились ёжику: он так и шнырял между ними, понюхивая и почёсывая иголками задники у моих сапог.

Прочитав газету, я уронил её на пол, перешёл на кровать и уснул.

Сплю я всегда очень чутко. Слышу — какой-то шелест у меня в комнате. Чиркнул спичкой, зажёл свечу и только заметил, как ёж мелькнул под кровать. А газета лежала уже не возле стола, а посередине комнаты. Так я и оставил гореть свечу и сам не сплю, раздумывая: «Зачем это ёжику газета понадобилась?» Скоро мой жилец выбежал из-под кровати — и прямо к газете; завертелся возле неё, шумел, шумел и наконец ухитрился: надел себе как-то на колючки уголок газеты и потащил её, огромную, в угол.

Тут я и понял его: газета ему была, как в лесу сухая листва, он тащил её себе для гнезда. И оказалось, правда: в скором времени ёж весь обернулся газетой и сделал себе из неё настоящее гнездо. Кончив это важное дело, он вышел из своего жилища и остановился против кровати, разглядывая свечу — луну.

Я подпустил облака и спрашиваю:

— Что тебе ещё надо?

Ёжик не испугался.

— Пить хочешь?

Я встал. Ёжик не бежит.

Взял я тарелку, поставил на пол, принёс ведро с водой и то налью воды в тарелку, то опять волью в ведро, и так шумлю, будто это ручеек поплёскивает.

— Ну иди, иди... — говорю.

— Видишь, я для тебя и луну устроил, и облака пустил, и вот тебе вода...

Смотрю: будто двинулся вперёд. А я тоже немного подвинул к нему своё озеро. Он двинется — и я двину, да так и сошлись.

— Пей, — говорю окончательно.

Он и залакал. А я так легонько по колючкам рукой провёл, будто погладил, и всё приговариваю:

— Хороший ты малый, хороший!

Напился ёж, я говорю:

— Давай спать.

Лёг и задул свечу. Вот не знаю, сколько я спал, слышу: опять у меня в комнате работа.

Зажигаю свечу — и что же вы думаете? Ёжик бежит по комнате, и на колючках у него яблоко. Прибежал в гнездо, сложил его там и за другим бежит в угол, а в углу стоял мешок с яблоками и завалился. Вот ёж подбежал, свернулся около яблок, дёрнулся и опять бежит — на колючках другое яблоко тащит в гнездо.

Так вот и устроился у меня жить ёжик. А сейчас я, как чай пить, непременно его к себе на стол и то молока ему налью в блюдечко — выпьет, то булочки дам — съест.

Александр Раскин

КАК ПАПА БЫЛ МАЛЕНЬКИМ

От автора

Дорогие ребята!

Я хочу рассказать вам, как родилась эта книжка. Вот её история. У меня есть дочка Саша. Теперь она уже большая девочка. Она сама теперь часто говорит: «Когда я была маленькая...» Так вот, когда Саша была совсем маленькой, она много болела. То у неё был грипп, то ангина. А потом болели уши. Если у вас когда-нибудь было воспаление среднего уха, то вам не надо объяснять, как это больно. А если не было, то тоже не надо объяснять: вы этого никогда не поймёте.

Однажды у Саши так болело ухо, что она плакала целые сутки и почти не могла спать. Мне было так жалко её, что я сам чуть не плакал. И я читал ей разные книги или рассказывал смешные истории. И вот я рассказал ей о том, как я был маленьким и бросил свой новый мяч под машину. Саше очень понравилась эта история. Ей понравилось,

что папа тоже был маленьким, тоже шалил и не слушался и его тоже наказывали. Она запомнила это. И теперь, как только у неё начинало стрелять в ухе, она сразу же кричала: «Папа, папа, у меня болит ухо! Скорей расскажи, как ты был маленьким!» И я рассказывал ей всё, что вы сейчас прочтёте. Я выбирал истории посмешнее: ведь нужно было развеселить больную девочку. И ещё я старался, чтобы моя дочка поняла, как нехорошо быть жадным, хвастунишкой, зазнайкой. Но это вовсе не значит, что я сам всю жизнь был таким. Просто я старался вспоминать только такие случаи. А когда мне их не хватало, я брал их у других знакомых пап. Ведь каждый из них тоже был когда-то маленьким. Так что все эти истории не выдуманы мной, а были на самом деле.

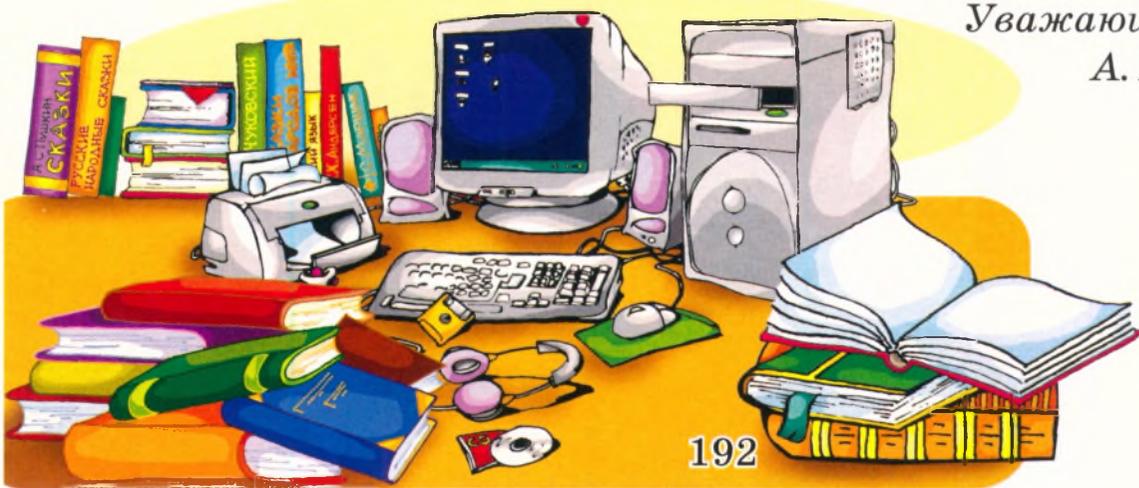
Теперь Саша выросла. Она болеет меньше и сама читает большие, толстые книги.

Но я решил, что, может быть, другим ребятам тоже интересно узнать про то, как один папа был маленьким.

Вот и всё, ребята, что я хотел сказать вам. Нет, ещё одну вещь я скажу вам по секрету. У этой книги есть продолжение. Оно будет для каждого из вас своё. Ведь каждый папа может рассказать, как он был маленьким. И мама тоже. Я бы сам хотел их послушать.

Ну вот, теперь всё. До свидания, ребята! Желаю вам счастья и здоровья.

*Уважающий вас
А. Раскин*

Как папа укрощал собачку

Когда папа был ещё маленьким, его повели в цирк. Это было очень интересно. Особенно ему понравился укротитель диких зверей. Он очень красиво одевался, очень красиво назывался, и его боялись все львы и тигры. У него был хлыст и пистолеты, но он ими почти не пользовался.

«Звери боятся моих глаз! — заявлял он с арены. — Мой взгляд — вот моё самое сильное оружие! Дикий зверь не выносит человеческого взгляда!»

И правда, стоило ему посмотреть на льва, и тот садился на тумбу, прыгал на бочку и даже притворялся мёртвым, не вынося его взгляда.

Оркестр играл туш, зрители хлопали в ладоши, все смотрели на укротителя, а он прижимал руку к сердцу и кланялся во все стороны. Это было великолепно! И папа решил, что он тоже станет укротителем. Для начала он задумал укротить своим взглядом какого-нибудь не очень дикого зверя. Ведь папа был ещё маленький. Он понимал, что такие крупные звери, как лев и тигр, ему ещё не по зубам. Начинать надо с собаки, и, конечно, не очень большой, потому что большая собака — это уже почти маленький лев. А вот собака поменьше как раз пригодилась бы.

И такой случай вскоре представился.

В маленьком городе Павлово-Посаде был маленький городской сад. Теперь там большой парк культуры и отдыха, но ведь это было очень давно. В этот сад бабушка пошла гулять с маленьким папой. Папа играл, бабушка читала книжку, а неподалёку сидела нарядная дама с собачкой. Дама тоже читала книгу. А собачка была малень-

кая, беленькая, с большими чёрными глазами. Этими большими чёрными глазами она смотрела на маленького папу так, как будто говорила ему: «Я очень хочу укрощаться! Пожалуйста, мальчик, укроти меня. Я совершенно не выношу человеческого взгляда!»

И маленький папа пошёл через весь сад укрощать эту собачку. Бабушка читала книгу, и собачкина хозяйка читала книгу, и они ничего не видели. Собачка лежала под скамейкой и загадочно смотрела на папу своими большими чёрными глазами. Папа шёл очень медленно (ведь он был ещё совсем маленьким) и думал: «Ох, кажется, она выносит мой взгляд... Может быть, всё-таки лучше было начать со льва? Кажется она раздумала укрощаться».

Был очень жаркий день, и на папе были только сандалии и штанишки. Папа шёл, а собачка всё лежала и молчала. Но когда папа подошёл совсем близко, она вдруг подпрыгнула и укусила его в живот. Тогда в городском саду стало очень шумно. Закричал папа. Закричала бабушка. Закричала собачкина хозяйка. И громко залаяла собачка. Папа кричал:

— Ой, она меня укусила!

Бабушка кричала:

— Ах, она его укусила!

Собачкина хозяйка кричала:

— Он её дразнил, она совсем не кусается!

Что кричала собачка, вы сами понимаете.

Прибежали разные люди и кричали:

— Безобразие!

Тогда пришёл сторож и спросил:

— Мальчик, ты её дразнил?

— Нет, — сказал папа, — я её укрощал.

Тогда все засмеялись, и сторож спросил:

— А как ты это делал?

— Я шёл к ней и смотрел на неё, — сказал папа. — Теперь я вижу, что она не выносит человеческого взгляда.

Опять все засмеялись.

— Вот видите, — сказала дама, — мальчик сам виноват. Никто не просил его укрощать мою собачку. А вас, — сказала она бабушке, — надо штрафовать, чтобы вы смотрели за своими детьми.

Бабушка так удивилась, что ничего не сказала. Она только ахнула. Тогда сторож сказал:

— Вот висит объявление: «Собак не водить!» Если бы висело объявление: «Детей не водить!», я оштрафовал бы гражданку с ребёнком. А теперь я оштрафую вас. И прошу вас удалиться с вашей собачкой. Ребёнок играет, а собачка кусается. Играть тут можно, а кусаться нельзя! Но играть тоже надо с умом. Ведь собачка не знает, зачем ты к ней шёл. Может, ты сам хотел её укусить? Ей ведь это не известно. Понял?

— Понял, — ответил папа. Ему уже совсем не хотелось быть укротителем. А после прививок, которые ему сделали на всякий случай, он совершенно разочаровался в этой профессии.

Насчёт невыносимого человеческого взгляда у него тоже было теперь своё особое мнение. И когда он потом познакомился с мальчиком, который пытался как-то выщипывать ресницы у злой собаки, то папа и этот мальчик очень хорошо поняли друг друга.

А то, что этого мальчика не укусили в живот, не имело никакого значения, потому что его укусили сразу в обе щёки. И это, как говорится, сразу бросалось в глаза. А прививки ему всё равно делали в живот.

Как папа сочинял стихи

Когда папа был ещё маленьким, он очень много читал. Он научился читать в четыре года и больше ничем не хотел заниматься. Пока другие дети прыгали, бегали, играли в разные интересные игры, маленький папа всё читал и читал. Наконец это обеспокоило дедушку и бабушку. Они решили, что всё время читать вредно. Они перестали дарить ему книги и позволили ему читать только три часа в день. Но это не помогло. Маленький папа всё равно читал с утра до вечера. Свои законные три часа он читал, сидя на виду. Потом он скрывался. Он прятался под кровать и читал под кроватью. Он прятался на чердак и читал на чердаке. Он уходил на сеновал и читал на сеновале. Здесь было особенно приятно. Пахло свежим сеном. Из дома доносились крики: там искали маленького папу под всеми кроватями. Папа появлялся только к ужину. Его наказывали. Он быстро ел и ложился спать. Ночью он просыпался и зажигал свет. Он читал до утра всё подряд. «Крокодила» Чуковского. Сказки Пушкина. «Тысячу и одну ночь». «Гулливера». «Робинзона». На свете было так много чудесных книг! Он хотел прочесть их все до одной. Быстро шли часы. Входила бабушка, отнимала книгу и гасила свет. Немного погодя маленький папа опять зажигал свет и доставал другую книгу, такую же интересную. Входил дедушка, отнимал книгу, гасил свет и в темноте долго шлёпал маленького папу.

Было не очень больно, но обидно.

Кончилось всё это очень плохо. В первых, маленький папа испортил себе

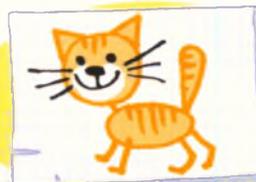

глаза: ведь под кроватью, на чердаке и на сеновале было темновато. Кроме того, последнее время он ухитрился читать, накрывшись одеялом с головой и оставляя только маленькое окошечко для света. А читать лёжа и в темноте очень вредно. И маленькому папе пришлось носить очки.

Кроме того, маленький папа сочинял стихи.

Он увидел кота и сказал:

Вот
Кот!

Он увидел собаку и сказал:

Тузик,
Где твой картузик?

Он увидел петуха и сказал:

Петушок, петушок,
Почём зубной порошок?

Он увидел своего папу и сказал:

Отец!
Дай леденец!

Бабушке и дедушке стихи очень понравились. Они их записали. Они читали их гостям. Они давали их списывать. Теперь, когда приходили гости, маленького папу просили: «Почитай свои стихи!»

И маленький папа с удовольствием читал новый стих про кота, который кончался так:

Васька кот не оробел
И в окно ускококекел!

Гости очень смеялись. Они понимали, что это совсем плохие стихи. Так может сочинить всякий. Но маленький

папа думал, что стихи очень хорошие. Он думал, что гости смеются от удовольствия. Он решил, что он уже писатель. Он читал стихи на всех именинах. Он читал перед пирогом и после пирога. Когда тётя Лиза выходила замуж, он тоже читал стихи. И тут получилось не очень хорошо, потому что стихи начинались так:

Выходит замуж тетя Лиза!

Кто мог такого ждать сюрприза?

После этих слов все гости долго смеялись, а тётя Лиза заплакала и ушла к себе в комнату. Жених тоже не смеялся, хотя и не плакал. Правда, папу не наказали. Но он совсем не хотел обижать тётю Лизу. И вообще он заметил, что некоторым знакомым его стихи перестали нравиться. И раз он даже подслушал, как один гость говорил другому: «Опять этот вундеркинд будет выступать со своей чепухой!»

Тогда папа пошёл к бабушке и спросил:

— А что такое вундеркинд?

— Это необыкновенный ребёнок, — сказала бабушка.

— А что он делает?

— Ну, он играет на скрипке, или считает в уме, или не пристаёт к маме с вопросами.

— А когда он вырастает?

— Тогда он чаще всего делается обыкновенным человеком.

— Спасибо, — сказал папа, — я понимаю.

И на следующих именинах папа уже не читал стихов. Он сказал, что у него болит голова. И с тех пор он очень долго не писал стихов. И даже теперь, когда его просят прочесть свои стихи на именинах, у него сразу начинает болеть голова.

Как папа опаздывал

Когда папа был маленьким, он ходил в школу, как все дети. Но все дети приходили к началу занятий. А маленький папа всегда опаздывал. Иногда он опаздывал даже на второй урок. И это очень удивляло учительницу. Она говорила, что такого мальчика в их школе ещё не было. А директор сказал, что, наверно, в других школах тоже нет такого ученика.

«Этот мальчик опаздывает, как часы! — сказал директор. — И даже его родители ничего не могут с ним сделать. Я вызывал их два раза».

И действительно, родители ничего не могли поделать с маленьким папой. Каждый вечер происходила одна и та же история.

— Ты сделал уроки? — спрашивала бабушка.

— Сейчас... — отвечал маленький папа.

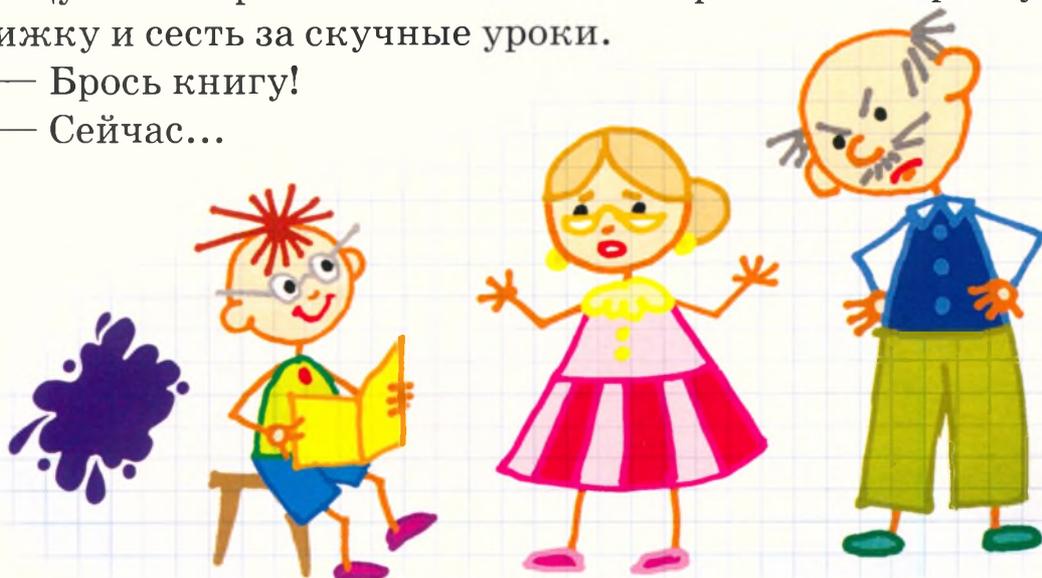
— Перестань читать и садись делать уроки! — говорил дедушка.

— Сейчас, — отвечал маленький папа, — только дочитаю страницу.

Маленький папа дочитывал страницу и начинал следующую. Он просто не в силах был бросить интересную книжку и сесть за скучные уроки.

— Брось книгу!

— Сейчас...

— Брось книгу!

— Сейчас...

Наконец у дедушки и бабушки лопалось терпение. Они вырывали у маленького папы книгу.

— Вырастешь лентяем! — говорили они.

Тогда маленький папа очень обижался. Он долго плакал и требовал свою книгу обратно. Он говорил, что, пока ему не вернут книгу, он всё равно не сядет за уроки.

Так незаметно проходил вечер. Когда маленький папа наконец сел за уроки, он быстро засыпал. Его будили. Он опять засыпал. Его опять будили. Он всё равно засыпал. Его всё равно будили. И он делал уроки в каком-то полусне. Так незаметно проходила часть ночи. Наконец усталые дедушка и бабушка сами засыпали.

Утром начиналась другая история.

— Вставай! — говорила бабушка.

— Сейчас... — бормотал маленький папа.

— Вставай! — кричал дедушка.

— Сейчас...

— Вставай!

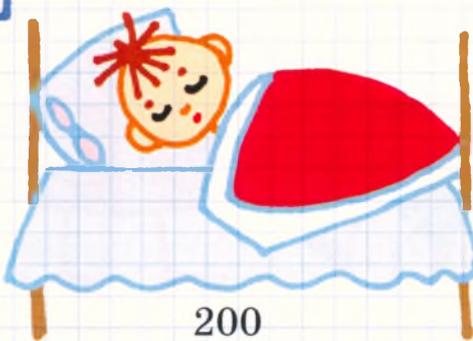
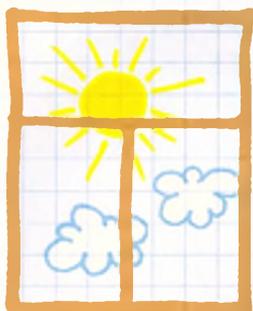
— Сейчас...

— Опоздаешь!

— Сейчас...

— Уже опоздал...

— Сейчас...

Все знают, как трудно встать рано утром, когда лёг поздно вечером. Самый сладкий сон как раз в это время. Особенно если тебе надо идти в школу.

Пока маленький папа медленно вставал, медленно одевался, медленно умывался, медленно пил чай и медленно собирал свои тетрадки, проходило очень много времени. И вот он бежал в школу, с ужасом глядя по дороге на все часы.

Когда маленький папа, задыхаясь, вбегал в класс, все ученики помирали со смеху. Смеялась даже учительница. «А, вот и наш мальчик-опоздальчик!» — говорила она. И это было очень обидно.

А в школьной стенгазете маленький папа был нарисован крепко спящим в своей постели. Рядом с ним были нарисованы его родители. Они обливали его холодной водой из двух вёдер сразу. Огромный будильник тянул маленького папу за ухо. И какой-то мальчик с трубой дудел ему прямо в другое ухо. Всё это называлось: «Баюшки-баю». И это тоже было очень обидно. Но он опять опаздывал.

Делая уроки в последнюю минуту, маленький папа делал их не очень хорошо. Опаздывая в школу, он пропускал объяснения учителей, и это мешало ему хорошо учиться.

Кроме того, он всё время куда-то спешил, опаздывал, бежал, волновался. И это плохо отражалось на его характере. Но он всё равно опаздывал.

Мне бы очень хотелось рассказать, как родители маленького папы наконец что-то придумали и он перестал опаздывать.

Я бы с удовольствием рассказал, как учителя и ученики смеялись над маленьким папой так обидно, что он в один прекрасный день пришёл в школу раньше всех и с тех пор не опаздывал ни разу.

Но я не хочу говорить неправду.

Маленький папа всюду опаздывал всю свою жизнь. Он опаздывал в школу. Он опаздывал в институт. И на работу он тоже опаздывал. Над ним всюду смеялись. Его наказывали. Его ругали и стыдили. И он очень много потерял в жизни из-за этой несчастной привычки. Он опаздывал в театр и смотрел спектакль без начала. Он опаздывал в гости, и на него очень обижались и даже иногда просили больше совсем не приходиться. Он приходил по делу и портил это дело своим опозданием.

А сколько раз он встречал Новый год на пустой улице, опаздывая на встречу с друзьями. Сколько людей он подвёл!

Сколько смешных и обидных историй любят рассказывать о нём его знакомые... До сих пор папа не может ходить по улице медленно. Он всегда спешит. Он привык куда-то опаздывать. И даже ночью ему снится, что он опять куда-то опоздал. И он вздрагивает и стонет во сне.

А иногда ему снится, что он опять стал маленьким. Опять бежит в школу. И весело смотрит на часы. Ещё рано! Ему снится, что он не опоздал. Все его поздравляют. Директор школы преподносит ему цветы. Его портрет вешают в школьном зале. Оркестр играет туш.

И тут он всегда просыпается. И ему кажется, что теперь он не опаздывал бы в школу. Но это ему только кажется.

**ЖУРНАЛЬНАЯ
ПОЛКА**

Из журнала
«ТРАМВАЙ»

Кто стучится в дверь ко мне
С толстой сумкой на спине?
Это он, это он —
Долго-долгожданный Слон!
А точнее:

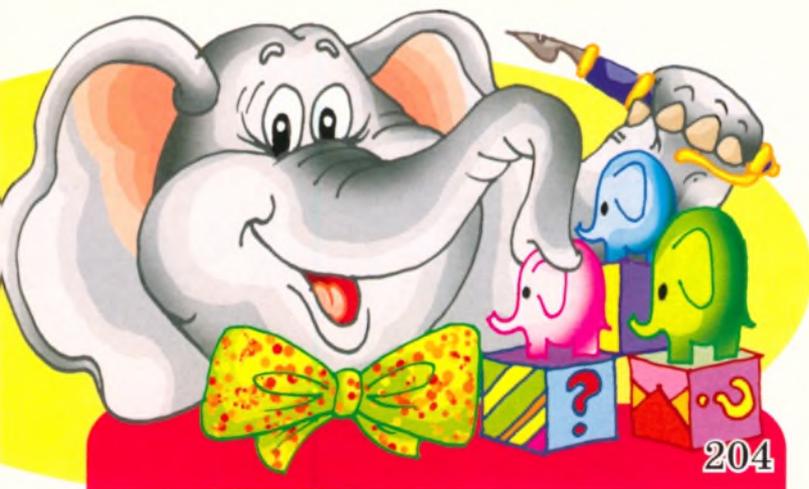
СЛОН-ЛЮБЯЩИЙ-ОТВЕЧАТЬ-НА...*

Не забыли — на что? Правильно: на самые неожиданные, самые заковыристые, самые безответные вопросы.

Как и все вы, СЛОН терпеливо ждал, пока журнал «Трамвай» доедет к своим читателям. И вот наконец дождался! Его почтовый ящик чуть не лопнул от ваших писем. И тогда бедняга СЛОН потерял покой и сон. Он теперь целыми днями читает ваши ответы на вопросы 1 тура, чтобы решить: кому присвоить звание «Кавалера слоников».

СЛОН старается выбрать тех, кто ответил наиболее Самобытно-Лаконично-Остроумно-Находчиво. Пока ему понравились такие ответы:

* Трамвай. 2007. № 90.

1 Почему, когда дует сильный ветер, всегда что-то свистит?

— Потому что ветер убегает, а что-то свистом зовёт его обратно.

Натasha Чечина, 11 лет, г. Чебоксары.

— Потому что у ветра зуб с присвистом.

Паша Валченко, 9 лет, г. Донецк.

— Ветер угоняет Землю в будущее, и она от радости свистит.

Юля Чистякова, 10 лет. Московская обл.

2 Как научить кузнечика плавать?

— Нужно лечь в лужу и показать, как это делается.

Катя Маслова, 11 лет, г. Чебоксары.

— Надо бросить в воду его любимое лакомство.

Андрей Гончар, 11 лет, г. Севастополь.

— Надо, чтобы его проглотила лягушка и пошла купаться.

Дима Васин, г. Орел.

3

Откуда берутся мысли?

— Мысли берутся из зависти перед другими мыслями.

Лида Зайцева, 11 лет, г. Волгоград.

— Мысли прилетают из далёкой страны Мысляндии.

Паша Валченко, 9 лет, г. Донецк.

— Они лезут из всех щелей!

Таня Свистунова, 12 лет, г. Горький.

К сожалению, СЛОН получил много почти одинаковых ответов. Например: «потому что дует ветер», «бросить кузнечика в воду», «мысли берутся из головы»... Такие скучные ответы ему, конечно же, не понравились.

Но письма продолжают идти. И СЛОН надеется, что он получит ещё немало интересных ответов. Их вы прочитаете в следующем номере «Трамвая».

А сейчас — ВНИМАНИЕ! СЛОН объявляет вопросы 2-го тура:

1 КАК НАРИСОВАТЬ НЕВИДИМКУ?

Вика Бондаренко, Донецкая обл.

2 КТО ПРИДУМАЛ НЕПРИЯТНОСТИ?

Олег Боцур, 12 лет, г. Одесса.

3 ИЗ ЧЕГО СДЕЛАН УЧИТЕЛЬ?

Маша Амельченко, г. Мамонтовка.

Сергей Георгиев

ПРО МАЛЕНЬКОГО МЫШОНКА

* * *

На берег ручья вышел лось. Он наклонил голову и стал шумно, большими глотками пить воду.

— Эй, рогатый! — закричал лосю маленький лягушонок. — Это не твой ручей! Он впадает в наше болото! Ты выпьешь всю воду!

Лось даже ухом не повел, сколько лягушонок ни кричал.

— Ладно, — сказал тогда лягушонок, — попей еще немного, если хочешь! А кто спросит — отвечай, что это я тебе разрешил.

* * *

Прилетели две пичуги, уселись на гибкую ветку старой ольхи и громко защебетали.

Маленький лягушонок притаился за кочкой и слушал. Когда птицы вспорхнули и улетели, лягушонок сказал себе:

— Как смешно они квакают! Ничего не понять!

* * *

Восемнадцать лягушат поспорили, кто первым доплывёт от берега до большого листа кувшинки.

Самый маленький лягушонок приплыл последним. Увидев, что все его братья и сестрёнки уже на месте, он радостно закричал:

— Ура-квэ-ква! Наши победили! Лягушки — они всех шустрее!

* * *

Маленький лягушонок сидел под широким зелёным листом. Вдруг на лист упала первая капля дождя; тук! Затем вторая: тук-тук!

— Входите, не заперто! — разрешил лягушонок.

Тук-тук! Тук-тук-тук! Тук-тук-тук-тук-тук! Капли застучали по листу часто и всё сильнее.

— Ладно уж, — сказал тогда лягушонок. — Если вы не заходите ко мне, я сам выхожу, ква-а-а!..

ВСПОМИНАНЬЯ ОТ МЕЛАНЬИ СОСИПАТРОВНЫ КОШКИНОЙ*

Суп с котом

Когда я была маленькая, я очень плохо ела. То есть я вообще совсем ничего не ела. Я не глотала, а только за щёку складывала. Поэтому щёки у меня были большие и толстые, а сама я была вся худая-прехудая. Меня даже на улицу не выпускали в ветреную погоду.

И вот однажды, когда я сидела на кухне одна-одинешёненька и грустно глядела в тарелку с супом, неожиданно и неизвестно откуда рядом со мной появился кот. Огромный и полосатый, как арбуз. В меховой лапке он держал мисочку. Кот расхаживал по кухне взад-вперёд и тихо приговаривал:

— Безобразное равнодушие к судьбе одного полосатого кота и всемирного кошачества...

Мне стало стыдно, что я его супом не угощаю, и я поскорее перелила почти весь свой суп в его мисочку. Кот стал есть суп — да так вкусно причмокивал и примурлыкивал, что мне тоже есть захотелось. И я всё доела, что у меня в тарелке оставалось.

Тут пришла моя мама и стала в ужасе кричать:

— Караул! В кухне чужие коты! Кыш!.. Брысь, коты!..

Это ей, наверное, от удивления показалось, что кот не один, что их много. Кот тут же исчез, словно его и не было. А мама посмотрела в мою тарелку и сказала:

— Доченька! Неужели ты всё съела? Сейчас мы с тобой за это в цирк пойдём.

* Трамвай. 2007. № 94.

А я говорю:

— Конечно! Ведь я не просто суп ела, а суп с котом. Вместе-то веселее. С котом вообще всё что угодно съесть можно!

С тех пор у меня отличный аппетит. Я всё толстею и толстею. А дома у меня всегда живут коты. На кухне спят, около батареи...

Приходите посмотреть — даже пощекотать можно!

Противные старушки

Когда я была маленькая, я была очень противная. Вот мне говорят:

— Доченька, иди кушать!

А я в ответ противным голосом:

— Пе-пе-пе-пе-пе!..

Ужас! Даже вспоминать стыдно.

И вот однажды весной гуляла я в саду «Эрмитаж» и показывала всем язык. Мимо проходили две старушки в беретках и спросили меня:

— Девочка, как тебя зовут?

— Никак, — ответила я своим противным голосом.

— Ура! — запрыгали от радости старушки. —

Наконец-то мы нашли девочку по имени Никак. Вот тебе письмо.

И они упрыгали.

В письме было написано: «Девочка по имени Никак! Почеси, пожалуйста, левой ногой правое ухо!»

«Вот ещё! — подумала я. — Очень надо!»

Вечером мы с мамой и тётёй Лизой пошли в «Детский мир». Мама и тётя Лиза крепко держали меня за руки, чтобы я не потерялась. И вдруг у меня ужасно зачесалось правое ухо! Я стала выдергивать свои руки. Но мама и тётя Лиза только сжали мои руки покрепче. Тогда я постаралась почесать ухо правой ногой. Но не дотянулась... И мне пришлось изловчиться и почесать правое ухо как раз левой ногой.

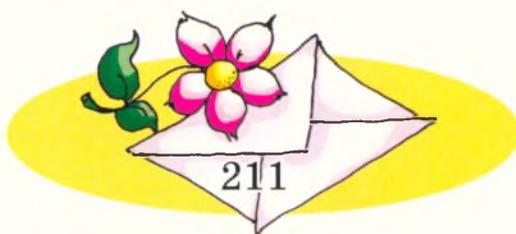
И как только я это сделала, у меня тут же выросли большие кудрявые усы. И у всех других детей — тоже.

В «Детском мире» поднялся страшный визг: это мамы и папы испугались своих детей усатых! И скорее побежали к врачам и милиционерам. Но врачи смогли вылечить усатых детей не сразу, а только через несколько дней.

Зато милиционеры сразу поймали двух противных старушек в беретках. Эти старушки уже давно ходили по Москве и делали всякие безобразия. Только они были уже совсем старенькие, и их противностей не хватало для безобразий. Поэтому они подыскивали противных мальчишек и девчонок и безобразничали с их помощью.

«Надо же! — подумала я. — Оказывается, противные девочки становятся противными старушками?..»

Мне не захотелось становиться такой старушкой, и я перестала быть противной.

Михаил Молюков

Краткая классификация языков по их форме, размеру, предназначению и др. пр.*

1 Язык-щуп

Все знают дятла. Вон за окном, в лесу, он постукивает клювом по коре и слушает: есть ли внутри ствола ходы с вредителями, с древоточцами и короедами, или это дерево здоровое? Стук-стук, стук да стук. Нашёл! И сразу стал долбить сильно и часто, чтобы пробраться к личинке жука-вредителя. Вот и вредительский потайной ход открылся. А добыча где же? Спряталась, ушла глубже в ствол. Ведь вредитель — он тоже не дурак — слышит, что к нему стучат, и прячется. Не беда! Язык у дятла длинный, почти такой же длины, как и сам хозяин. И очень липкий. Запускает его дятел в проход и отыскивает добычу в самых дальних закоулках.

Очень похоже на дятла работает гигантский муравьед. Это такое крупное красивое животное, с пушистым хвостом и длинной мордой, обитающее в южноамериканских степях — пампасах. Днём и ночью бродит муравьед в поисках пищи, а когда находит постройку термитов или муравейник, то ударом передних лап проламывает крепкие стенки. Потом просовывает в пролом узкую морду и длинным языком добирается до середины гнезда. Длина языка более полуметра, а втягивать и выпускать его муравьед может часто-часто, по 160 раз в минуту. Язык в липкой слюне, поэтому к нему легко прилипают насекомые. За день муравьед может слизать до тридцати тысяч муравьёв и термитов!

2

Язык-ложка

Многие люди, которые любят щёлкать семечки, позавидовали бы попугаю. Ведь у многих видов попугаев довольно короткий и мясистый язык имеет на конце ложкообразное углубление — чтобы лучше удерживать семена.

3

Язык-щетка

А есть щёткоязычные попугаи. У них язык на нижней стороне заканчивается коготком, а на верхней имеет щёточку из густо сидящих щетинок, которая служит для сбора пыльцы растений.

4

Язык-стрела

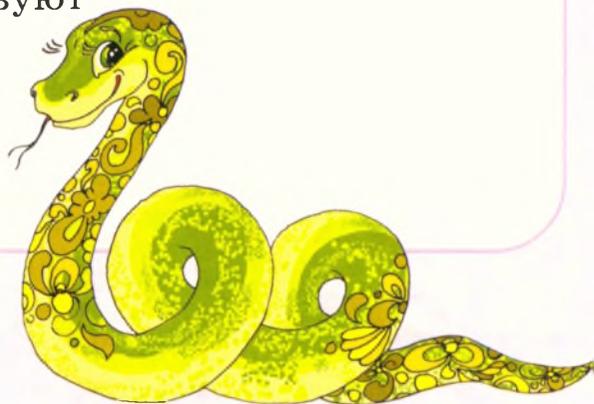
Язык хамелеона «выстреливает» на расстояние, в полтора раза превышающее длину тела своего хозяина. А клейкая слизь на кончике языка помогает хамелеону удержать, подтянуть и отправить в рот несколько «подстреленных» насекомых, а иногда даже мелких птиц или ящериц. Между прочим, наши жабы тоже пользуются липким стреляющим языком для ловли насекомых. А язык у них прикреплён во рту задом-наперёд. То есть не задней частью (как у человека), а передней. Это позволяет высовывать его на большее расстояние, что весьма полезно при ловле добычи.

5

Язык-рогатина

У змей язык — как рогатина — раздвоенный на конце. Часто его ошибочно называют жалом. Змеи могут определять языком вкус и даже запах. Некоторые гремучие змеи, очень ядовитые, используют язык для предупреждения, угрожающе размахивая им перед противником.

6

Язык-приманка

В пресных водах Северной Америки живёт самая крупная черепаха этой части света — каймановая. Когда она хочет кушать, а кушать она хочет часто, то раскрывает рот и выставляет подвижную приманку — червеобразный извивающийся язык. И что интересно: обычно белый или светло-серый язык черепахи во время ловли рыбы становится красным. Наверное, от ожидания вкусенького... Устремившись за аппетитным «красным червячком», рыбка заплывает прямо в черепашую пасть — АМ! Вот и всё...

7

Ещё кое-что о языках

Некоторые ящерицы-гекконы могут своим языком протирать от пыли и соринки свои глаза — то есть использовать язык как «автомобильные дворники».

Среди зверей самый большой язык у синего кита. Он весит тонн пять или шесть.

Самый маленький язык у карликовой бурозубки. Она и сама-то весит всего 3 грамма. А уж язычок-то и вовсе ма-а-ахонький...

Приложение к научному труду

1. «Языкария», или Правила пользования выражениями о языке (смотри на следующей странице).
2. Язык собственный (смотри во рту перед зеркалом).

Для чего человеку язык? Чтобы его высовывать и дразниться! Однако с помощью языка можно делать ещё кое-что. Что именно? Об этом расскажет

ЯЗЫКАРИЯ, или Правила пользования выражениями о языке

1

Если у вас язык заплетается
(не можете ясно сказать что-либо),
то лучше держать язык на привязи
(не болтать лишнего).
Иначе потом будете корить себя: «Чёрт дернул меня
за язык!»
(сожалеть о сказанном).

2

Если кто-то будет чесать языки
(сплетничать)
о вашем друге, то следует наступить им на язык
(заставить молчать).
И вы тут же увидите, что их как корова языком слизала
(быстро и бесследно исчезли).

3

Если же вы сами попадёте на язык
(станете предметом пересудов)

злым языкам

(сплетникам),

то не бегайте от них высунув язык

(очень быстро).

А скажите им прямо в глаза:

«Типун вам на язык!»

(сердитое пожелание злomu болтуну).

4

Когда вы захотите найти общий язык

(достигнуть взаимопонимания)

с незнакомым человеком, то не надо тянуть его за язык

(вынуждать высказываться).

Может быть, у него язык на плече

(очень устал)?

Лучше прикусить язык

(помолчать)

и дать человеку отдохнуть.

Изучив эти правила, вы овладеете языкарией, и ваш язык всегда будет — звонкий, лёгкий, мелодичный, плавный, звучный, лаконичный, безупречный, острый, страстный, самый-самый языкастый.

Тим Собакин

СОБАЧЬЯ ЖИЗНЬ

Я чинно гулял,
Огибая газон,
И думал о ломтике сала.
Собака,
Одетая в комбинезон,
Навстречу мне важно шагала.

Дрожал от мороза осиновый лист,
И ветер свистел то и дело.
Был комбинезон у Собаки пушист,
И сала она не хотела.

Моё же пальто было меньше на рост,
Едва прикрывало колено.
И если б имел я в наличии хвост,
То хвост бы дрожал непременно.

Я чинно гулял,
Огибая газон.
Сосулька из носа свисала.
Мне тоже хотелось бы комбинезон
Конечно же, с ломтиком сала.

Хозяин сказал вдруг Собаке:
«Ложись!..» —
Собака свалилась под ясень.
И смысл выраженья «собачья жизнь»
Мне стал очевиден и ясен.

САМОЛЁТ

Когда мне было восемь лет,
я рос как маленький нахал:
я смело строил самолёт,
который крыльями махал.
Кусок фанеры, две доски –
мой самолёт был мягкотел,
но всем законам вопреки,
махая крыльями, летел.

Я был с наукой не знаком
и мне внушали не спеша,
что тяготения закон
весьма опасно нарушать.
Но я летал — как наяву!
Все волновались как в кино.
И только бык жевал траву,
быку-то было всё равно.

...Уже лысеет голова,
давно в игрушки не играл.
Я знаю умные слова —
податливый материал!
Мой самолёт из этих слов
имеет современный вид
и пару бешеных винтов.
Но только в небо не летит.

Из виртуального
журнала

«САМИЗДАТ»

Валентина Дёгтева

В ЛЮКЕ *

Однажды Нинка провалилась в люк. Совершенно случайно, конечно. Она только хотела посмотреть, кто же там внизу сидит. Любому ребёнку ясно, что там кто-то сидит. Иначе почему туда нельзя совать голову и бросать камешки?

Повисла Нинка на какой-то трубе, а кругом такая темнота, будто и вообще ничего нет... Только пыхтит кто-то. Нинка спрашивает:

— Эй, кто это? Только, если крыса, не говори. Мне и так страшно.

— Я сантехник, — отвечает кто-то трагическим басом.

— Ага. А вдруг ты вовсе не сантехник? Тебя же совсем не видно. Вдруг ты крыса?

— А как ты догадалась, что не сантехник?

«Значит, всё-таки крыса!» — подумала Нинка и быстренько полезла вверх по трубе.

— Стой, девочка! — закричал кто-то и зашлёпал по воде. — Не бросай меня! Я всего лишь несчастный заколдованный принц! Сижу здесь уже сто лет, трубу чиню! Меня в сантехника заколдовали!

* <http://zhurnal.lib.ru>

— Сейчас прямо и поверю! Когда темно, легко принцем прикидываться! — крикнула Нинка и крепче за трубу уцепилась. — А почему в сантехника-то?

— Ну, сначала меня заколдовали в бревно...

— А потом?

— Потом в одногорбого верблюда, потом — в электроплитку, воздушный шарик и резиновые сапоги. Надо сказать, бревном мне лучше всего жилось. А потом у злого волшебника прорвало трубу в бассейне... Девочка, расколдуй меня! Я тебе гаечный ключ подарю!

— Ну... Это значит, тебя целовать надо или замуж за тебя выходить. А я тебя даже не вижу. И вообще, меня уже милиция, наверное, ищет.

— Не надо меня целовать! Что я, лягушка какая-нибудь? Я сантехник с дипломом. Ты меня только пожалей, и я сразу принцем обратно сделаюсь. Неужели тебе меня совсем не жалко?

— Не-а. Мне себя жалко. Сидит маленькая девочка на холодной трубе, в полной темноте, и никто-никто ей не поможет... Ой, как мне себя жалко!

И Нинка заревела в полный голос.

— Девочка! Ты меня пожалей! Меня! Тебя-то мама с папой пожалеют!

— Ой, а мама-то никогда не узнает, что я в люке... Как маму жалко...

Принц-сантехник затопал ногами в воде от злости:

— Девочка! Сосредоточься и пожалей меня! Я прекрасный юный принц! Сажу в этой дыре! Меня жалко! Жалко!

— Знаете, дяденька! Так в темноте пожалеешь кого-нибудь, а он тебя потом по затылку сзади... да вот хоть ключом гаечным... И как Вам вообще не стыдно! Взрослый! Давно бы уже намяли своему колдуну бока, а то наплакали тут целую канализацию! Мне Вас просто жалко!

Вдруг стало не только темно, но и тихо.

— Дяденька, Вы обиделись? Что это Вы больше не булькаете? А-у!

Тут из глубины канализации донёсся какой-то ананасно-мандариновый голосок:

— Спасибо тебе, добрая девочка, за то, что меня пожалела. Разрушились, как говорится, злые чары... и теперь я смогу вернуться в своё королевство.

— Ого! А если ты снова принц, то почему я тебя и теперь не вижу? — удивилась Нинка. — Разве принцы не сияют, как полированные?

— Я же африканский принц, — гордо произнёс голосок. — В темноте все африканские принцы одинаковые... Всего тебе, девочка, хорошего.

И ушёл тайным подземным ходом прямо в Африку. Тут как раз сверху милиционер спустился и Нинку вытащил.

Больше она в люки никогда не заглядывала, потому что знала, что сидят там либо принцы, либо сантехники. Ничего интересного там больше нет.

МОЛЬ

У Нинки в шкафу поселилась моль. Самое интересное, что никто её туда не приглашал.

Нинка хотела пальто взять, а моль у неё перед носом дверь захлопнула и говорит:

— Не беспокоить меня! Я завтракаю! — и на замок закрылась.

Нинка в замочную скважину кричит:

— Пальто-то отдай! В чём я гулять пойду?

— Не отдам, — говорит моль. — Я пальтом твоим завтракаю. А будешь приставать — укушу!

«Некультурная какая. И неграмотная», — подумала Нинка и побежала папе жаловаться.

Папа как узнал, что моль в шкафу пальто Нинкино ест, хотел милицию вызвать. Но потом решил, что с ней надо по-хорошему.

Вооружился он шваброй, вежливо так в дверь шкафа постучал и говорит:

— Моль, откройте дверь.

Будьте добры.

Моль голову нечёсаную высунула и отвечает:

— Это ваша шапка на гвоздике болтается?

— Моя. Кроликовая, — сказал папа.

— Если не отвяжитесь — она на обед пойдёт, — и снова дверь закрыла.

— Наверное, и валенки уже съела. Вон, какая пузатая, — вздохнула Нинка.

Тогда папа принёс с кухни апельсины, чтобы оккупантку вытравить. Нинка обрадовалась:

— Правильно! Дай я ей прямо в лоб апельсином...

Но папа сказал, что это способ совсем не эффективный. А вот резкого запаха моль испугается и сразу убежит.

Он апельсины очистил и шкурки около шкафа положил. Но моль со стонами из шкафа не выползла и пощады не запросила: нос заткнула, наверное.

Нинка не выдержала. Взяла апельсин да как его внутрь зашвырнёт! Будто гранату.

В шкафу сразу такая тишина сделалась, моль даже чавкать перестала.

А через минуту появилась на пороге шкафа. Жевала апельсин, морщилась и выплевывала косточки.

— Я моль новой породы. Мне ваши бабушкины методы — ни-почём. Принесли бы лучше носки какие-нибудь на десерт. Кстати, где вы купили такую вкусную шапку?

Папа за шапку очень рассердился. Даже шваброй взмахнул, но моль вовремя за дверью спряталась. Нинка предложила её выманить и поколотить.

Тогда папа велел ей принести мамину шубу из прихожей. Он надел мамину шубу на швабру, спрятался за креслом и стал размахивать ей перед шкафом.

— Какая аппетитная шуба... Сам бы съел, — говорил он громко, а Нинке шептал:

— Когда она на шубу клюнет, ты её за задние лапы хватай. Если они у неё, конечно, есть. А я её шваброй...

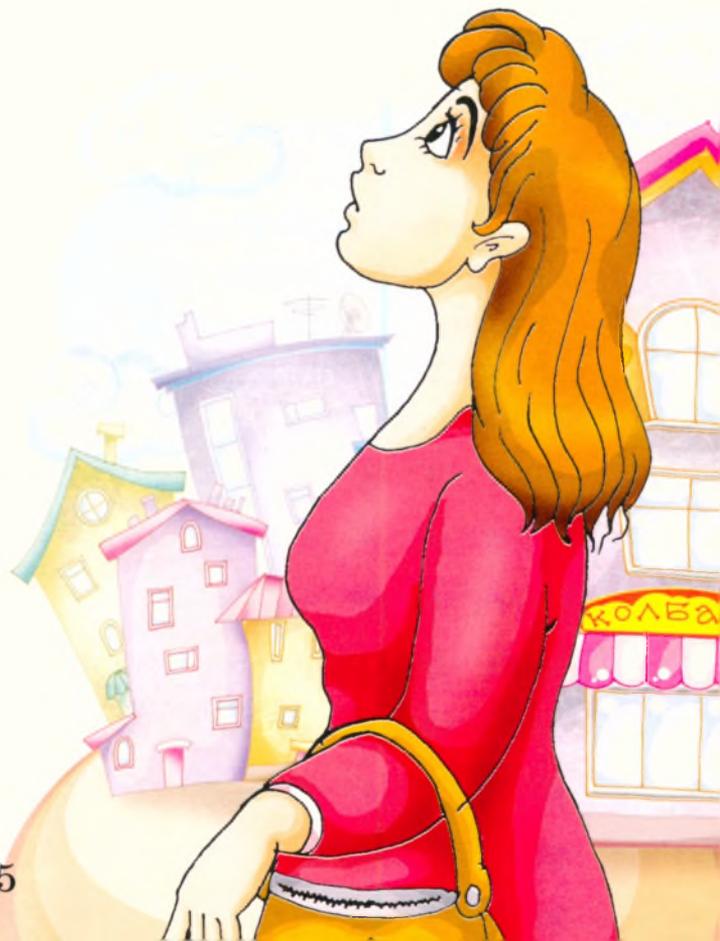
Моль не выдержала такого искушения. Она выпрыгнула из шкафа и вцепилась зубами в шубу, раздирая её на клочки. Нинка едва успела её цапнуть, как папа споткнулся о швабру, и моль выскользнула у них из рук.

С шубой в зубах она выскочила из квартиры и понеслась по улице.

— Удрала! Ой, что мы маме скажем? Про шубу-то? — испугалась Нинка.

— Что её моль съела, — буркнул папа. — Но боюсь, она не поверит.

А мама как раз возвращалась из булочной. Увидела удирающую моль, узнала свою шубу и отобрала. И ещё сказала, что, если хоть раз увидит моль в своём шкафу, прихлопнет, не раздумывая.

КРОКОДИЛ

Нинка очень не любила овсяную кашу. Она всё время находила в ней какую-то шелуху и плевалась. Но мама не могла этого так оставить. Она говорила:

— Смотри, крокодил летит!

Нинка:

— Где? — и рот от удивления раскрывала.

И пока Нинка с открытым ртом крокодила высматривала, мама в неё овсянку ложками забрасывала. Иногда по две тарелки успевала перекидать, пока крокодил за облаками не скроется.

А однажды мимо какой-то необычный крокодил пролетал. Опустился на подоконник, забарабанил в стекло лапками и лопочет что-то — за стеклом не разобрать.

Нинка обрадовалась:

— Мам! Давай крокодильчика овсянкой угостим!

Но мама очень возмутилась:

— Вот ещё! И так голуби весь подоконник перепачкали. Теперь ещё и крокодилы слетаются. Кыш! Кыш!

А крокодил на подоконнике уселся, лапки свесил и болтает ими туда-сюда. Живот зелёный на солнышке греет, на мамины крики — ноль внимания.

Тогда мама пошла пожарникам звонить, чтобы они крокодила с подоконника сняли, а то он весь вид портит. А Нинке велела окно не открывать и на провокационные крокодильи вопросы не отвечать.

Но Нинка всё равно высунулась и спрашивает:

— Крокодил, овсянки хочешь?

А крокодил австралийский был, неместный, он по-русски плохо понимал. Вытянул морду чешуйчатую, понюхал тарелку и спрашивает с акцентом:

— А что это есть — «афсьанка»?

Нинка отвечает:

— Да, это надо есть. Только очень противно и хочется плевать.

Крокодил обрадовался:

— Плевать? Я любить плевать! Особенно с четвёртый этаж! — и всю-всю тарелку съел. Но у мамы на плите ещё целая кастрюлька была.

Мама возвращается, а Нинка с крокодилом на подоконнике сидят, едят овсянку из кастрюли, куксятся и плюют на красивую новую машину соседа Кузюкина. Всё доели, кастрюлю выскребли, крокодил по животу себя похлопал и говорит:

— Спасибо тебе, хороший девочка. Никогда ещё так хорошо не плевался! Но запомни, что сидеть на подоконнике без крокодила — опасно!

Очень уж он любил всех жизни учить. Была у него такая маленькая слабость. Сказал «гудбай», надел кастрюлю на голову (от дождя) и полетел осматривать городские достопримечательности. Нинка ему тоже сказала «гудбай». С хорошим английским произношением. Когда рот полон каши, это совсем не трудно.

Мама даже не сердилась, хотя приехали голодные пожарники и пришлось ей для них ещё одну кастрюлю овсянки варить. Она только жалела, что не попросила крокодила почаще прилетать — с Нинкой кашу есть.

СОДЕРЖАНИЕ

О ТЕБЕ, ОБО МНЕ И ОБ УЧЁНОМ АРХИМЕДЕ	3
Сначала об Архимеде	3
Об открытии Архимеда	6
А теперь о тебе и обо мне.....	7

ПОЛКА СКАЗОК

ПО ЩУЧЬЕМУ ВЕЛЕНИЮ. Народные сказки	10
003 Петушок — золотой гребешок и жерновцы (Обработка А.Н. Афанасьева)	10
004 Царевна-лягушка (Обработка А.Н. Толстого)	13
005 Хаврошечка (Обработка А.Н. Толстого).....	21
006 Сестрица Алёнушка и братец Иванушка (Обработка А.Н. Толстого)	25
007 По щучьему велению (Обработка А.Н. Толстого)	29
ПО МОЕМУ ХОТЕНИЮ. Авторские сказки	38
008 Александр Пушкин. Сказка о рыбаке и рыбке	38
009 Валентин Берестов. Как найти дорожку.....	45
010 Виталий Бианки. Хвосты	47
011 Сергей Козлов. ПРАВДА, МЫ БУДЕМ ВСЕГДА?.....	51
012 Добрый слон.....	51
013 Чистые птицы	53
014 Весенняя сказка	55
015 Заяц и Медвежонок	57
016 Дружба.....	58
017 У ручья	59
018 В самое жаркое воскресенье, которое было в лесу	60
019 В сладком морковном лесу	62
020 Правда, мы будем всегда?.....	64
021 Марина Москвина. Что случилось с крокодилом	66
022 Людмила Петрушевская. Заячий хвостик	71
023 Геннадий Цыферов. Паровозик из Ромашково	73
024 Маленький тигр.....	75

ПОЛКА СТИХОВ

КУ-КУ. Весёлые стихи	78
024 Агния Барто. Ку-ку	78
025 Игра в слова	81
026 Александр Введенский. О рыбаке и судаке	82
027 Когда я вырасту большой	84

028	<i>Юрий Владимиров. Ниночкины покупки</i>	85
029	Чудаки	87
030	<i>Вера Инбер. Сороконожки</i>	88
031	<i>Осип Мандельштам. Муха</i>	91
032	<i>Сергей Михалков. Бараны</i>	92
033	Одна рифма	93
034	<i>Даниил Хармс. Весёлый старичок</i>	95
035	Кошки.....	96
036	<i>Саша Чёрный. Приставалка</i>	97
	ЗВЁЗДОЧКА В ОКНЕ. Задумчивые стихи	98
037	<i>Александр Пушкин. «Ещё дуют холодные ветры...»</i>	98
038	«Забыв и рощу и свободу...»	99
039	Птичка	99
	<i>Юнна Мориц. Звёздочка</i>	100
040	<i>Сергей Есенин. «Нивы сжаты, рощи голы...»</i>	100
041	<i>Владимир Друк. «И спокоен, и мудр...»</i>	101
042	Из жизнеописания кошки Мурки	101
043	<i>Новелла Матвеева. Галчонок</i>	102
044	<i>Эмма Мошковская. Незабудка</i>	102
045	<i>Ирина Токмакова. Сонный слон</i>	103
046	Где спит рыбка	103
047	Ручей	104
048	Дуб	104
050	Рябина	104
049	Сосны.....	104
051	<i>Владимир Орлов. Разные мнения</i>	105
052	Мальчишка Том.....	105
	БУКЕТ КОТОВ. Забавные стихи	108
053	<i>Валентин Берестов. Гололедица</i>	108
054	Искалочка	108
055	<i>Марина Бородицкая. Змея</i>	108
056	Щи-талочка	109
057	<i>Олег Григорьев. Страх</i>	109
058	Батон	109
059	Сосед.....	110
060	<i>Александр Кушнер. Игра</i>	111
	Кто сказал, что мы подрались?.....	112
061	Не шумите!	113
062	<i>Вадим Левин. Стихи с бегемотами</i>	114
063	Усталый поезд	116
064	<i>Михаил Либин. Котелок</i>	118
065	<i>Виктор Лунин. Кто я?</i>	120
066	<i>Новелла Матвеева. Было тихо...</i>	121
067	Путаница.....	122

068	<i>Юнна Мориц. Хохотальная путаница</i>	124
069	Букет котов	125
070	<i>Эмма Мошковская. Жадина</i>	126
071	Бульдог	128
072	Телеграмма	130
073	<i>Рената Муха. Про Ужа и про Ежа</i>	131
074	Одинокая свинка	131
075	<i>Владимир Орлов. Спор</i>	132
076	Костяная рубашонка	132
077	<i>Генрих Сапгир. Футбол</i>	133
078	Лимон	133
079	<i>Роман Сеф. Всё на всё похоже</i>	134
080	<i>Тим Собакин. Прилетели бегемоты</i>	135
081	Песни бегемотов	136
082	<i>Ирина Токмакова. Гном</i>	137
083	Крокодилы	137
084	<i>Андрей Усачёв. Планета кошек</i>	138
085	Пустынная песня	139
086	<i>Эдуард Успенский. Птичий рынок</i>	140
087	Рыжий	142
088	<i>Михаил Яснов. Игра</i>	143
089	Считалка с бурундуком	143
090	Я помогаю на кухне	144
091	Я придумываю фамилии	144
	О ЧЁМ ПОЮТ ВОРОБЫШКИ. <i>Добрые стихи</i>	145
092	<i>Аполлон Майков. Колыбельная песня</i>	145
093	<i>Валентин Берестов. Воробушки</i>	146
094	Коза	146
095	<i>Марина Бородицкая. Вот такой воробей</i>	147
096	Улов	147
097	<i>Новелла Матвеева. Путешественник</i>	148
098	<i>Владимир Орлов. Грустная киска</i>	149
099	Белые стихи о чёрном пуделе	149
100	Лисий хвост	151
101	Жук	152
102	<i>Николай Рубцов. Медведь</i>	152

ПОЛКА РАССКАЗОВ И ИСТОРИЙ

	<i>Лев Толстой. ПРЫЖОК</i>	154
103	Акула	154
104	Прыжок (Быль)	156
105	Косточка (Быль)	158
106	Лев и собачка	159

107	<i>Иван Тургенев. Воробей</i>	161
108	<i>Виктор Драгунский. Куриный бульон</i>	162
	<i>Юрий Коваль. ШАПКА ДЯДИ ПАНТЕЛЕЯ</i>	167
	Дед, баба и Алёша	167
	Бабочка	169
	Русачок-травник.....	170
	Шапка дяди Пантелея	171
	Полёт	172
	<i>Алексей Пантелеев. БУКВА «ТЫ»</i>	173
	Как поросёнок говорить научился	173
	Буква «ты»	175
109	<i>Константин Паустовский. Барсучий нос</i>	180
	<i>Михаил Пришвин. ДО СВИДАНЬЯ, УТЯТА!</i>	183
110	Лисичкин хлеб	183
	Лесной доктор	185
	Ребята и утята	186
111	Ёж	188
	<i>Александр Раскин. КАК ПАПА БЫЛ МАЛЕНЬКИМ</i>	191
	От автора	191
	Как папа укрощал собачку	193
	Как папа сочинял стихи	196
	Как папа опаздывал	199

ЖУРНАЛЬНАЯ ПОЛКА

	Слон-Любящий-Отвечать-На... ..	204
	<i>Сергей Георгиев. Про маленького мышонка</i>	207
	ВСПОМИНАНЬЯ ОТ МЕЛАНЬИ СОСИПАТРОВНЫ	
	КОШКИНОЙ	209
	Суп с котом	209
	Противные старушки	210
	<i>Михаил Молюков. Краткая классификация языков по их</i>	
	<i>форме, размеру, предназначению и др. пр.</i>	212
	<i>Языкария, или Правила пользования выражениями о</i>	
	<i>языке</i>	216
	<i>Тим Собакин. Собачья жизнь</i>	218
112	Самолёт	219
113	<i>Валентина Дёгтева. В люке</i>	220
114	Моль	223
	Крокодил	226

КАК
ХОРОШО
УМЕТЬ
ЧИТАТЬ!

«Дар слова» —
книга для чтения,
рассчитанная на
совместное чтение
ребёнка со взрослым
и самостоятельное чтение
ребёнка 5–12 лет.
Она состоит из трёх частей:
«Это очень интересно!»
(5–7 лет),
«Как хорошо уметь читать!»
(7–10 лет) и
«Про всех на свете»
(10–12 лет).

В комплект каждой части
входят книга для чтения,
методические подсказки
и аудиоприложение.

ISBN 978-5-86547-455-5

9 785865 474555

